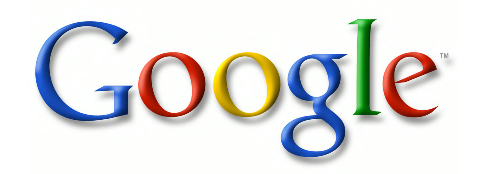


ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ

ЦАРСТВОВАНІЯ

АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

СОЧИНЕНІЕ

П. Медовикова.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена.
1854.

302924983/

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ

ЦАРСТВОВАНІЯ

АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

СОЧИНЕНІЕ

П. Медовикова.

НА СТЕПЕНЬ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХЪ НАУКЪ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ И СТАТИСТИКИ.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена.
1854.

По опредѣленію Совѣта Императорскаго Московскаго Университета печатать дозволяется. Іюня 9-го дня 1854 года.

Секретарь Совѣта Жигаревъ.

Къ половинѣ XVII вѣка умолкаетъ древнее лѣтописаніе, вмѣщающее въ себѣ завѣтныя преданія нашей старины съ того времени, когда пошла Русская земля, представляющее, въ непрерывномъ рядѣ сказаній, судьбы нашего отечества съ самаго водворенія въ немъ государственнаго начала. Священная повѣсть временныхъ лѣтъ прекращается, какъ бы сдѣлавъ послѣднее усиліе въ « лѣтописи о мятежахъ » и « новомъ лѣтописцѣ ». Причинъ такого явленія должно конечно искать не столько въ учрежденіи Тайной Канцеляріи, имѣвшемъ, по мнѣнію Татищева [1], неблагопріятное вліяніе на судьбу нашей исторіографіи, сколько въ переворотѣ, который приготовлялся въ государственной и общественной жизни нашей, въ стремленіи личности вырваться изъ оковъ, наложенныхъ на нее бытомъ древней Руси. Подъ вліяніемъ личнаго начала безъимянныя сказанія лѣтописцевъ-отшельниковъ, трудившихся единственно « любве ради Господа Бога и своего оте-

1. « А онаго Государя дѣла, и по немъ многія нужнѣйшія, а особливо военныя остались въ забвеніи ... Не безъ такихъ хотя людей было, что его дѣла описывали; но погибели оной причина учрежденная Тайная Канцелярія, которой опасаясь, писать не смѣли, или написанное истребляли. » Татищева Ист. Росс. гл. VI, стр. 59.

чества», стали уступать мѣсто запискамъ очевидцевъ, которые въ повѣствованіе свое вносили собственные взгляды на предметъ. Вліяніе этого начала рѣзко обозначается въ сочиненіяхъ Курбскаго и Котошихина. Но къ сожалѣнію XVII вѣкъ представляетъ, и въ этомъ родѣ, слишкомъ мало историческихъ памятниковъ. Немногія дошедшія до насъ записки Русскихъ людей-очевидцевъ, за исключеніемъ Котошихина и жизнеописанія Патріарха Никона, всѣ относятся къ двумъ послѣднимъ десятилѣтіямъ его. Только кровавыя событія грозной стрѣлечины и исполинская дѣятельность Великаго Преобразователя нѣсколько пробудили смолкшее бытописаніе наше.— Потому изъ отечественныхъ сочиненій чисто-историческаго содержанія мы не можемъ почерпнуть непрерывной, тѣмъ менѣе полной исторіи царствованія Алексѣя Михайловича. Сохранилось, правда, преданіе о существованіи дневника самаго Царя Алексія и записокъ знаменитаго дипломата Ордына-Нащокина: но какъ эти, такъ и другіе источники утрачены, или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не отысканы [1]. Что касается до записокъ иноземцевъ, посѣщавшихъ Россію и представляющихъ столь обильный источникъ для исторіи смутнаго времени, то онѣ, за исключеніемъ извѣстныхъ сочиненій Адама Олеарія и барона Мейерберга, не имѣютъ, въ отношеніи ко второй половинѣ XVII вѣка, особеннаго значенія ни по числу, ни по содержанію. Въ нихъ нѣтъ непрерывнаго повѣствованія о современныхъ событіяхъ: онѣ ограничиваются изложеніемъ дипломатическихъ переговоровъ того или другаго государства съ

---

1. Касательно дневныхъ записокъ Алексѣя Михайловича, см. Сѣв. Пчелу 1845 г., № 30.

Московскимъ Дворомъ, или попытками изобразить бытъ Русскаго народа, попытками, большею частію, неудачными, выказывающими недостатокъ наблюдательности, иногда и отсутствіе безпристрастія и намѣренное недоброжелательство [1].

Основываясь на такихъ причинахъ, авторъ «Царствованія Алексѣя Михайловича» могъ, при представившихся ему затрудненіяхъ, сослаться на скудость отечественныхъ источниковъ для исторіи избранной имъ эпохи [2]. Четверть вѣка тому назадъ жалобы его были отчасти справедливы, если не въ отношеніи существованія матеріаловъ, то, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи ихъ разработки и изданія въ свѣтъ. Но съ того времени обстоятельства измѣнились. Дѣятельность наша на поприщѣ отечественной исторіи приняла столь широкіе размѣры, что каждая эпоха политической жизни Россіи обогатилась новыми матеріалами и пособіями. Участіе Державнаго Покровителя просвѣщенія въ судьбѣ науки, столь драгоцѣнной сердцу каждаго изъ насъ, даровало Русскому народу полное собраніе важнѣйшихъ памятниковъ его минувшей жизни. Неусыпная дѣятельность ученыхъ обществъ и частныхъ лицъ открыла новые матеріалы, въ числѣ ихъ и такіе, которыхъ существованіе прежде едва подозрѣвали. Выяснилось многое въ нашей исторіи, что еще недавно скрывалось въ какомъ-то полумракѣ.

---

1. Менѣе упрековъ въ этомъ отношеніи заслуживаетъ, можетъ быть, «Сказаніе Адольфа Лизека о посольствѣ отъ Императора Римскаго Леопольда къ Великому Царю Московскому Алексію Михайловичу (см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1837): но и оно, касаясь только дипломатическихъ переговоровъ пословъ съ нашими боярами и отчасти быта Русскаго народа, не чуждо грубыхъ ошибокъ.

2. См. предувѣдомленіе къ царствованію Алексѣя Михайловича, Берха, Спб. 1831 г.

Такое счастливое положеніе науки отечественной исторіи отчасти отразилось и на эпохѣ, избранной для настоящаго изслѣдованія. Не говоря уже о первомъ томѣ полнаго собранія законовъ Россійской имперіи и четвертой части собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, извѣстныхъ и автору царствованія Алексѣя Михайловича, въ продолженіе второй четверти нашего вѣка, появился обильный запасъ матеріаловъ для будущаго историка въ изданіяхъ Археографической коммиссіи: въ четвертомъ томѣ актовъ, собранныхъ Археографическою экспедиціею, четвертомъ томѣ актовъ историческихъ, третьемъ, четвертомъ и пятомъ Дополненій къ нимъ, въ пятомъ томѣ актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи; въ третьемъ Дворцовыхъ Разрядовъ, изданныхъ II-мъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи; въ сочиненіи Коташихина, открытомъ въ 1838 году и представляющемъ многія важныя стороны нашего внутренняго быта въ XVII вѣкѣ, которыя прежде были неизвѣстны, или, по крайней мѣрѣ, неясны. Хотя бѣглый подъячій Посольскаго Приказа, скитаясь на чужбинѣ, уже успѣлъ усвоить себѣ ложный взглядъ на нѣкоторые предметы: однако сочиненіе его имѣетъ несомнѣнныя преимущества предъ всѣми подобными записками иноземныхъ наблюдателей, исполненными грубыхъ ошибокъ [1]. Сколько важныхъ матеріаловъ для исторіи XVII вѣка, преимущественно въ отношеніи къ Малороссіи, заключается въ чтеніяхъ Императорскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Универси-

1. См. предисловіе Археограф. коммиссіи къ его изданію.

тетѣ! Должно сознаться, что изданіе источниковъ вообще опередило изслѣдователей. — Въ послѣднее время появились однако и нѣкоторыя сочиненія, относящіяся къ означенной эпохѣ, въ особенности къ отдѣльнымъ сторонамъ политической жизни нашего отечества. Таковы: «Очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея Царю Алексѣю Михайловичу» *С. М. Соловьева* (изъ трехъ статей относится сюда послѣдняя); «Сношенія съ Голландіею, 1650 — 1660 г.» *Г. Корниловича*; «Дипломатическія сношенія Россіи съ Западною Европою во второй половинѣ XVII вѣка» *М. Н. Капустина*; «Россія въ отношеніи къ Державамъ Европейскимъ при кончинѣ Царя Алексѣя Михайловича» *Г. Попова* (отрывокъ); «Подвиги Русскихъ на Амурѣ въ XVII вѣкѣ» *Г. Щукина* и т. д. [1]. Если къ изданнымъ матеріаламъ и изслѣдованіямъ отечественнымъ присоединить извѣстія, которыя находятся въ современныхъ Польскихъ и другихъ иностранныхъ историкахъ, и сказанія посѣщавшихъ Россію иноземцевъ, конечно не обильныя, но тѣмъ не менѣе поясняющія темныя преданія нашихъ актовъ: то, въ наше время, уже нельзя считать царствованія Алексѣя Михайловича какимъ-то пробѣломъ въ бытописаніи Русской земли единственно потому, что прекратились древнія лѣтописи; нельзя жаловаться на недостатокъ матеріаловъ для подробнаго изложенія отечественной исторіи второй половины XVII столѣтія. Нужна только надлежащая разработка ихъ.

Авторъ настоящаго изслѣдованія воспользовался изданными

---

1. Редакція Москвитянина недавно (№ 8, 1854 г.) обѣщала издать историческую характеристику подъ заглавіемъ: Царь Алексѣй Михайловичъ, соч. проф. Зернина — но къ сожалѣнію она до сихъ поръ не вышла.

матеріалами по стольку, по скольку это было необходимо для опредѣленія историческаго значенія избранной имъ эпохи. О полной разработкѣ онъ и не смѣлъ думать: для этого потребовалось бы слишкомъ много времени, а обстоятельства заставили его спѣшить. Удалось ли ему пополнить прежніе взгляды на предметъ его изслѣдованія, яснѣе опредѣлить значеніе нѣкоторыхъ явленій — это предоставляетъ онъ рѣшить суду ученыхъ, на разсмотрѣніе которыхъ поступаетъ его трудъ.

« Государь! въ иномъ Отецъ Твой, въ иномъ ты больше
« хвалы и благодаренія достоинъ. Главныя дѣла Государей три:
« первое внутренняя расправа и главное дѣло ваше есть пра-
« восудіе. Въ семъ Отецъ Твой болѣе, нежели ты сдѣлалъ....
« Другое: военныя дѣла. Отецъ Твой много чрезъ оныя хвалы
« удостоился, и пользу велику государству принесъ, Тебѣ
« устроеніемъ регулярныхъ войскъ путь показалъ, да по немъ
« несмысленные всѣ его учрежденія раззорили, что Ты почитай
« все вновь дѣлалъ и въ лучшее состояніе привелъ.... Третье:
« въ устроеніи флота, въ союзахъ и поступкахъ съ иностран-
« ными, Ты далеко бóльшую пользу государству и себѣ честь
« пріобрѣлъ, нежели Отецъ Твой, и сіе все самъ надѣюсь
« за право примешь».

Слова князя Якова Долгорукова Петру Великому.

ГЛАВА I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Царствованіе Алексѣя Михайловича, наполняя собою большую часть второй половины XVII вѣка и по преимуществу опредѣляя характеръ этого времени, составляетъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ въ нашей исторіи, эпоху, соединяющую древнюю Русь съ новою. Принадлежа по своему характеру еще къ первой, оно представляетъ послѣдній моментъ развитія у насъ государственной и общественной жизни въ духѣ древнихъ уставовъ, изъ особыхъ, намъ свойственныхъ началъ, безъ замѣтнаго вліянія Западно-Европейскаго быта; представляетъ блестящее разрѣшеніе государственныхъ задачъ, возникшихъ съ того времени, когда Русь Восточная стала сливаться въ одно политическое тѣло. Но вмѣстѣ съ тѣмъ являетъ оно многія стороны, въ которыхъ обнаруживаются новыя потребности государства и общества, усиленное стремленіе къ сближенію съ Европою, къ воспріятію нѣкоторыхъ началъ Западнаго образованія; не рѣшая всѣхъ вопросовъ, возникшихъ въ предшествующій періодъ, предоставляетъ дальнѣйшее развитіе и разрѣшеніе ихъ временамъ послѣдующимъ. Такимъ образомъ, для опредѣленія историческаго

значенія этого царствованія, нельзя его разсматривать отдѣльно: многосторонняя дѣятельность Московскаго правительства при началѣ переходной эпохи можетъ вполнѣ быть понята только въ связи съ направленіемъ ея въ предшествовавшія и послѣдующія царствованія.

Исходною точкою для нашего изслѣдованія должно служить правленіе Іоанна III, какъ перваго Державнаго Государя Московскаго, своею 43 лѣтнею, многозначительною и многостороннею дѣятельностію не только утвердившаго независимость, нераздѣльность и могущество Московскаго государства, но и, болѣе или менѣе, опредѣлившаго главное направленіе государственной дѣятельности своихъ преемниковъ. Важнѣйшіе предметы ея сосредоточивались около слѣдующихъ задачъ:

1. Довершить утвержденіе единодержавія Русской земли уничтоженіемъ послѣднихъ остатковъ разновластія, послѣднихъ слѣдовъ прежнихъ родовыхъ отношеній княжескихъ, вѣчевыхъ, боярскихъ, общинныхъ [1].

2. Дать полное развитіе внутреннему управленію, основанному на началахъ единодержавія и самодержавія; изданіемъ положительныхъ законовъ, сообразныхъ съ развивающимися потребностями, опредѣлить главныя основанія нашей общественной жизни.

3. Сохранить святую вѣру въ той чистотѣ, въ какой Россія заимствовала ее отъ Византіи; освободить обряды и писанное слово Церкви отъ искаженій, внесенныхъ въ нихъ недостаткомъ просвѣщенія въ древней Руси; возвысить іерархію нашу на степень, соотвѣтствующую значенію обширной и могущественной Державы.

4. Обезопасить государство со стороны Юга и Востока покореніемъ Татарскихъ царствъ, возникшихъ изъ орды Батыевой, и распространеніемъ предѣловъ Россіи въ Азіи.

---

1. О значеніи этихъ отношеній см. диссертацію Г. Павлова: «объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова», стр. 91.

5. Возсоединить съ Русскою Державою древнее достояніе Дома Св. Владиміра на Западѣ возвращеніемъ земель, отторгнутыхъ Польшею, завоеваніемъ Прибалтійскихъ областей, присвоенныхъ Швеціею; пріобрѣсти морскія пристанища, столь необходимыя для непосредственныхъ связей съ другими государствами.

6. Сблизить Россію съ Западною Европою, чтобъ: а) посредствомъ дипломатическихъ сношеній способствовать достиженію главнаго предмета внѣшней политики Московскихъ Государей — возвращенію Древне-Русскихъ земель; б) дать бо́льшее развитіе нашей внѣшней торговлѣ; в) воспользоваться успѣхами Европейцевъ на поприщѣ просвѣщенія сперва для усовершенствованія ратныхъ силъ и водворенія полезныхъ искусствъ и ремеслъ, потомъ и съ цѣлью заимствованія умственнаго образованія.

I.

Основою Московскому государству послужила небольшая отчина Іоанна Калиты, заключавшаяся въ предѣлахъ нынѣшней Московской губерніи съ незначительною частью Владимірской и Калужской. Увеличить, усилить эту отчину—было главною цѣлью какъ самаго Калиты, такъ и ближайшихъ преемниковъ его. Заставляя сильнѣйшихъ между представителями другихъ княжескихъ линій признавать свое исключительное право на старшинство и первенство во всей Восточной Руси, они у слабѣйшихъ отраслей владѣтельнаго Дома Рюрикова уже отбираютъ отчины, и, присоединяя ихъ къ своей, постепенно расширяютъ предѣлы В. княжества Московскаго. Но Московскіе князья еще дѣлятъ родовую отчину между сыновьями своими: до сознанія идеи государственнаго единства они еще не возвышаются. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ были раздоры, обнаруживавшіеся по мѣрѣ того, какъ въ потомствѣ Іоанна

Калиты возникали боковыя линіи, которыя, на основаніи родоваго старшинства, иногда и наперекоръ ему, предъявляли свои притязанія на В. княжеское достоинство. Для блага Россіи надлежало пожертвовать частными интересами членовъ семьи княжеской интересамъ общегосударственнымъ—и это совершилось только при Іоаннѣ III. Потому съ его правленія собственно начинается собираніе Русской земли на основаніи совершеннаго уничтоженія равновластія и утвержденія государственнаго начала во всѣхъ проявленіяхъ нашей общественной жизни. Окончательнымъ покореніемъ Новгорода съ его обширными владѣніями, уничтоженіемъ особнаго быта Твери и почти всѣхъ удѣловъ въ Московской Руси положилъ онъ прочное основаніе государственному единству. Если и не издалъ положительнаго устава о нераздѣльности своихъ владѣній, то, на самомъ дѣлѣ, подтвердилъ его, пожертвовавъ, при возникшихъ въ В.-княжескомъ семействѣ несогласіяхъ, собственнымъ внукомъ необходимости вручить верховную власть одному преемнику. Преемникъ этотъ долженъ былъ только продолжать дѣло величайшаго изъ собирателей Русской земли. И Василій, идя съ осмотрительностію по пути, уже проложенному, довершилъ то, чего не успѣлъ сдѣлать его родитель. Онъ уничтожилъ ослабленное Іоанномъ народовластіе во Псковѣ; окончательно присоединилъ къ Москвѣ послѣднюю независимую отчину Святослава Черниговскаго—Рязань, и возвращенныя отъ Литвы княжества Сѣверское и Стародубское, которыя, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, удерживали до того времени еще тѣнь самостоятельности. Если братья Василія и сохранили назначенные имъ родителемъ удѣлы, то однакожь не пользовались правами прежнихъ владѣтельныхъ князей. Достаточно было одного подозрѣнія въ намѣреніи возвратиться къ невозвратимой старинѣ, чтобъ, вслѣдъ за кончиною Василія, исчезли и эти слабые остатки удѣльщины. Наконецъ въ 1569 году, въ эпоху ожесточенной борьбы Грознаго противъ всего того, что носило на себѣ ненавистный ему отпеча-

токъ прежняго порядка вещей, погибъ насильственною смертію послѣдній удѣльный князь, слишкомъ явно обнаружившій противозаконныя стремленія. Назначеніе удѣла младшему сыну Іоанна IV, Димитрію Углицкому, не было уже нарушеніемъ государственнаго единства: завѣщаніемъ отца былъ онъ поставленъ въ чисто-подданническія отношенія къ старшему брату, какъ Государю всея Руси. Но какая-то роковая судьба преслѣдовала удѣльныхъ князей: удѣльный князь только по имени, Димитрій погибъ насильственною смертію подобно многимъ, бывшимъ ими на самомъ дѣлѣ.

Родовыя отношенія между князьями Рюрикова Дома исчезли: они уступили мѣсто государственнымъ. Не соотвѣтствовалъ и прежній титулъ « Великаго Князя » новому значенію собирателей Русской земли — князей Московскихъ. Уже Іоаннъ III, какъ наслѣдникъ правъ древнихъ « о Бозѣ Самодержцевъ » Греческихъ, усвоилъ себѣ принадлежности ихъ власти, окружилъ себя Дворомъ, устроеннымъ по образцу Византійскаго; какъ первый Державный Государь всей Русской земли, возвысился до недосягаемой высоты, именовался Царемъ. Внукъ его, ведшій свое происхожденіе отъ « превысочайшаго Цесарскаго престола и прекрасноцвѣтущаго и пресвѣтлаго корени Августа Кесаря, обладавшаго Вселенною » [1] (конечно не по естеству, какъ хотѣлъ Іоаннъ заставить вѣрить себя и другихъ, а духовно), окончательно принялъ титулъ Царскій, который вполнѣ соотвѣтствовалъ значенію Монарха, уже не стѣсненнаго прежними родовыми отношеніями [2], Государя Самодержавнаго и покорителя *царствъ* [3].

---

1. Акты Археогр. Эксп. II, № 7, 44, и т. д. Также: « О титулѣ Государей Россіи », соч. Лакіера въ журн. Мин. Нар. Пр. 1847.

2. « Исторія отношеній м. князьями Рюрикова Дома » С. М. Соловьева, стр. 38.

3. На то, что Московскіе Государи основывали свое право именоваться Царями и на завоеваніи царствъ, или земель, которыхъ владѣтели носили

Но въ то время, когда утверждалось у насъ единодержавіе, общество еще не могло отрѣшиться отъ завѣтной старины; въ бытѣ его заключалось слишкомъ много слѣдовъ прошедшаго. Особенно противорѣчили строгому порядку государственному стремленія вельможъ и дружинниковъ, отстаивавшихъ древнія права отъѣзда и совѣта. Борьба была неизбѣжна. Уже Іоаннъ III и Василій IV. требуя безпрекословнаго повиновенія отъ окружавшихъ ихъ сановниковъ, возстали противъ запоздалыхъ притязаній— но не успѣли подавить ихъ. Грозный, во время малолѣтства и болѣзни своей, имѣлъ случай слишкомъ хорошо ознакомиться съ противогосударственными стремленіями знатныхъ служилыхъ родовъ: потому борьба съ ними, при его глубокомъ сознаніи святости своей власти, при его раздражительной природѣ, достигла крайности, приняла столь ужасный характеръ [1]. Погибли всѣ, казавшіеся ему подозрительными, мнимые или истинные представители устарѣвшихъ притязаній. Не смѣли выступать съ ними царедворцы, окружавшіе тронъ въ послѣдніе годы его царствованія: они безмолвно покорялись новому порядку вещей. Но Іоаннъ не кончилъ всѣхъ преобразованій, какія

этотъ титулъ, указываютъ, между прочимъ, слѣдующія слова въ статейномъ спискѣ посольства Потемкина въ Испанію 1667 г. (Древн. Росс Вивліоѳ. IV): «Блаженныя памяти Великій Государь Иванъ Васильевичъ съ Божіею помощію поималъ подъ свою царскую руку великіе царства, про которыя сами вѣдаете, гдѣ были цари большія Золотыя Орды, Астраханское и Казанское великіе царства и государства, и Сибирское царство. И по тѣмъ великимъ царствамъ и государствамъ Великій Государь нашъ Его Царское Величество во своихъ царскихъ грамотахъ Царемъ и Самодержцемъ именуется.»

1. Цѣль этой борьбы, нѣкоторымъ образомъ, уже понималъ современный писатель Гваньини («Moscoviæ descriptio» въ «Scriptores historiæ Ruthenicæ», Т. I, изд. Старчевскимъ): «Inprimisque ad ea, quæ pater avusque suus inceperat, continuanda et perficienda animum apposuit: omnes nimirum Principes et alios quosvis Magnates castris, possessionibus et munitionibus exuere, postea omnes magnarum et antiquarum familiarum viros, quos suæ t. contrarios cernebat, trucidare de medioque tollere coepit.»

имѣлъ въ виду. Съ одной стороны, многія изъ учрежденій его, направленныхъ противъ родоваго вельможества, рушились или не повели къ предполагаемой цѣли [1]; съ другой, и онъ не всегда шелъ наперекоръ современнымъ ему формамъ общественнаго быта. Такъ, сокрушая другія притязанія боярскія, онъ щадилъ обычай мѣстничества, не смотря на несообразность его съ бытомъ государства, въ которомъ свято выполнялись всѣ иныя велѣнія Самодержавной власти. Возникнувъ вслѣдствіе столкновенія родоваго начала со служебнымъ, мѣстничество особенно усилилось со временъ Іоанна III, когда престолъ Государей Московскихъ, вмѣстѣ съ другими знатными родами, окружили столь многіе потомки удѣльныхъ князей. Преслѣдуя свои родовые интересы, они старались подчинить имъ и самую службу; присвоили себѣ, при занятіи государственныхъ должностей, право считаться заслугами своихъ предковъ, основывать на нихъ служебное старшинство всего рода своего. Обычай такъ укоренился, что правительство было принуждено уважать мѣстническіе счеты. Званіе членовъ Царской Думы и всѣ важнѣйшіе чины въ государствѣ сдѣлались мало-по-малу исключительнымъ достояніемъ извѣстныхъ родовъ. Достойнѣйшіе между людьми незнатнаго происхожденія не имѣли къ нимъ доступа. При такомъ положеніи дѣла, Грозный успѣлъ только ограничить мѣстничество, запретивъ счеты о старшинствѣ князей, дѣтей боярскихъ и большихъ дворянъ съ воеводами, подъ которыми они будутъ находиться на службѣ [2];

---

1. Такъ опричнина, надѣлавъ столько зла, исчезла еще при жизни Іоанна; званіе думныхъ дворянъ, подъ именемъ которыхъ онъ ввелъ въ царскую Думу людей незнатнаго происхожденія, имъ самимъ избранныхъ, обратилось, послѣ него, въ обыкновенный чинъ, который жаловался и членамъ знатныхъ родовъ; дьяки имѣли значеніе только по сильному вліянію на дѣла, но не возвышались далѣе званія дьяковъ. См. «Взглядъ на юридическій бытъ древней Руси», соч. К. Д. Кавелина, въ Совр. 1847, № 1.

2. Собр. гос. грам. и дог. Т. II, № 38.—Ник. Лѣт. VII, стр. 258.

проложилъ путь къ его постепенному ослабленію частымъ объявленіемъ службы невмѣстною. Преемники его—за исключеніемъ уклоненій въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, когда Годуновъ-правитель преслѣдовалъ личные интересы свои—болѣе или менѣе придерживались его системы; старались мало-по-малу отучить воеводъ и другихъ сановниковъ отъ обычая считаться мѣстами [1]. Но прошелъ еще цѣлый вѣкъ до совершеннаго уничтоженія мѣстничества.

Между тѣмъ и въ быту сельскаго сословія заключались элементы, несовмѣстные съ государственнымъ началомъ, болѣе и болѣе водворявшимся у насъ въ жизни общественной: таково было право перехода, вынесенное, подобно другимъ разрядамъ общества, и крестьянами изъ древняго быта Руси. И оно должно было исчезнуть. Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича послѣдовало запрещеніе крестьянскихъ выходовъ, конечно вызванное отчасти личными интересами Годунова [2], но тѣмъ не менѣе сообразное съ требованіями современнаго развитія Московскаго государства, необходимое въ отношеніи политическомъ и административномъ.

Всѣ сословія подчинились восторжествовавшему началу государственному... Но еще не изгладились воспоминанія о прошедшемъ, не уничтожились всѣ слѣды прежняго порядка вещей, когда настало время страшнаго перелома, эпоха смутъ.

Въ 1598 году скончался бездѣтенъ Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, заключивъ собою семивѣковой рядъ Державныхъ потомковъ Рюрика. Рушилась одна изъ крѣпкихъ связей общества, привыкшаго къ непрерывному преемству верховной власти въ одномъ Царственномъ Домѣ. Посѣяно сѣмя смутъ и неразлучныхъ съ ними бѣдствій государственныхъ.

---

1. См. о мѣстничествѣ изслѣдованіе Волуева, помѣщ. въ Синбирскомъ Сборникѣ, и статью С. М. Соловьева, въ Моск. Сборникѣ, 1847 г.
2. См. Диссертацію Г. Павлова, стр. 44 и т. д.

Тщетно Годуновъ и за нимъ Шуйскій думали возобновить пресѣкшійся царскій корень. Не ихъ племени было суждено владѣть Державою Русскою. Появленіе мнимаго представителя прежней Династіи взволновало Русь, привязанную къ роду законныхъ Царей — и Домъ Годунова палъ жертвою очевидной кары Провидѣнія за кровь младенца-мученика, пролитую въ Угличѣ. Не могъ удержаться и Шуйскій на престолѣ, не ему сужденномъ. Прежніе соперники-бояре завидовали возвышенію равнаго имъ боярина. Крамолою былъ онъ возведенъ [1], крамолою свергнутъ. Крамоламъ не было конца. Какъ бояре, такъ и другіе общественные разряды дѣйствовали, въ безгосударную эпоху, только въ своемъ особномъ интересѣ, стремились къ самовозстановленію, если не въ прежнемъ видѣ, то, по крайней мѣрѣ, обнаруживая многія изъ прежнихъ притязаній [2]. Выказались и болѣзненныя начала, накопившіяся въ обществѣ въ продолженіе вѣковой борьбы прежняго быта съ новымъ порядкомъ вещей; вышли наружу элементы безнарядья, дотолѣ таившіеся въ тиши или находившіе убѣжище на границахъ, еще не подчинившихся государственному началу. Къ нимъ присоединились толпы отверженниковъ общества, которыхъ высылали къ намъ Литва и Польша. Всколыхалась Русская земля, какъ бурное море. Казалось, надлежало погибнуть государству, на которое со всѣхъ сторонъ сыпались удары... Но какъ ни бурно было волненіе, какъ ни сильны причины, вызвавшія его, государственное начало, обязанное своимъ развитіемъ предшествовавшему періоду, восторжествовало наконецъ надъ стремленіями запоздалыми. Партіи, дѣйствовавшія врознь, каждая преслѣдуя свои интересы,

---

1. Относительно вліянія, какое имѣло возведеніе Шуйскаго на престолъ сонмомъ клевретовъ, см: «Обзоръ событій Русской исторіи отъ кончины Царя Θеодора Іоанновича до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ», С. М. Соловьева, Гл. V, въ Соврем. 1849, № 1.

2. Прекрасное объясненіе значенія борьбы въ такъ называемую у насъ смутную, безгосударную эпоху находимъ въ диссертаціи Г. Павлова: «Объ истор. значеніи царствованія Бориса Годунова.»

соединились, когда иноземцы выказали явное намѣреніе поработить Русь, когда страшная опасность стала угрожать Православію. Религіозное сочувствіе поддержало, обновило всѣ другія связи. Выступилъ на первый планъ здоровый элементъ народонаселенія, крѣпкій привязанностію къ вѣрѣ и отечеству; восторжествовали поборники государственнаго начала. Крамола утихла, когда (по выраженію пословъ Земской Думы, прибывшихъ къ новоизбранному Царю) «всѣ Русскіе люди уже наказалися» т. е. цѣною крови и разоренныхъ жилищъ убѣдились въ невозможности возвратиться къ невозвратимой старинѣ, въ необходимости подчиниться строгому порядку государственному.

Необходимость эта перешла въ народное сознаніе. Представители Россіи, вручая скипетръ юному Михаилу, выразили только желаніе, чтобъ *впредь Царская степень укрѣпилась на вѣки* и всего государства Московскаго люди были въ покоѣ и благоденствѣ *подъ однимъ кровомъ и подъ царскою высокою рукою*. Такимъ образомъ Вѣнценосцамъ изъ новой Династіи, продолжавшимъ дѣятельность своихъ предшественниковъ на почвѣ, уже подготовленной, предстояло преодолѣть менѣе затрудненій, чтобъ сдѣлать государство главнымъ двигателемъ всѣхъ общественныхъ отправленій. Это совершилось передъ эпохою преобразованія, наступившею для Россіи въ концѣ XVII вѣка.

II.

Утверждая государственное начало въ обширныхъ владѣніяхъ своихъ, Московскіе Государи должны были постоянно имѣть въ виду: дать правильнѣйшее и простѣйшее образованіе всему внутреннему управленію, привести отечественные уставы въ порядокъ и систему, издать законоположенія, въ особенности необходимыя для удовлетворенія пер-

выхъ потребностей гражданскихъ обществъ: обезпеченія личной безопасности и права собственности.

Начало осуществленія этого стремленія относится къ государствованію Іоанна III. При немъ Московская Русь стала уже представлять не массу земель, случайно соединенныхъ вмѣстѣ, но политическое тѣло, являвшее всѣ признаки общей жизни и общихъ потребностей, государственную территорію въ полномъ значеніи этого слова. Внутреннее управленіе начало пріобрѣтать правильность, какой прежде не имѣло: въ основаніи его положена идея единодержавія. Не вдругъ конечно отдѣльныя части его приведены въ соотвѣтствіе и согласіе между собою: но при Іоаннѣ и ближайшихъ преемникахъ его образовались уже постоянныя присутственныя мѣста, извѣстныя впослѣдствіи подъ общимъ названіемъ приказовъ, между которыми раздѣлялись дѣла внутренняго управленія [1]. Одни изъ нихъ завѣдывали особымъ родомъ дѣлъ по цѣлому государству; въ другихъ сосредоточивалось управленіе извѣстными областями. Непосредственное мѣстное управленіе предоставлено было чиновникамъ, которые сначала назывались намѣстниками и волостелями, потомъ вообще воеводами. Дѣйствуя чрезъ находившіяся при нихъ приказныя или съѣзжія избы и палаты, они зависѣли непосредственно отъ приказовъ столицы, которые входили во всѣ подробности мѣстнаго управленія. Высшимъ, центральнымъ мѣстомъ для всего государства была Царская Дума, въ которую вносились важнѣйшія дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію самаго Государя.

При Іоаннѣ Грозномъ образовались почти всѣ приказы, существовавшіе въ Московскомъ государствѣ до временъ

---

1. См. «Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго» Орд. Проф. Спб. Ун. Неволина. Также: «Объ устройствѣ управленія въ Россіи съ XV до исхода XVIII вѣка», въ Матеріалахъ для статистики Росс. имперіи, Т. I, 1839.

Михаила Θеодоровича. Но особенно замѣчательны преобразованія его въ областномъ управленіи. Имѣя въ виду улучшить положеніе простаго народа, онъ старался оградить его отъ самовластія намѣстниковъ и волостелей [1]. Сперва ограничилъ кругъ ихъ вѣдомства: отдѣлилъ отъ него уголовное и уголовно-полицейское управленіе, даровавъ жителямъ право избирать изъ среды себя губныхъ старостъ и цѣловальниковъ, которые завѣдывали дѣлами разбойными. Наконецъ, при дальнѣйшихъ преобразованіяхъ, вовсе отмѣнилъ областныхъ правителей, предоставивъ, за исключеніемъ пограничныхъ областей, все мѣстное управленіе въ завѣдываніе самихъ общинъ, непосредственно подчиненныхъ Московскимъ приказамъ [2]. Къ сожалѣнію реформы эти, при недостаточномъ развитіи нашихъ общинъ, при отсутствіи въ нихъ высшихъ интересовъ, не имѣли прочности. Онѣ рушились послѣ кончины Іоанна. Старосты и цѣловальники, утративъ значеніе, какое онъ имъ придалъ, остались только по дѣламъ уголовнаго управленія и для сбора Царскихъ доходовъ [3]. Въ городахъ, вслѣдствіе временной необходимости, вызванной эпохою смутъ, постоянными правителями сдѣлались военные начальники. Названіе намѣстниковъ исчезло: замѣненное (окончательно въ царствованіе Алексѣя Михайловича) названіемъ воеводъ, оно осталось только простымъ титуломъ для нашихъ дипломатическихъ агентовъ въ сношеніяхъ съ иностранными Державами.

Не смотря однакожь на такія измѣненія въ частностяхъ,

---

1. Не даромъ любилъ его простой народъ. Коллинсъ, записывая то, что слышалъ по преданію уже во второй половинѣ XVII вѣка, говоритъ: «Иванъ Васильевичъ былъ любимъ народомъ, потому что съ нимъ обходился хорошо, но жестоко поступалъ съ своими боярами («Нынѣшнее состояніе Россіи», въ чтеніяхъ Имп. общ. ист. и др. Росс. 1846).

2. Акты археогр. эксп. Т. I, № 242, 243, 257 и т. д.; также Г. Неволина: «Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до П. В.»

3. К. Д. Кавелина: «Взглядъ на юрид. бытъ др. Россіи.»

администрація вообще сохранила у насъ, въ главныхъ чертахъ, одинъ и тотъ же видъ до самыхъ временъ преобразованій Петра Великаго. Развитіе ея находилось въ тѣсной связи съ движеніемъ нашего законодательства.

Рано должна была, при водвореніи единодержавія, обнаружиться потребность замѣнить мѣстные уставы, дѣйствовавшіе въ эпоху разъединенія Русской земли, уставами общими для всего государства. Первое движеніе въ этомъ отношеніи представляетъ обнародованіе, въ 1497 году, судебника Іоанна III, основаніемъ для котораго послужили, вмѣстѣ съ Русскою правдою, прежнія судныя грамоты. Вторымъ моментомъ въ развитіи нашего законодательства, въ эпоху Московскаго государства, было составленіе (1550 г.) Судебника Царя Іоанна Васильевича. Дополненный присоединеніемъ къ нему, въ видѣ указовъ, новыхъ узаконеній какъ самаго Іоанна, такъ и преемниковъ его Θеодора Іоанновича и Б. Θ. Годунова, и извѣстный подъ именемъ своднаго судебника, онъ дѣйствовалъ до самыхъ временъ Алексѣя Михайловича, къ царствованію котораго относится окончательное развитіе нашего законодательства въ духѣ древнихъ уставовъ.

III.

Собиратели Русской земли, утверждая въ ней строгій порядокъ государственный, направляя ее къ великому будущему, всегда находили опору въ нашей Церкви: она способствовала водворенію спасительнаго единодержавія, основаннаго на понятіи о власти царской, какъ непосредственно исходящей отъ Бога. Церковь сообщала внутреннюю силу государству; государство, съ своей стороны, не только ограждало внѣшнее благосостояніе Церкви, но и заботилось о сохраненіи догматовъ и обрядовъ ея въ той чистотѣ, въ

какой мы приняли ихъ при водвореніи у насъ святой вѣры. Съ этою цѣлью созывались Соборы, имѣвшіе въ виду уничтоженіе вкрадывавшихся по-временамъ злоупотребленій, искорененіе разныхъ соблазновъ, обузданіе суевѣрія, водвореніе лучшей нравственности и распространеніе образованія въ духовенствѣ, которое, съ своей стороны, долженствовало наблюдать за нравственностію мірянъ. Возникали въ древней Руси и ереси; но онѣ, большею частію, пресѣкались въ самомъ началѣ. Вообще Церковь наша, до второй половины XVII вѣка, легко уничтожала замыслы людей суевѣрныхъ или злонамѣренныхъ, пытавшихся поколебать ея спокойствіе [1]. Только секта старовѣровъ, возникшая уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича, не смотря на всю нелѣпость ея заблужденій, на всѣ мѣры, принятыя для вразумленія закоснѣлаго невѣжества, не искоренена донынѣ. Поводомъ къ ея образованію послужило рѣшеніе вопроса, давно занимавшаго благочестивую Русь: исправленіе церковныхъ книгъ и богослужебныхъ обрядовъ по образцу, начертанному Апостолами и Св. Отцами Вселенскихъ Соборовъ.

Церковно-богослужебныя книги, со времени перваго перевода на языкъ Славянскій, подвергались разнымъ измѣненіямъ: это очевидно изъ сличенія древнѣйшихъ списковъ, дошедшихъ до насъ, съ позднѣйшими. Вкравшіяся ошибки мало-по-малу переходили въ церковное употребленіе, особенно при упадкѣ просвѣщенія въ эпоху нашествій Монгольскихъ, когда погибли и многіе изъ лучшихъ списковъ. Самыя поправки часто подавали поводъ къ новымъ ошибкамъ; ибо дѣлались безъ Греческихъ подлинниковъ и по соображеніямъ, безъ сомнѣнія, очень недалекимъ. Въ такомъ положеніи засталъ наши Богослужебныя книги просвѣщенный Максимъ Грекъ. Сличая Славянскіе переводы съ Греческими подлинниками, онъ не могъ не замѣтить множе-

1. См. соч. Руднева: «О ересяхъ и расколахъ».

ства ошибокъ въ первыхъ, и объявилъ ихъ неисправными. Но принятый имъ на себя великій трудъ исправленія, при неосторожной его ревности, недостаточномъ знаніи Русскаго языка и вмѣшательствѣ другихъ обстоятельствъ, не имѣлъ успѣха. Обвиненный, вслѣдствіе «нѣкоторыхъ малыхъ описей въ переводѣ», своими многочисленными завистниками въ ереси [1], Максимъ Грекъ былъ сосланъ въ заточеніе. Тѣмъ не менѣе важный вопросъ былъ пробужденъ—и рано или поздно надлежало его рѣшить. Потребность въ исправленіи дѣлалась болѣе и болѣе очевидною. Недоставало только людей, способныхъ къ выполненію: потому и мѣры, которыя по-временамъ принимались, не могли вести къ предполагаемой цѣли. Таковы были распоряженія, сдѣланныя Стоглавымъ Соборомъ. Патріархъ Филаретъ Никитичъ хотя и обратилъ особенное вниманіе на исправленіе церковныхъ книгъ, но также не успѣлъ привести его къ окончанію. [2] Рѣшеніе вѣковаго вопроса предоставлено было царствованію Алексѣя Михайловича. Къ сожалѣнію преемники Филарета Никитича отступили отъ благоразумной осторожности, съ которою онъ дѣйствовалъ, и тѣмъ подали поводъ къ соблазну людей непросвѣщенныхъ, слѣпо привязанныхъ къ мертвой буквѣ.

Кромѣ плевелъ, возникавшихъ внутри Россіи, особыхъ попеченій со стороны правительства требовали мѣры для огражденія Русской Церкви отъ попытокъ Римскихъ папъ подчинить ее своей власти. Попытки эти начались почти одновременно съ водвореніемъ у насъ Христіанства. [3] Однако, не смотря на вѣковыя усилія Римскаго двора,

---

1 См. исторію Русской Церкви Преосв. Филарета, Пер. III, гл. 29 и 31, и особенно: »Пряніе Даниила, Митрополита Московскаго и всея Руси, со инокомъ Максимомъ Святогорцемъ, »въ Чт. общ. ист. и др. 1847

2 «Исправленіе богослужебныхъ книгъ при Патріархѣ Филаретѣ» изслѣд. Г. Казанскаго, въ Чтен. общ. ист. и др. г. 1848-й.

3 См. Historiae Russiae Monumenta ex antiquissimis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta ab A. J. Turgenevio, Petr. 1841.

ни открытыя предложенія, ни тайные происки его не имѣли успѣха при непоколебимости нашихъ Государей въ догматахъ Православія, при твердомъ намѣреніи ихъ «держать, съ Божьею волею, крѣпко свой законъ, хранить честно поученіе Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ Вселенскихъ седми Соборъ». [1] Послѣ рѣшительнаго, но тѣмъ не менѣе неудочнаго вмѣшательства въ дѣла нашего отечества въ періодъ самозванцевъ (изъ которыхъ перваго нѣкоторые считали даже простымъ орудіемъ Іезуитовъ), папы должны были сознать свое безсиліе надъ Православно-Русскимъ міромъ. Кончились, по крайней мѣрѣ, открытыя попытки ихъ распространить на него свою власть. Только тайные происки Римско-Католической пропаганды изрѣдка обнаруживались и впослѣдствіи. Но они-то, вмѣстѣ съ враждою Польши, Уніею и гоненіями Православныхъ въ Малороссіи, повели къ запрещенію свободы Римско-Католическаго Богослуженія въ странѣ, которая издревле отличалась истинно-Христіанскою вѣротерпимостью, въ которой послѣдователямъ другихъ вѣроисповѣданій дозволялось строить церкви во всѣхъ городахъ, гдѣ они находились въ значительномъ числѣ. [2] Мейербергъ съ негодованіемъ отзывается о такомъ ограниченіи, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, свободы богослуженія своихъ единовѣрцевъ: онъ не понялъ или не хотѣлъ выставить истинной причины его [3].

Также статью: «Историческіе документы о притязаніяхъ папъ подчинить Русскую Церковь своей власти съ IX в. до нач. Уніи» (въ Сынѣ Отеч. 1847. № 4).

1. Такъ на предложеніе Папы Льва X о соединеніи Церквей, сдѣланное чрезъ Альбрехта, Магистра Тевтонскаго Ордена, Василій Іоанновичъ отвѣчалъ: что онъ «какъ напередъ того съ Божьею волею отъ прародителей Законъ Греческой держалъ крѣпко, такъ и нынѣ съ Божьею волею Законъ свой держати крѣпко хочетъ» (Карамз. VII, пр. 191). Такіе же рѣшительные отвѣты послѣдовали со стороны Іоанна IV на предложеніе Антонія Поссевина (См. Моск. Соборы на еретиковъ XVI в. въ Чт. общ. ист. и др. 1847.

2. Relation de trois ambassades de Carlisle, Amst. 1672, стр. 73 и 74.

3 Meyerberg: «iter in Moscoviam». Во Франц. пер. (Лейденское изд. 1688), на стр. 187 читаемъ: «Ils ont puisé des Grecs une si grande aversion

Постоянно заботясь о благѣ Церкви, Государи Московскіе, въ эпоху окончательнаго, водворенія въ Русской землѣ единодержавія, рѣшились, учрежденіемъ патріаршества, возвысить ея іерархію на степень, равную съ Византійскою. Учрежденіе это было приготовлено всею предшествовавшею исторіею нашей Церкви.

Митрополиты, стоявшіе во главѣ Русской іерархіи, до временъ Св. Іоны посвящались Патріархами Константинопольскими. Но бѣдствія Византійской имперіи и другія обстоятельства постепенно ослабили зависимость ихъ отъ патріаршаго престола. Послѣ паденія Константинополя они перестали ѣздить туда для ставленія; избирались и посвящались Соборомъ Русскаго духовенства подъ руководствомъ самаго Государя: слѣдовательно на дѣлѣ были независимы. Надлежало только освятить обычай, уже существовавшій; окончательно вывести Русскую Церковь изъ неопредѣленнаго положенія, въ которомъ она находилась. Это послѣдовало въ царствованіе Θеодора Іоанновича. Незадолго до пресѣченія Рюриковой династіи, Митрополитъ царствующаго града Москвы и всея Руси былъ возведенъ на степень Вселенскаго Патріарха—степень, соотвѣтствовавшую значенію единственнаго на земномъ шарѣ самостоятельнаго Православнаго государства, которое служило точкою опоры и для бѣдствующей подъ игомъ варваровъ Церкви Греческой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сообразно расширенію предѣловъ государства, увеличено и число митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ.

Учредители патріаршаго престола въ Москвѣ не могли предвидѣть будущаго чрезмѣрнаго возвышенія власти ду-

---

pour le Pape, qu'ils n'ont jamais voulu permettre aux Catholiques l'usage libre de leur Religion dans Moscou... C'est un artifice du démon, pour empêcher qu'il ne passe en Moscovie quelque rayon de la saine doctrine par l'exercice de la religion Catholique, dont la lumière dissipant les ténèbres de la créance de ceux du Pays, ne leur fasse connoître le vrai chemin de la Foi, et que le suivans ils ne se retirent de dessous sa puissance!!»

ховной. Между тѣмъ первая посылка для такого слѣдствія заключалась въ самомъ понятіи о недосягаемой высотѣ патріаршаго сана. Къ этому присоединились другія важнѣйшія обстоятельства: событія смутнаго времени, когда патріархъ являлся *начальнымъ человѣкомъ* [1] въ безгосударной землѣ Русской; значеніе Филарета Никитича, нѣкоторымъ образомъ соцарствовавшаго своему Державному сыну [2]; наконецъ колоссальная личность Никона. Но іерархическія притязанія послѣдняго вызвали, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, новую потребность: точнѣйшее опредѣленіе отношеній между властью церковною и свѣтскою.

IV.

Утвердивъ при Іоаннѣ III свою независимость, Россія, при преемникахъ его, должна была стремиться къ утвержденію своей безопасности уничтоженіемъ послѣднихъ остатковъ господства орды Батыевой въ Русской землѣ. Самъ Іоаннъ успѣлъ подчинить себѣ одно изъ царствъ, возникшихъ изъ развалинъ Золотой орды—Казанское; Василій IV напрягалъ всѣ усилія, чтобъ удержать его въ зависимости, хотя и сомнительной. Но громкое имя покорителя царствъ суждено было стяжать Грозному: «съ Божіею помощію поималъ онъ подъ свою царскую руку великіе царства Казанское и Астраханское.» Покореніе Казани было необходимо для обезпеченія нашихъ Восточныхъ пре–

1. Такъ называли его великіе послы Московскіе въ переговорахъ съ Польскими панами подъ Смоленскомъ.

2. Самъ Филаретъ Никитичъ слишкомъ хорошо понималъ возвышеніе патріаршей власти въ своемъ лицѣ, потому, предъ кончиною, озаботился объ избраніи себѣ преемника (Іоасафа, архіепископа Псковскаго), который (по словамъ одного изъ нашихъ хронографовъ) «во нравѣхъ и житіи добродѣтеленъ былъ, а *ко Царю недерзновененъ*.»

дѣловъ: но не менѣе важно было и обузданіе Крымцевъ. Помогавъ намъ, при Іоаннѣ III, сокрушать Золотую орду, они, при преемникѣ его, сами сдѣлались опаснѣйшими врагами Россіи, непрестанно вторгались въ ея предѣлы. «Не велишь мнѣ пойти на Московского землю, ино мнѣ чѣмъ быть сыту?» говорилъ Махметъ-Гирей Турецкому султану, который запрещалъ ему тревожить владѣнія «своего друга великаго» Василія Іоанновича.[1] Каждый добрый ханъ, по укоренившемуся обычаю, считалъ какъ бы обязанностью своею побывать на берегахъ Оки. Крымцы неоднократно являлись подъ стѣнами Москвы; южная же Украйна наша отдыхала развѣ только тогда, когда виды на удачные поиски въ Литвѣ отвлекали отъ нея хищныя полчища. Обузданіе ихъ было необходимо для блага государства: потому отношенія къ Крыму сдѣлались однимъ изъ главныхъ предметовъ попеченій Московскаго правительства.

Въ эпоху завоеванія царствъ Казанскаго и Астраханскаго, думцы Грознаго полагали, что настало время и для покоренія Крыма. Удачные набѣги князя Вишневецкаго и дьяка Ржевскаго, еще болѣе, счастливый походъ Даніила Адашева, опустошившаго *темное царство*, гдѣ до него «сабля Русская не обагрялась кровью невѣрныхъ», поддерживали такой образъ мыслей. Сильвестръ и его сторонники убѣждали Іоанна перемѣнить прежнюю робкую систему войны противъ Крыма: предпринять туда походъ лично, или послать сильное войско. Но Іоаннъ вполнѣ обнаружилъ свой глубокій правительственный умъ, отказавшись отъ предпріятія опаснаго. Крымскій ханъ былъ присяжникъ, посаженникъ султана: слѣдовательно всякое покушеніе завоевать Крымъ повело бы къ войнѣ съ Турціею, для которой Московское государство еще не имѣло достаточныхъ средствъ. Притомъ обширныя степи, отдѣлявшія насъ отъ

1. Карамз VII, прим. 210 и 212.

Крыма, представляя раздолье для кочевыхъ наѣздниковъ, служили почти неодолимымъ препятствіемъ для завоеваній съ нашей стороны. Единственнымъ вѣрнымъ средствомъ для обузданія Крымцевъ, при ненадежности мирныхъ трактатовъ съ ними, при безуспѣшности попытокъ удерживать ихъ отъ набѣговъ ежегодными поминками, было постепенное заселеніе степей и постоянное содержаніе сторожеваго войска.

Еще въ XIV и XV вѣкѣ ставились притоны разъѣзжихъ сторожей и станичниковъ по Хопру, Дону, Тихой Соснѣ и другимъ рѣкамъ, чрезъ которыя пролегалъ обыкновенный путь Татаръ въ Русскую землю. Система эта послужила образцемъ для Іоанна Грознаго. Онъ старался дать лучшее устройство сторожевой и станичной службѣ. Явился цѣлый рядъ укрѣпленныхъ городовъ по всей степной Украйнѣ съ воеводами, осадными головами и отрядами служилыхъ людей [1]. Преемники Іоанна продолжали дѣло, начатое имъ [2]. Линія укрѣпленныхъ городовъ пополнялась основаніемъ новыхъ, выдвигалась все далѣе и далѣе въ степь, особенно со времени построенія, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, Бѣлгорода; разъѣзды сторожей проникали все ближе и ближе къ границамъ Крыма [3]. Наконецъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, сторожевая служба достигла полнаго развитія. Укрѣпленія были раскинуты по всей Украинской границѣ; вездѣ устроены засѣки, рвы и забои по рѣкамъ; города и острожки являлись средоточіями непрерывныхъ полевыхъ укрѣпленій. [4]

---

1. Впрочемъ извѣстно, что Іоаннъ, мучимый подозрительностью къ окружавшимъ его, не противопоставилъ достаточной твердости притязаніямъ Крымскаго хана. Укрѣпленіе южныхъ границъ при немъ только началось: потому и Крымцы являлись еще подъ Москвою.

2. См «О сторожевой, станичной и полевой службѣ па Польской Украйнѣ Московскаго государства до Царя Алексѣя Михайловича» И. Д. Бѣляева (въ Чтен. Имп. общ. ист. и др. (1846).

3. Превосходное описаніе сторожевой линіи находимъ у Маржерета (въ сказ. совр. о Дим. Сам. III. стр. 55-58).

4 «О стор. стан. и пол. службѣ» И. Д. Бѣляева, стр. 49 и слѣд.

Приняты мѣры и для населенія края, тогда еще малолюднаго. Кромѣ переселеній изъ другихъ областей Московскихъ и размѣщенія служилыхъ людей, находили убѣжище въ нашей Украйнѣ Малороссійскіе казаки, угнетаемые Польскимъ правительствомъ: имъ давали богатыя земли, льготы, назначали жалованье [1]. Все очевиднѣе становилось движеніе Московскаго государства къ берегамъ Чернаго моря, конечно еще безсознательное, но тѣмъ не менѣе тревожившее Крымцевъ. Набѣги ихъ ограничивались ближайшими къ нимъ порубежными мѣстами—и тѣ рѣдко удавались. Еще болѣе могло обезпечить наши предѣлы съ этой стороны удержаніе Азова, взятаго, въ концѣ царствованія Михаила, толпою удалыхъ Донцевъ. Но Московское правительство опасалось тяжкой, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, войны съ Турціею; потому предписало завоевателямъ покинуть полуразрушенную крѣпость.

По мѣрѣ распространенія, въ XVI вѣкѣ, нашихъ предѣловъ къ Востоку, особенно по завоеваніи царства Казанскаго, Русскіе промышленники стали ближе и ближе подвигаться къ Уральскимъ горамъ и Сибирскому краю. Необыкновенною по тогдашнему времени предпріимчивостью отличались Строгоновы. Получивъ жалованныя грамоты на право пользованія землями того края, они думали уже объ основаніи поселеній по рѣкамъ Зауральскимъ, хотя и не имѣли достаточныхъ средствъ для осуществленія смѣлаго предпріятія. [2] Только появленіе Ермака съ казацкою дружиною повело, въ послѣдніе годы правленія Грознаго, къ завоеванію Сибирскаго царства. Ермакъ не утвердилъ

---

1. «О стор. стан. и пол. службѣ», стр. 56, гдѣ приведена одна изъ многочисленныхъ росписей о поселеніи Малороссіянъ въ Московскихъ Украинскихъ городахъ.

2. «Покореніе Сибири» П. И. Небольсина. Г. Небольсинъ допускаетъ только невольное участіе Строгоновыхъ въ предпріятіи Ермака, хотя это противорѣчитъ всѣмъ лѣтописямъ (кромѣ Есиповской) и подаетъ поводъ къ несообразностямъ въ самомъ разсказѣ о событіи.

еще Русскаго господства въ Сибири, но проложилъ путь къ утвержденію его въ два слѣдующія царствованія. Благоразумныя мѣры правительства при Царѣ Ѳеодорѣ и Борисѣ Годуновѣ: кроткое обхожденіе съ покоренными, соглашеніе, по-возможности, ихъ интересовъ съ интересами завоевателей, построеніе укрѣпленныхъ городовъ, переселеніе въ Сибирь земледѣльцевъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ для первоначальнаго домашняго обихода, распространеніе гражданственности — все это должно было способствовать къ упроченію за Россіею страны, которая, привлекавъ людей XVI и XVII вѣка необыкновеннымъ обиліемъ пушныхъ звѣрей, сдѣлалась впослѣдствіи главнымъ источникомъ нашего минеральнаго богатства. Если неурядицы самозванщины и пріостановили на время наши успѣхи, то по воцареніи Михаила распространеніе завоеваній въ Сибири приняло колоссальные размѣры. Многочисленныя товарищества Русскихъ людей, носившихъ общее наименованіе казаковъ, пробирались все далѣе и далѣе къ Востоку, по рѣкамъ и рѣчкамъ на лодкахъ, по льду и тундрамъ въ собачьихъ и оленьихъ нартахъ; отыскивая землицы, богатыя соболемъ, приводили разсѣянныя толпы дикарей подъ высокую руку Царя Бѣлаго. Уже въ первые годы царствованія Михаила было довершено завоеваніе страны до Енисея; впослѣдствіи удалые казаки и промышленники перешагнули за Лену. Въ 1639 году казакъ Иванъ Москвитинъ дошелъ до Камчатскаго моря; нѣсколько лѣтъ спустя (1643 г.) Поярковъ сдѣлалъ первую попытку покорить Россіи земли на Амурѣ. Явились города Енисейскъ, Красноярскъ и другіе; въ 1630 г. построенъ Якутскъ. Мудрый родитель Михаила Ѳеодоровича, желая вознаградить потери Россіи на Западѣ и оживить ослабѣвшую дѣятельность ея, обращалъ особенное вниманіе на Востокъ; имѣлъ уже въ виду ближайшее изслѣдованіе богатствъ Сибирскаго края. Преемнику Михаила оставалось продолжать дѣло, столь счастливо начатое.

Между тѣмъ, со времени завоеванія Татарскихъ царствъ,

стали также покоряться Россіи народцы, обитавшіе на Восточныхъ предѣлахъ Европы, въ Приуральскомъ пространствѣ, ожидавшіе отъ нея благотворнаго вліянія на ихъ кочевой, полудикій бытъ. Покорились Черемиса, Башкирцы, Ногаи. Положено начало и будущему господству Россіи въ странахъ Прикавказскихъ и Закавказскихъ. Въ царствованіе Грознаго основанъ Терскій городокъ для защиты Черкесскихъ князей, присягнувшихъ ему въ вѣрности. Еще при Іоаннѣ III, Грузія, сознавая, что ей безъ единовѣрной, могущественной Россіи обойтись нельзя, искала покровительства; и князь Александръ, въ грамотѣ къ Іоанну, именовалъ себя « меньшимъ холопомъ Великаго Царя Московскаго, надежды Христіанъ, закона всѣхъ Государей, князя надъ князьями, подпоры бѣдныхъ и угнетенныхъ. »[1] Въ царствованіе Θеодора Іоанновича, владѣтель Грузіи, тѣснимый Турками и Персіянами, опять умолялъ Московскаго Государя взять его государство подъ свою высокую руку, спасти отъ гибели; вмѣстѣ съ сыновьями и землею, далъ присягу быть въ неизмѣнномъ, вѣчномъ подданствѣ Царя и его наслѣдниковъ[2]. Хотя ни Θеодоръ, принявшій титулъ « Государя Иверскіе земли Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли Черкасскихъ и Горскихъ князей »[3], ни преемникъ его, старавшійся поддержать свое вліяніе на отдаленную страну, не могли доставить своему присяжнику дѣятельной помощи, « безстрашнаго пребыванія въ ихъ державной защитѣ »: но тѣмъ не менѣе вопросъ объ отношеніяхъ Грузіи къ Россіи былъ возбужденъ. Мнимое господство въ Закавказьѣ рано или поздно должно было обратиться въ истинное. Россія пріобрѣла неоспоримое право на него.

---

1. Карамз. VI, стр. 218 и прим. 370.
2. Тамъ же, Т. X, стр. 62.
3. Собр. госуд. грам. и дог. Т. II, 124.

V.

Въ XIV вѣкѣ Русская земля, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, раздѣлилась на двѣ половины: Восточная стала сосредоточиваться около Москвы въ одно политическое тѣло, Западная соединилась съ Литвою и съ нею примкнула впослѣдствіи къ Польшѣ. Но такое дѣленіе страны, самою природою предназначенной къ совокупной жизни, единой не только по географическому положенію, но и по происхожденію народа, его религіи, языку, исторіи, было неестественно. Рано или поздно она должна была опять соединиться. Право на власть верховную въ Русской землѣ принадлежало Государямъ Московскимъ, какъ державной отрасли Рюрикова Дома. Напрасно князья Литовскіе именовали себя Государями Русскими: Великіе князья Московскіе, утвердивъ единодержавіе на Востокѣ, распространили идею государственнаго единства Русской земли и на области, присвоенныя Литвою. Они сознали, что « вся Русская земля, Божьею волею, изъ старины, отъ ихъ прародителей ихъ отчина »; видѣли въ потомкахъ Гедимина только « вотчичей Польскаго королевства, да Литовскія земли отъ ихъ прародителей »; требовали, чтобъ они, для упроченія мира, « отчины ихъ Русскіе земли всеѣ поступилися. »[1] Добровольно поступиться Гедиминовичи не могли: потому борьба съ Литвою, съ цѣлью возвращенія нашего древняго достоянія на Западѣ, сдѣлалась, со времени Іоанна III, важнѣйшимъ предметомъ внѣшней политики Московскаго правительства.

Іоаннъ III, вслѣдствіе отдѣленія отъ Литвы многихъ князей съ ихъ отчинами и счастливой войны съ Алексан-

---

1. Акты, относ. къ исторіи Западной Россіи, Т. I, стр. 263 и т. д.

дромъ, тщетно думавшимъ посредствомъ родственнаго союза положить преграду его стремленію, успѣлъ присоединить къ своему государству область Сѣверскую съ Черниговымъ, Брянскомъ, Путивлемъ и другими городами; удержалъ свои пріобрѣтенія по перемирію, заключенному въ 1503 году. Василій IV продолжалъ борьбу: завоевалъ Смоленскъ, и заключая перемиріе, не отказался отъ правъ на Кіевъ, Полоцкъ и другіе древне-Русскіе города. Ему принадлежитъ и первая, конечно, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не могшая имѣть успѣха попытка кончить вопросъ о возвращеніи Западно-Русскихъ областей мирнымъ образомъ: восшествіемъ на престолъ Ягеллоновъ по избранію чиновъ В. Княжества Литовскаго. При Іоаннѣ IV остановились пріобрѣтенія Москвы со стороны Запада: неудачная борьба со Стефаномъ Баторіемъ заставила его отказаться отъ завоеваній, временно сдѣланныхъ. Польша, съ своей стороны, воспользовалась смутами, которыя начались въ Московскомъ государствѣ съ появленіемъ перваго самозванца, чтобъ не только возвратить утраченное, но и возвести на Московскій престолъ своего королевича, или, правильнѣе, подчинить себѣ всю Русскую землю и распространить въ ней католицизмъ. Но Русскій народъ, руководимый благословеніями своего первосвятителя «великаго заточенника, крѣпкаго адаманта» Ермогена, возсталъ за вѣру и отечество: подвигъ Минина и Пожарскаго увѣнчался полнымъ успѣхомъ; благодатное воцареніе Михаила утишило волненіе, спасло Русь отъ порабощенія. Надлежало, мирными трактатами, устранить притязанія иноземцевъ на господство въ Московскомъ государствѣ. Обстоятельства принудили купить миръ дорогою цѣною: по договорамъ Деулинскому и Вяземскому уступлены Польшѣ области Смоленская и Сѣверская. Преемнику Михаила пришлось начать возвращеніе Русскихъ земель съ того, съ чего началъ Іоаннъ III.

Но между тѣмъ необходимость возсоединенія Западной Руси съ Восточною стала еще очевиднѣе. Не смотря ни на

постановленія сеймовъ, ни на pacta conventa при началѣ каждаго царствованія, заключавшія въ себѣ особое условіе не нарушать свободы совѣсти послѣдователей Православія, въ Русскихъ областяхъ, которыя, вмѣстѣ съ Литвою, вошли въ составъ рѣчи посполитой, часто возникали религіозныя гоненія. Католическое духовенство не могло отказаться отъ желанія присоединить жителей ихъ къ стаду верховнаго пастыря Римскаго. Главнымъ орудіемъ обращенія стали, въ XVI вѣкѣ, Іезуиты [1]. Начавъ дѣятельность свою еще при Стефанѣ Баторіи, тщетно думавшемъ умѣрить ихъ ревность [2], они нашли особенно послушнаго ученика въ Сигизмундѣ III, который совершенно подчинился ихъ вліянію. Происками своими поколебали они сперва вѣрованія высшихъ сословій; потомъ подали поводъ къ появленію Уніи, которая должна была приготовить окончательное присоединеніе къ Католической Церкви всей массы Русскаго народонаселенія. Польское правительство, поддерживая такія стремленія, думало разорвать главный узелъ, связывавшій Русь Западную съ Восточною — единовѣріе. Но виновники Уніи ошиблись въ своихъ разсчетахъ: гоненія только скрѣпили его; сдѣлали необходимость возсоединенія съ Москвою еще очевиднѣе.

Съ твердостію отстаивалъ Русскій народъ вѣру предковъ. Но онъ выставилъ противъ гоненій не одно страдательное сопротивленіе. Между тѣмъ какъ изъ Православныхъ братствъ и школъ, возникшихъ въ Кіевѣ и другихъ городахъ, выходили достойные пастыри для назиданія и утѣшенія гонимыхъ, казацкое общество, развившееся въ огромныхъ размѣрахъ на предѣлахъ степнаго пространства, взялось за оружіе. Дыша буйной волею и отвагою, оно не хотѣло

1. См. «исторію реформаціи въ Польшѣ» Красинскаго.

2. Стефанъ Баторій говорилъ Польскимъ Іезуитамъ, что «Богъ предоставилъ Себѣ три вещи . творить изъ ничего, вѣдать будущее и господствовать надъ совѣстью; потому онъ не хочетъ предупреждать суда Божія.» (Historia belli Cosacco-Polonici authore Sam. Grondski de Grondi conscripta a. 1676; ed. Car. Koppi, Pestini 1789, p. 316).

подчиниться гражданскимъ уставамъ Польши; тѣмъ болѣе съ негодованіемъ отвергло Унію, которую думали навязать ему. Притѣсненія Сигизмунда, нарушившаго права, которыя Стефанъ Баторій утвердилъ за казаками, только ускорили возстаніе. Запылали кровопролитныя войны казацкія, продолжавшіяся, почти непрерывно, болѣе полувѣка. Многочисленность, искусство или хитрость Польскихъ вождей часто одерживали верхъ надъ отчаяннымъ мужествомъ, рѣдко сопровождаемымъ осторожностью. Въ страшныхъ мукахъ погибали вожди казацкіе, имѣвшіе несчастіе попасться въ плѣнъ. Послѣ каждаго усмиренія увеличивались притѣсненія. Храмы Православные были силою обращаемы въ Уніатскіе или отдавались на откупъ Жидамъ; военное сословіе Малороссійское лишилось всѣхъ правъ, было приравнено къ хлопамъ.[1] Сеймъ находился, съ одной стороны, подъ вліяніемъ Римско-Католическихъ прелатовъ, которые не желали отказаться отъ надежды обратить мнимыхъ «шизматиковъ»; съ другой, подъ вліяніемъ магнатовъ, которые хотѣли удержать обширныя помѣстья, отнятыя у казаковъ, и положить конецъ побѣгамъ къ нимъ своихъ крестьянъ: потому не внималъ ни справедливымъ жалобамъ утѣсненныхъ, ни благоразумнымъ совѣтамъ великодушнаго Владислава, искренне желавшаго смягчить участь Малороссіи. Онъ думалъ одними ужасами утвердить Польское владычество въ непокорной странѣ. Послѣ казни Павлюка и Остраницы, притѣсненія достигли невыносимой степени. Сыны Малороссіи съ нетерпѣніемъ выжидали новаго случая, чтобъ свергнуть тяжкое иго, на нихъ наложенное.[2] Самъ

---

1. «Славное имя наше казацкое испразднили, але, що найгорше и найжалостнѣйше, всихъ оныхъ братію нашихъ, Роксоляновъ, въ невольническое подданское ярмо запрягши, отъ вѣры отеческія православныя душеспасительныя Грекороссійскія отторгнули, и до пагубной Уніи и Римского заблужденія силою, гвалтомъ и многими надъ совѣстью Христіянскою мученіями и тиранствомъ привлекли и приневолили.» (Универсалъ Хмельницкаго 1648 года въ акт. отн. къ ист. З. Р. Т. V.)

2. «Cum maximo gemitu expectabant excutiendi jugi istius occasionem»

король Владиславъ указалъ имъ единственное средство для достиженія этой цѣли. «Поневажъ вы воины есте и имаете у себе мушкеты и сабли» — отвѣчалъ онъ на жалобы казацкаго войска — «то что вамъ возбраняетъ стать за себя и за свою свободу? Ибо видно жребій вашъ таковъ, чтобы имѣть все отъ меча, и даже самую свободу; а я помогать вамъ не въ силахъ, обуреваемъ будучи партизанствомъ и ихъ факціями.»[1] Явился знаменитый Зиновій — Богданъ Хмельницкій. Самъ выведенный изъ терпѣнія поступками Чигиринскаго подстаросты Чаплицкаго, онъ обнародовалъ отвѣтъ Владислава; нашелъ сперва сподвижниковъ въ Запорожской Сѣчи, потомъ со всею Малороссіею возсталъ противъ притѣснителей[2]. Польскіе военачальники, выступившіе противъ него, были разбиты. Кончина Владислава, котораго одного Малороссіяне могли называть «паномъ своимъ милостивымъ и отцемъ ласковымъ», уничтожила послѣднія надежды на успѣхъ мирныхъ переговоровъ. Янъ Казимиръ, немедленно по вступленіи на престолъ, объявилъ во всемъ королевствѣ своемъ посполитое рушенье на казаковъ и на ихъ гетмана[3]. Но Хмельницкій восторжествовалъ надъ всѣми усиліями Польши и, по Зборовскому трактату (7 Сент. 1649 г.), принудилъ короля возвратить казакамъ всѣ права ихъ. Положено было удалить изъ предѣловъ Малороссіи Жидовъ и Іезуитовъ съ ихъ школами; Унію, по предварительномъ разсмотрѣніи этого дѣла на сеймѣ, уничтожить; за религіею

(Historia belli Cosacco-Polonici auth. Sam. Grondski de Grondi conscripta a. 1676.)

1. Исторія Русовъ Преосв. Георгія Конискаго (въ Чт. общ. ист. и др.), стр. 59. Нѣкоторые историки (см. Herman, Geschichte des russischen Staats III), основываясь на показаніяхъ одного изъ приближенныхъ Владислава, сохраненныхъ Линажемъ, приписываютъ участіе короля въ дѣлѣ казаковъ и Хмельницкаго его желанію побудить ихъ къ вторженію въ Турецкія владѣнія, чтобъ этимъ подать поводъ къ войнѣ съ Турціею, на которую не соглашался сеймъ.

2. Ист. Русовъ, стр. 60.

3. Тамъ же, стр. 88.

Греческою утвердить равныя права съ Римско-Католическою; митрополиту Кіевскому и епископамъ Православнымъ присутствовать въ сенатѣ; гетману, достоинство котораго уравнено съ гетманами коронным и Литовскимъ, быть избираему чинами и войскомъ; числу реестровыхъ казаковъ простираться до 40,000 [1].

Но Польша не думала соблюдать трактата, столь выгоднаго для Малороссіи. Было много и другихъ причинъ, поддерживавшихъ непріязненныя отношенія. Война возобновилась—и была несчастна для казаковъ. Побѣжденный Хмельницкій принялъ условія Бѣлоцерковнаго договора (1651 г.), которымъ уничтожались всѣ статьи Зборовскаго: число казаковъ ограничивалось 20,000; ихъ гетманъ подчинялся коронному; Польской шляхтѣ возвращались помѣстья, Жидамъ право жительства и арендъ въ Малороссіи. Несчастная страна должна была подвергнуться прежнимъ бѣдствіямъ. Но настало время возсоединенія Малороссіи на вѣчныя времена съ единовѣрною Русью Восточною. Хмельницкій понялъ указанія самой судьбы — и со всѣмъ Запорожьемъ ударилъ челомъ Царю Алексѣю Михайловичу.

Имѣя въ виду возвращеніе областей, отторгнутыхъ Польшею, Государи Московскіе не могли оставить безъ вниманія и земель Прибалтійскихъ, нѣкогда также составлявшихъ достояніе Россіи. Недалеко отъ Балтійскаго моря была первая колыбель Русскаго государства; и скоро въ составъ его вошла часть поморья. Ярославъ I построилъ въ Ливонской землѣ городъ, названный, въ честь его Христіанскаго имени, Юрьевымъ. Но Русскіе не приняли надлежащихъ мѣръ для окончательнаго утвержденія своего владычества въ этой странѣ. Въ XII вѣкѣ явились въ ней Нѣмцы; въ XIII-мъ покорилась Ордену Меченосцевъ большая часть Русско-Балтійскаго прибрежья. Раздробленной и угне-

1. Ист. Рус. стр. 94.—Собр. гос. гр. и д. III, № 137.

тенной Россіи было не до возвращенія утраченнаго. Но съ водвореніемъ единодержавія стали развиваться и новыя потребности государственныя. Во всей силѣ проявилась мысль о господствѣ въ Прибалтійскихъ земляхъ. Она находилась въ тѣсной связи со стремленіемъ пріобрѣсти морскія пристанища.

Для государства, основаннаго на Восточныхъ предѣлахъ Европы, въ сосѣдствѣ съ полудикими кочевыми ордами Азіи, отставшаго, подъ вліяніемъ враждебныхъ обстоятельствъ, въ своемъ развитіи отъ странъ Западныхъ, было особенно важно имѣть области, прилежащія къ главнымъ воднымъ путямъ, которые могли сблизить его съ образованнымъ міромъ. Одинъ изъ нихъ пролегалъ чрезъ Средиземное море, это почти исключительное поприще мореходной дѣятельности древняго человѣчества. Но онъ отчасти утратилъ свое значеніе для Восточной Европы съ тѣхъ поръ, когда хищные остатки орды Батыевой заслонили намъ дорогу къ Черному морю, и мѣсто лучезарнаго креста на Св. Софіи заняла враждебная ему луна, символъ полумрака, въ которомъ коснѣютъ Магометанскіе народы. Только набѣги удалыхъ казаковъ на Турецкія владѣнія напоминали, что Россія когда-то касалась береговъ Чернаго моря, что волны его не разъ пѣнились подъ безчисленными ладьями нашихъ древнихъ князей - богатырей. Открылся, въ 1553 году, новый или, со временъ Норманнскихъ завоеваній, забытый путь Сѣверный чрезъ Бѣлое море: онъ игралъ немаловажную роль въ нашей исторіи до самыхъ временъ Петровыхъ. Но и онъ былъ слишкомъ неудобенъ, слишкомъ далекъ. Надлежало искать пути ближайшаго, думать о расширеніи предѣловъ Россіи со стороны Ливоніи. Потому вопросъ о Прибалтійскихъ земляхъ, въ которомъ соединялись два главныя направленія нашей внѣшней политики: возсоединеніе съ Россіею оторванныхъ отъ нея членовъ и пріобрѣтеніе морскихъ пристанищъ, издавна занималъ великихъ собирателей Русской земли.

Только небольшимъ угломъ бывшихъ Новгородскихъ вла-

дѣній примыкало, въ эпоху утвержденія единодержавія, Московское государство къ Финскому заливу. При недостаткѣ образованія, не имѣло оно средствъ, чтобъ воспользоваться этимъ, тогда негостепріимнымъ прибрежьемъ для устроенія прямаго сообщенія съ Европою. Лучшія гавани принадлежали Ливонскому Ордену. Орденъ явно выказывалъ свое недоброжелательство, не пропуская въ Москву не только людей искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ, но и вообще иноземцевъ. Борьба съ нимъ была неизбѣжна. Уже Іоаннъ III успѣлъ, на самыхъ границахъ Орденскихъ владѣній, построить крѣпость Иваньгородъ; заставилъ Дерптскаго епископа обязаться платить старинную дань за городъ, бывшій древнею собственностью Россіи, и тѣмъ самымъ подалъ поводъ великому внуку своему къ рѣшительному предъявленію правъ на Ливонію. Іоанну Грозному принадлежитъ полное, ясное сознаніе мысли о необходимости для Россіи стать твердою ногою на Балтійскомъ поморьѣ. Потребовавъ Юрьевской дани и не получивъ удовлетворенія, онъ устремилъ многочисленную рать свою на земли Ордена; сокрушилъ его силы, былъ близокъ къ осуществленію своего предпріянія—но вмѣшательство Польши дало всему дѣлу иной оборотъ. Дряхлый Орденъ палъ, но не къ стопамъ Іоанна, а къ стопамъ Сигизмунда II Августа. Въ то время, когда Грозный, владѣя въ 1566 году бо́льшею частью Ливоніи, думалъ не только о завоеваніи Риги и Вендена (безъ которыхъ, по выраженію членовъ Земской Думы, собранной въ Москвѣ, затворилась бы торговля Новгорода и Пскова [1]), но и о возвращеніи отъ Литвы присвоенныхъ ею древне-Русскихъ городовъ — онъ встрѣтилъ, въ лицѣ Стефана Баторія, соперника твердаго, искуснаго и мужественнаго. По Запольскому договору былъ онъ принужденъ отказаться отъ всѣхъ притязаній на Ливонію. Вскорѣ заключилъ перемиріе и со Швеціею, не

---

1. Собр. гос. гр. I, стр. 545.

замедлившею вмѣшаться въ Ливонскія дѣла; оставилъ въ рукахъ ея какъ присвоенную ею Эстляндію, такъ и чисто-Русскіе города: Яму, Иваньгородъ, Копорье. Россія, послѣ 24 лѣтней борьбы, которая стоила безчисленныхъ пожертвованій, была совершенно отодвинута отъ береговъ Балтійскаго моря.

Но она не отказалась отъ своего стремленія; возобновила его уже въ слѣдующее царствованіе. Царь Ѳеодоръ, руководимый достойнымъ ученикомъ Грознаго, преемникомъ его политическихъ плановъ — Годуновымъ, успѣлъ возвратить города, уступленные его родителемъ. Самъ Годуновъ, занявъ престолъ Царей Московскихъ, думалъ даже о пріобрѣтеніи Ливоніи, хотя интриги, къ которымъ онъ прибѣгалъ, не могли имѣть успѣха. Между тѣмъ настало время смутъ. Швеція воспользовалась имъ, чтобъ овладѣть частью древнихъ Новгородскихъ областей. Когда пришлось Россіи расплачиваться съ иноземцами, вмѣшивавшимися въ ея дѣла, Михаилъ Ѳеодоровичъ, для успокоенія разстроеннаго государства, былъ принужденъ, по Столбовскому миру (1617 г.), оставить за Швеціею города, завоеванные ею въ эпоху междуцарствія: Яму, Иваньгородъ, Копорье, Орѣшекъ, Кексгольмъ со всею Ингерманландіею. Предѣлы Россіи еще болѣе отдалились отъ береговъ Балтійскаго моря. Швеція торжествовала. Густавъ Адольфъ, называя Столбовскій миръ однимъ изъ величайшихъ благодѣяній Божіихъ для своего государства, съ восторгомъ говорилъ чинамъ его: «Россія отодвинута отъ Балтійскаго моря; и Русскимъ отнынѣ будетъ нелегко перепрыгнуть чрезъ этотъ ручеекъ.»[1] Такъ враждебные сосѣди старались стѣснить наше отечество въ свободномъ развитіи его силъ; но оно не отказывалось отъ своихъ правъ: чего не уступали ему добровольно, то брало оно съ бою.

---

1. Гейера: исторія Швеціи, Т. III (въ Нѣм. п. стр. 97).

VI.

Стремясь къ уничтоженію стѣсненія своихъ предѣловъ на Западѣ, къ пріобрѣтенію морскихъ пристанищъ и проложенію себѣ удобнаго пути въ Европу, Россія имѣла въ виду поддержать сношенія съ нею, сдѣлавшіяся уже существенною потребностію нашего отечества. При Іоаннѣ III, послѣ долговременнаго отчужденія, послѣдовало первое сближеніе; и поводомъ къ нему послужили брачные переговоры этого Государя. Съ того времени Московское правительство, постепенно усиливая дипломатическія сношенія съ Европою, преслѣдовало цѣли постоянныя, имѣло въ виду важнѣйшіе интересы государственные и общественные.

Одною изъ цѣлей, которыя опредѣляли направленіе дипломаціи, было желаніе находиться въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Державамъ, враждебнымъ Польшѣ, чтобъ, при ихъ содѣйствіи, рѣшить главную задачу нашей внѣшней политики: осуществить во всемъ объемѣ идею единства Русской земли посредствомъ возвращенія земель, утраченныхъ въ годину бѣдствій. Этою цѣлью руководился Іоаннъ III въ сношеніяхъ съ Матвѣемъ Корвиномъ Венгерскимъ, Менгли-Гиреемъ Крымскимъ, Василій IV въ сношеніяхъ съ Альбрехтомъ Прусскимъ, Годуновъ и отчасти Шуйскій въ сношеніяхъ съ Карломъ IX Шведскимъ; эта цѣль является, со стороны Московскаго правительства, на первомъ планѣ въ важнѣйшихъ переговорахъ нашихъ Государей съ Австрійскимъ Дворомъ.[1] Не ихъ вина, что они ошибались насчетъ значенія подобныхъ переговоровъ, не разгадали истиннаго направленія своекорыстной политики Австріи: такая ошибка не была чужда и временамъ позднѣйшимъ. Если Австрія не могла еще тогда предпочесть интересовъ отдаленной Московіи интересамъ ближайшей, единовѣрной съ нею Польши, то однакожь постоян-

---

1. См. Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ державами иностранными (два вышедшіе тома).

но являлась посредницею между ними. Устраняя на время вопросы, занимавшіе два враждебныя государства, примиряя ихъ, она выставляла на первый планъ собственную цѣль: составленіе общаго ополченія противъ Турокъ. Дипломатическія сношенія съ Австріею принесли и другую пользу—въ области науки. Двумъ Австрійскимъ посламъ обязаны мы лучшими иностранными источниками нашей исторіи, которые, дополняя многое, недосказанное въ лѣтописяхъ и государственныхъ актахъ, особенно важны въ отношеніи къ внутреннему быту древней Руси.

Другая цѣль, не оставшаяся безъ вліянія и на развитіе промышленности Россіи вообще, заключалась въ стремленіи расширить внѣшнюю торговлю. Ею опредѣлялись преимущественно всѣ сношенія съ Англіею, Голландіею, отчасти и съ другими Державами.

Въ древнѣйшіе періоды нашей исторіи, правительство, относительно торговой промышленности, болѣе или менѣе, ограничивалось охраненіемъ правъ частной собственности. Только съ царствованія Іоанна Грознаго, промышленность эта становится дѣломъ государственнымъ: принимаются мѣры для расширенія внѣшней торговли, даются льготы и преимущества иностранцамъ, вступающимъ въ коммерческія сношенія съ Россіею. [1] Іоаннъ даровалъ Англичанамъ неизвѣстныя у насъ до того времени права торговать безпошлинно, судиться собственнымъ судомъ передъ своими старшинами. Преемники его Θеодоръ и Борисъ Годуновъ—правитель, потомъ Царь—подтверждаютъ эти права; вмѣстѣ съ тѣмъ, устранивъ своекорыстное стремленіе Англіи присвоить себѣ торговую монополію, объявивъ «океанъ-море» незаградимымъ путемъ Божіимъ, открываютъ предѣлы Россіи для всей промышленной Европы, приглашаютъ всѣ народы принять участіе въ торговыхъ сношеніяхъ съ нею. И нужно было Европѣ только ознакомиться

1. «О древней Русской дипломаціи», рѣчь Орд. Пр. В. Н. Лешкова, 1847 года.

ближе съ богатствомъ естественныхъ произведеній нашего отечества, чтобъ сознать всѣ выгоды сношеній, которыми опредѣлялось впослѣдствіи одно изъ главныхъ направленій Европейской промышленности; чтобъ тѣсныя связи съ Россіею поставить въ числѣ важнѣйшихъ государственныхъ задачъ тѣхъ странъ, которыя стремились къ расширенію своей мануфактурной и торговой дѣятельности. Чрезъ столѣтіе послѣ открытія пути къ Архангельску, Россіи уже нечего было опасаться за прочность своей торговли съ иностранцами. Русскіе вполнѣ поняли это. «Знатно, что во Французской и Гишпанской земляхъ немалое желаніе подданнымъ своимъ о торгѣ у Архангельска имѣютъ», говорили наши гости, когда отъ нихъ (1673 г.) потребовали мнѣнія относительно торговли шелкомъ съ Армянами [1] — и ссылались при этомъ на статейный списокъ стольника Потемкина, ѣздившаго посломъ во Францію и Испанію. Они желали тогда преимущественно устранить стремленіе Голландцевъ къ монополіи. Но крайности, обнаружившіяся при развитіи иностранной торговли въ ущербъ туземной, уже вызвали, въ половинѣ XVII вѣка, важныя преобразованія въ области нашей торговой политики. Правительство убѣдилось въ необходимости уничтожить стѣснительныя для Русскаго торговаго сословія привилегіи Англичанъ, успѣвшихъ, въ царствованіе Михаила Θеодоровича, еще болѣе возвысить свое значеніе и расширить свои коммерческіе обороты.

Многозначительною цѣлью Московскаго правительства, при установленіи сношеній съ Западною Европою, было также водвореніе въ Россіи полезныхъ искусствъ и ремеслъ, въ особенности всего того, что служило къ усовершенствованію ратныхъ силъ; отчасти имѣлось въ виду и заимствованіе нѣкоторыхъ плодовъ умственнаго образованія.

Почти во всѣхъ переговорахъ Іоанна III съ Европейскими Государями высказывается желаніе вызвать въ Россію

1. Полн. Собр. Законовъ, I, № 539.

«людей художныхъ». Являются въ Москвѣ зодчіе, строившіе храмы, дворцы, городскія стѣны; литейщики, отливавшіе пушки и колокола; размыслы, рудознатцы и серебряники, отъискивавшіе руду, чеканившіе монету. Число этихъ полезныхъ людей, художниковъ и ремесленниковъ, увеличивается съ каждымъ царствованіемъ. Въ XVII вѣкѣ появляются уже нѣкоторые фабрики и заводы въ странѣ, которая до того времени была почти незнакома съ мануфактурною промышленностью. Между тѣмъ, при постоянномъ стремленіи увеличить средства, необходимыя для огражденія безопасности государства, правительство не могло также не обратить вниманія на усовершенствованіе ратныхъ силъ. До воцаренія Дома Романовыхъ не замѣтно однако, кромѣ умноженія огнестрѣльнаго снаряда, особенныхъ въ этомъ отношеніи нововведеній, заимствованныхъ на Западѣ. Самое учрежденіе, въ царствованіе Годунова, многочисленной дружины иноземныхъ тѣлохранителей было не столько слѣдствіемъ обнаружившихся потребностей государственныхъ, сколько положенія самаго Бориса, не довѣрявшаго подданнымъ; притомъ оно не имѣло вліянія на составъ другихъ войскъ.

Со времени утвержденія единодержавія, обязанность защищать отечество отъ внѣшнихъ враговъ, повинность воинской службы лежала у насъ преимущественно на благородныхъ сословіяхъ: Московскихъ и городскихъ дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ. Надѣленные помѣстьями, они были обязаны являться на службу «конны, людны и оружны» т. е. на своихъ коняхъ, въ своемъ вооруженіи и съ извѣстнымъ числомъ ратниковъ, равно какъ съ запасами для себя, для людей и лошадей на весь походъ. Кромѣ того, въ случаѣ войны, набирались съ тяглыхъ, иногда и не тяглыхъ посадскихъ, и съ крестьянскихъ дворовъ разныхъ вѣдомствъ *люди даточные*, половина на коняхъ, половина пѣшихъ. [1] Какъ эти два главные, такъ и осталь-

1. «О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Θеодоровича и послѣ не-

ные, менѣе многочисленные разряды нашихъ войскъ [1] только временно несли обязанность службы; по окончаніи похода они обыкновенно распускались по домамъ. При Іоаннѣ IV появилась безсмѣнная рать подъ именемъ стрѣльцовъ, которыхъ поселили въ Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Но и стрѣльцы, и городскіе казаки, отчасти, подобно имъ, обязанные постоянною службою, по несовершенству устройства, мало отличались отъ временныхъ ополченій; притомъ число ихъ было незначительно. Рѣзко обнаруживались недостатки нашей военной системы въ столкновеніяхъ съ государствами, опередившими насъ въ развитіи ратнаго искусства. Они побудили наконецъ Московское правительство обратить вниманіе на необходимость преобразованія. Въ царствованіе Михаила Өеодоровича появились иноземныя регулярныя войска, которыя служили въ качествѣ наемныхъ дружинъ; они особенно были многочисленны во время второй войны съ Польшею. Это былъ первый шагъ къ лучшему устройству. Но содержаніе иноземцевъ, привлекаемыхъ въ Россію только корыстью, обходилось слишкомъ дорого. Потому, распуская наемныя войска послѣ войны, стали удерживать изъ нихъ преимущественно начальныхъ людей; давая имъ помѣстные оклады, старались привязать ихъ къ Россіи, чтобъ, посредствомъ ихъ, сформировать Русскіе полки, дисциплинированные и обученные по образцу Европейскому. Начало введенія этой системы относится къ царствованію Михаила Өеодоровича; полное развитіе къ царствованію его преемника.

Заимствуя изъ Западной Европы преимущественно матеріальные плоды просвѣщенія, Россія стала однакожь мало-

---

го, до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ, вст. насл. И. Бѣляева, 1846.—Также Кошихина, гл. IX.

1. Къ нимъ должно отнести Новокрещеныхъ, Мурзъ и Татарскихъ князей, вольныхъ охочихъ людей, наконецъ казаковъ. Казаки Донскіе, Волжскіе, Яикскіе, Терскіе составляли особенный отдѣлъ въ войскахъ нашихъ; являлись на службу по вызовнымъ царскимъ грамотамъ.

по-малу приходить къ сознанію необходимости воспользоваться и успѣхами научнаго образованія.

Стремленіе къ просвѣщенію проявилось у насъ вмѣстѣ съ водвореніемъ свѣта Божественной истины. Преданіе о необходимости его выразилось уже въ незабвенныхъ словахъ нашего лѣтописца: «велика бываетъ польза отъ ученья книжнаго»; передавалось изъ вѣка въ вѣкъ, какъ священный завѣтъ, полученный отъ предковъ. [1] Но древнее просвѣщеніе наше развивалось преимущественно въ сферѣ духовной, гдѣ Русскій человѣкъ скорѣе могъ отрѣшиться отъ узкой сферы тогдашняго быта, гдѣ умственная дѣятельность его находила болѣе простора, нежели въ обществѣ свѣтскомъ, почти исключительно занятомъ удовлетвореніемъ матеріальныхъ потребностей. [2] Большая часть писателей принадлежала къ кругу духовенства и, орудіемъ слова Божія, дѣйствовала на другія сословія. Литература наша была по-преимуществу церковная. Но направленіемъ своимъ она вполнѣ удовлетворяла современнымъ потребностямъ общества, которое чтеніе книгъ духовно-назидательныхъ и церковно-историческихъ предпочитало всякому другому. Между тѣмъ, не уступая въ этомъ отношеніи другимъ странамъ Европы, Россія отстала отъ нихъ въ свѣтскомъ образованіи. Надлежало воспользоваться плодами процвѣтанія наукъ на Западѣ. Обнаружилось стремленіе... но какъ-то медленно приводилось оно въ дѣйствительность. Западное образованіе было еще не по душѣ Русскому человѣку.

Іоаннъ IV поручилъ Саксонцу Шлитту вызвать изъ Германіи, въ числѣ людей, полезныхъ для царской службы,

---

1. «Взглядъ на исторію установленія госуд. порядка въ Россіи до Петра В.» публ. лекціи С. М. Соловьева.

2. Эту истину сознавалъ, еще въ прошедшемъ столѣтіи, Преосвященный Платонъ. На вопросъ Императрицы Екатерины II о причинѣ поступленія его въ монашество, онъ отвѣчалъ, что избралъ иноческую жизнь «по особой любви къ просвѣщенію». Когда же Императрица спросила: «да развѣ нельзя въ мірской жизни умножить просвѣщеніе?» — онъ возразилъ: «Льзя, но не столь удобно.»

ученыхъ, искусныхъ въ древнихъ и новыхъ языкахъ. Годуновъ, думая объ учрежденіи въ Москвѣ свѣтскихъ школъ, искалъ для нихъ учителей за границею; не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, отправилъ для науки въ чужіе краи 18 молодыхъ людей, въ томъ числѣ 4-хъ чисто-Русскихъ; далъ замѣчательное образованіе сыну своему. Михаилу Θеодоровичу также понадобился «географусъ, человѣкъ, навычный астрологіи, и небесному бѣгу, и землемѣрію, и инымъ подобнымъ мастерствамъ и мудростямъ»[1]..... Но этими и немногими другими попытками ограничилось стремленіе усвоить себѣ нѣкоторые плоды умственнаго образованія Запада. Дѣйствовали осторожно, осмотрительно. Опасались, чтобъ не прибыли люди вредные по своимъ убѣжденіямъ, чтобъ соприкосновеніе ихъ съ народонаселеніемъ не произвело гибельнаго вліянія на религіозно-нравственный бытъ послѣдняго: ибо охраненіе нравственности, основанной на правилахъ святой вѣры, было также однимъ изъ главныхъ предметовъ заботливости Московскаго правительства.

Добросовѣстнѣйшіе между иноземными писателями XV и XVI вѣковъ вообще благопріятно отзываются о нравственныхъ свойствахъ Русскаго народа. Съ похвалою, даже удивленіемъ говорятъ они о набожности и подвигахъ молитвы и поста нашихъ предковъ, ревностныхъ исполнителей обрядовъ Православія; о ихъ чувствахъ любви и безпредѣльной преданности къ Государямъ; о добродѣтеляхъ, проистекавшихъ изъ чистаго источника любви къ Богу и Царю; о милосердіи къ бѣднымъ и странникамъ, которымъ каждый помогалъ по мѣрѣ средствъ своихъ; объ отсутствіи многихъ пороковъ, тогда господствовавшихъ въ Западной Европѣ.[2] Не могла конечно не выказаться и отрицательная сторона нашего быта, проявлявшаяся въ не-

1. Знаменитый Адамъ Олеарій, который однакожь не принялъ предложенія поселиться въ Россіи.

2. См. «Нравственный характеръ и образъ жизни Русскихъ XV и XVI в.» по свидѣтельству иностранныхъ писателей, С. Смирнова (въ Моск. вѣдо-

достаткѣ образованія, грубости нравовъ и нѣкоторыхъ дурныхъ наклонностяхъ. Но она выступаетъ въ несравненно болѣе рѣзкихъ формахъ у иноземныхъ наблюдателей XVII вѣка. [1] Оставляя въ сторонѣ отзывы, очевидно внушенные совершеннымъ непониманіемъ нашихъ обычаевъ, предубѣжденіемъ или недобросовѣстностію, мы не вправѣ отвергать такихъ, которые подтверждаются болѣе или менѣе единогласными свидѣтельствами современныхъ писателей. Между тѣмъ въ подобныхъ показаніяхъ не всѣ формы нашего быта внутренняго представляютъ лестную для насъ картину. Справедливо могли, въ глазахъ образованныхъ иноземцевъ, казаться невѣждами въ наукахъ и искусствахъ не только простолюдины, но и члены высшихъ сословій, часто отличавшіеся отъ первыхъ одною грубою пышностью и спѣсью. Справедливо могли они упрекать Русскихъ XVII вѣка въ грубости обращенія и нѣкоторыхъ нравственныхъ порокахъ, особенно въ склонности къ пьянству и сквернословію. [2] Подобныя явленія были не одними слѣдами недавняго времени смутъ, когда такъ сильно дѣйствовали болѣзненные элементы общества. На порчу нравовъ должно смотрѣть, какъ на неизбѣжную принадлежность переходной эпохи: въ ней отрицательнымъ образомъ высказывалась необходимость всесторонняго преобразованія. Правительство принимало конечно мѣры для поддержанія нравственности—но онѣ были недостаточны.

Вотъ главные вопросы, которыми опредѣлялось направленіе государственной дѣятельности нашей до временъ Петра: какое же участіе принималъ въ развитіи и рѣшеніи ихъ родитель великаго Преобразователя—Алексій Михайловичъ?

мостяхъ 1849, № 88, 89), гдѣ приведены цитаты изъ Фабра, Павла Іовія, Герберштейна, Кампензе, Одерборна и т. д.

1. Особенно у Олеарія, Коллинса и т. д.

2. См. Олеарія, стр. 99 и сл. изд. 1696 г.

ГЛАВА II.

ВОЦАРЕНІЕ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА; ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕГО ПРАВЛЕНІЯ; ВЛІЯНІЕ БОЯРИНА МОРОЗОВА; МЯТЕЖИ.

1645 года, 13 Іюля, въ день своего рожденія, 49 лѣтъ отъ роду, скончался возстановитель государственнаго наряда въ Россіи—Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ; «и многъ бысть плачъ Христіаномъ Московскаго государства»[1].

«А на его царскомъ престолѣ, на Владимірскомъ и на Московскомъ государствѣ, и на всѣхъ Великихъ государствахъ Россійскаго Царствія учинился Царемъ и Великимъ Княземъ всея Русіи, по благословенію отца своего, блаженныя памяти Государя Царя и В. Князя Михаила Ѳеодоровича, сынъ его Государь Царевичъ и В. Князь Алексѣй Михайловичъ».[2] Никита Ивановичъ Романовъ, какъ ближайшій родственникъ Государя, вышедъ изъ царской опочивальни, возвѣстилъ о его воцареніи и первый принялъ присягу. «За нимъ на Москвѣ всеа Русіи бояре, и окольничіе, думные люди и стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и жильцы, и дворяне и дѣти боярскіе изъ городовъ многіе, и полковники, и ротмистры, и поручики, и

1. Скороп. хронографъ, у Арцыбышева стр. 88.
2. Дворцовые Разряды, Т. III, стр. 1.

иноземцы, и гости, и дьяки, и головы стрѣлецкіе, и сотники, стрѣльцы, и пушкари, и Московскаго государства всѣ служивые и земскіе люди крестъ ему Государю цѣловали.»[1] За столицею присягнула вся Россія. Отправивъ, по обычаю, уже утвердившемуся при Московскомъ Дворѣ, гонцевъ обвѣстить иностранныхъ Государей о кончинѣ родителя и своемъ воцареніи, шестнадцатилѣтній Алексій, 28 Сентября, торжественно вѣнчался на царство во храмѣ Успенія Богоматери. «Съ вѣнцемъ шелъ и съ Государя снималъ и держалъ сроличъ царскій, бояринъ Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ»; въ церковныхъ дверяхъ осыпалъ Царя золотыми Никита Ивановичъ Романовъ.[2] «И послѣ того власти, и бояре, и ближніе и всякихъ чиновъ люди, на государствѣ его поздравляли. И по поздравленіи, патріархъ, и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и иныя власти, Царя благословляли образами и подносили хлѣбы, и бархаты, и объяри, и отласы, и камки золотные и простые, и соболи и серебряные сосуды; а бояре и ближніе люди, и столники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и дьяки, и жилцы, и полковники, и дворяне, и дѣти боярскіе городовые, и гости, и служилые люди, дарили противъ тогожъ, что и власти; а сотенные, и торговые, и изъ городовъ посадскіе люди, подносили хлѣбы съ солью, и дарили противъ того же обычая, у кого что прилучилося. И потомъ у Царя на властей и на бояръ, и на всякихъ чиновъ людей, были пиры.»[3]

Алексѣй Михайловичъ наслѣдовалъ государство, многолѣтнею дѣятельностью его родителя успокоенное внутри, огражденное безопасностью извнѣ. Не смотря на то, бремя правленія, неразлучное съ царскимъ вѣнцемъ, казалось, было еще не по силамъ юному монарху. Ему не доставало твердости и опытности, свойственныхъ лѣтамъ

1. Дворц. разр. стр. 1.
2. Тамъ же, стр. 16.
3. Коших. стр. 4.

болѣе зрѣлымъ; онъ еще чуждался дѣлъ государственныхъ, искалъ развлеченій, особенно въ соколиной охотѣ, любимой имъ до страсти. Судьба не подарила ему руководителя, какого имѣлъ юный Михаилъ въ Филаретѣ Никитичѣ; мать его, Царица Евдокія Лукьяновна, скончалась чрезъ нѣсколько недѣль послѣ своего супруга. Все правленіе перешло въ руки бояръ, во главѣ которыхъ сталъ воспитатель Царя Борисъ Ивановичъ Морозовъ, возведенный въ санъ ближняго боярина. «Во дни его»—читаемъ въ жизнеописаніи Ѳедора Ртищева—«бѣ болярипъ честенъ, и смотрителенъ крайній, и Царскаго Величества отъ Его младенческа возраста хранитель, мужъ крѣпкодушенъ и строитель дѣлъ Царскихъ прилежный, Борисъ званіемъ Морозовъ. Благоволеніемъ же Царскимъ бысть силенъ въ словѣ и дѣлѣ.» [1] Но здѣсь выставлены одни похвальныя качества сановника умнаго, образованнаго, и, въ то же время, хитраго, корыстолюбиваго. Чтобъ обезпечить за собою власть, Морозовъ старался удалить отъ Двора родственниковъ покойной Царицы; окружилъ юнаго Государя людьми, себѣ преданными; доставилъ друзьямъ своимъ важнѣйшія мѣста. Не довольствуясь этимъ, онъ искалъ случая еще болѣе возвыситься посредствомъ родственнаго союза съ семействомъ царскимъ [2]. Алексѣй Михайловичъ изъ шести дѣвицъ, представленныхъ ему, избралъ себѣ невѣстою дочь небогатаго дворянина Рафа (Ѳедора) Всеволожскаго. Но бракъ этотъ не соотвѣтствовалъ видамъ Морозова. Невѣстѣ такъ крѣпко затянули

---

1. Берхъ: царствованіе Алексѣя Михайловича, стр. 21. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича Б. И. Морозовъ былъ опредѣленъ дядькою къ новорожденному царевичу Алексію (1629 г.); съ успѣхомъ выполнялъ и другія порученія, и въ 1634 г. пожалованъ въ бояре. Особенно съ похвалою отзывается о немъ Олеарій за радушіе, съ которымъ онъ принималъ и угощалъ Голштинскихъ пословъ. Въ 1637 году отправленъ онъ воеводою въ Казань. Но юный царевичъ скучалъ о любимомъ воспитателѣ своемъ и, тотчасъ по вступленіи на престолъ, призвалъ его ко Двору; назначилъ присутствовать въ 3-хъ приказахъ: Стрѣлецкомъ, Большой Казны и Иноземскомъ. При бракосочетаніи Государя, Морозовъ былъ «въ отцово мѣсто».

2. Олеарій, стр. 128.

волосы, что она передъ вѣнчаніемъ упала въ обморокъ. Объявили, что она въ падучей болѣзни; и Всеволожскихъ, за мнимый обманъ, удалили въ ссылку [1]. Новый выборъ Царя палъ, подъ вліяніемъ Морозова, на старшую дочь стольника Ильи Даниловича Милославскаго (пожалованнаго въ окольничіе и, вслѣдъ за тѣмъ, въ бояре) Марію Ильиничну, которую Алексій, въ первый разъ, увидѣлъ въ церкви [2]. Чрезъ десять дней послѣ царской свадьбы, Морозовъ женился на младшей сестрѣ Царицы, Аннѣ Ильиничнѣ [3]. Осыпанный дарами, онъ построилъ себѣ великолѣпныя палаты въ Кремлѣ; пользуясь неограниченною довѣренностью и любовью юнаго Царя, былъ убѣжденъ въ прочности своего значенія и употреблялъ его во зло. Другіе бояре завидовали его вліянію; корыстолюбіе, притѣсненія его клевретовъ, въ соединеніи съ нѣкоторыми несвое-

1. Собр. гос. гр. и дог. Т. III, стр. 479.—Берхъ I, стр. 45-47 и II, стр. 43 и 44, гдѣ приведено письмо Шведскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Фербера отъ 1 Марта 1647 г. — Коллинсъ (стр. 31) прямо говоритъ, что когда дѣвица Всеволожская «въ другой разъ явилась предъ Царемъ въ Царской одеждѣ, Борисъ приказалъ такъ крѣпко завязать ей вѣнецъ на головѣ, что она упала въ обморокъ.» Котошихинъ разсказываетъ объ этомъ сватовствѣ слѣдующее: «И свѣдавъ Царь у нѣкоторого своего ближнего человѣка дочь, дѣвицу добру, ростомъ и красотою и разумомъ исполнену, велѣлъ взять къ себѣ на дворъ, и отдати въ береженіе къ сестрамъ своимъ царевнамъ, и честь надъ нею велѣлъ держати яко и надъ сестрами своими царевнами, доколѣ сбудется веселіе и радость... но упоиша ее отравами.» Родители царской невѣсты, не смотря на клятвы, что дочь ихъ всегда пользовалась лучшимъ здоровьемъ, подверглись опалѣ. Рафъ Всеволожскій отправленъ воеводою въ Тюмень, гдѣ чрезъ 6 лѣтъ скончался. Жену его съ дочерью и сыномъ возвратили, послѣ его смерти, въ принадлежащую имъ деревню Касимовскаго уѣзда, запретивъ выѣзжать оттула. У дѣвицы Всеволожской «было послѣ того (гов. Коллинсъ) много жениховъ изъ высшаго сословія, но она всѣмъ отказываетъ, а бережетъ платокъ и кольцо» (врученные ей царемъ).

2. Котоших. стр. 5: «Случилося ему быти въ церкви, гдѣ коронованъ, и узрѣ нѣкоторого Московского дворянина, Ильи Милославскаго двѣ дочери въ церквѣ стоятъ на молитвѣ... возлюбилъ едину меньшую и нарекъ царевною, и въ соблюденіе предаде ея сестрамъ своимъ, и поставилъ къ ней для обереганія женъ вѣрныхъ и богобоязливыхъ.»

3. Бракъ этотъ, заключенный по разсчетамъ честолюбія, не былъ счастливъ. Коллинсъ, стр. 32: »Анна была имъ несовсѣмъ довольна, потому

временными мѣрами финансовыми, вывели изъ терпѣнія народъ.[1]

Уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, на соборѣ, созванномъ для рѣшенія вопроса, должно ли удержать за Россіею взятый казаками Азовъ или возвратить его Туркамъ, обнаружились, въ отвѣтахъ выборныхъ отъ сословій, жалобы на увеличеніе налоговъ, тяжкія повинности, притѣсненія воеводъ, общее оскудѣніе и нищету[2]. Съ тѣхъ поръ не было принято никакихъ мѣръ для отвращенія подобныхъ жалобъ. Напротивъ того, нѣкоторые налоги увеличены: такъ установленъ новый сборъ съ соли; введены разныя стѣснительныя мѣры по торговлѣ; многіе предметы, необходимые для общежитія, отданы на откупъ.[3] Народъ роптал, жаловался на лихоимство судей, достигшее высшей степени; приписывалъ всѣ бѣдствія родственнику царскому, съ которымъ за-одно дѣйствовалъ тесть его И. Д. Милославскій, человѣкъ ума ограниченнаго, между тѣмъ возгордившійся своимъ возвышеніемъ, алчный къ обогащенію.[4] Особенно увеличивали число недовольныхъ окольничій Плещеевъ и зять его Траханіотовъ. Первый изъ нихъ, начальствуя въ Земскомъ приказѣ, разорялъ правыхъ и виноватыхъ; второй, въ Пушкарскомъ приказѣ, по цѣлымъ мѣсяцамъ не удовлетворялъ мастеровыхъ людей заслуженнымъ жалованьемъ; выдавая половину, заставлялъ расписываться въ полученіи сполна, обращался съ ними же-

---

что онъ былъ старый вдовецъ, а она здоровая, молодая смуглянка; и вмѣсто дѣтей у нихъ родилась ревность, которая произвела кожаную плеть въ палецъ толщины. Это въ Россіи случается между вельможными супругами, когда ихъ любовь безразсудна.»

1. Олеарій, стр. 129 и т. д.

2. Собр. г. гр. III, № 113.

3. См. Олеарія, стр. 129. О новой пошлинѣ на соль (по двѣ гривны на пудъ) акты Арх. эксп. IV, № 5. Введены желѣзные клейменные аршины съ платежемъ за нихъ въ 5 разъ выше настоящей цѣнности.

4. Олеарій гов. о немъ: »Милославскій, выдавъ дочерей своихъ за Царя и Морозова, сталъ очень высокомѣренъ и ненасытенъ къ подаркамъ. Его происками были отставлены многіе чиновники, и мѣста ихъ замѣщены его

стоко.[1] Много челобитныхъ было подано; но онѣ не доходили до Государя. Не видя обороны, народъ окружилъ наконецъ (25 Мая, 1648 г.)[2] Царя на площади въ то время, когда онъ, по возвращеніи изъ Троицкаго монастыря, ѣхалъ во дворецъ; съ покорностію умолялъ защитить отъ судей неправедныхъ, смѣнить ненавистныхъ сановниковъ людьми честными, добросовѣстными. Алексѣй Михайловичъ милостиво обѣщалъ изслѣдовать дѣло и наказать виновныхъ; граждане съ радостными кликами провожали его до Кремлевскихъ воротъ. Но едва уѣхалъ Царь, какъ приверженцы обвиняемыхъ вельможъ бросились на челобитчиковъ, начали укорять, бить народъ. Вспыхнулъ мятежъ. Чернь озлобилась; устремилась на нихъ съ каменьями, принудила искать убѣжища въ Кремлѣ. Она вломилась и туда: разграбила домы Морозова и его приверженцевъ. Въ первомъ ничего не было пощажено: богатые ковры Персидскіе, парчи, бархаты, соболи изорваны на части; мѣшки съ деньгами высыпаны на полъ, посуда выброшена изъ оконъ на улицу; жемчугъ выносили въ шляпахъ и продавали за ничто; погребъ боярскій обращенъ въ колодезь.[3] На другой день вспыхнулъ пожаръ, отъ котораго сгорѣлъ почти весь Бѣлый городъ; но и это несчастіе не остановило неистовства черни. Наканунѣ растерзала она Плещеева, назначеннаго на казнь, и умертвила думнаго дьяка Чистова, преданнаго собственными слугами; теперь требовала выдачи Траханіотова и самаго Морозова.[4] Тщетно первый ду-

---

родственниками, которые кинулись, какъ голодные волки, на просителей». Объ ограниченности ума Милославскаго см. Мейерберга, стр. 297 (во Фр. п.).

1. Олеарій, стр. 129.

2. Относительно числа см. Арцыб. VI, прим. 577. По нѣкот. извѣстіямъ мятежъ былъ 2 Іюня.

3. Подробное описаніе въ соч. Карамзина: Московскій мятежъ въ царств. Ал. Мих. Но оно заимствовано изъ Олеарія. Нѣсколько подробностей также въ Доп. III, № 66: «Распросныя рѣчи гостя Ивана Стоянова.»

4. По показанію Дворц. Разрядовъ (III, стр. 93) Плещеевъ и Чистовъ убиты 25 Мая; на другой день «учали всею землею просить у Госу-

малъ спастись бѣгствомъ: его настигли у Троицкаго монастыря и казнили. Морозова успѣли скрыть: «для смутнаго времени отправился онъ (какъ сказано въ царской грамотѣ [1]) помолиться къ чудотворцу Кириллу. Власти Кириллова Бѣлозерскаго монастыря получили особое порученіе оберегать Бориса Ивановича отъ *всякова дурна* подъ опасеніемъ великой опалы. [2] Только, по минованіи опасности, переѣхалъ онъ въ Тверскую отчину свою. Между тѣмъ мало-по-малу успокоили и жителей столицы ласками, обѣщаніями. Упразднившіяся мѣста были заняты достойными и любимыми сановниками. [3] Наконецъ самъ Царь, объявивъ народу, что желаетъ говорить съ нимъ, въ праздничный день, выѣхалъ на лобное мѣсто. Въ сильной и трогательной рѣчи выразилъ онъ сожалѣніе о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ гражданами отъ злыхъ чиновниковъ; обѣщалъ быть ихъ защитникомъ, охранять отъ всякихъ притѣсненій. Особенно тяготила Алексѣя Михайловича забота о судьбѣ нѣжно-любимаго воспитателя. Давъ обѣщаніе наказать Морозова, если найдетъ достойнымъ этого, онъ рѣшился напомнить о немъ; объявилъ, что не признаетъ его ни совершенно правымъ, ни во всемъ виновнымъ, и, не требовавъ до сихъ поръ

даря убить окольничаго Петра Траханіотова»—и онъ казненъ на площади. (О требованіи выдачи Морозова въ нихъ не упоминается).

1. Доп. къ акт. ист. III, № 45.

2. Къ грамотѣ на имя игумена Аѳанасія, старца Ѳеоктиста и келаря Савватія (Акты Арх. Э. IV, № 29) добрый Царь собственноручно прибавилъ: «а естли убережете ево такъ какъ і мнѣ добра ему здѣлаете, і васъ пожялую такъ, чево от зачяла свѣта такой милости не видали; а грамотку сию покажите ему приятелю моему». Въ другомъ посланіи къ тѣмъ же властямъ (Доп. III, 45): «Какъ ся грамота придетъ, і вы известите приятелю моему і вмѣсто отца моево родново боярину Борису Ивановичю Морозову, что время ему, воспитателю моему, ѣхать в деревню в Тверскую ево, і сю грамоту ему покажите, і вѣрьте ей, а вверху приписалъ я государь царь своею рукою у сей грамоты; а какъ приѣдетъ ко мнѣ Борисъ Івановичь, і что скажетъ про васъ, по тому і милость моя к вамъ будетъ.»—Въ томъ же году Кирилловскій монастырь возведенъ на степень Архимандріи; настоятелямъ дано право священнодѣйствовать съ рипидами и свѣщнымъ осѣненіемъ.

3. Олеарій, стр. 122.

отъ граждань никакой жертвы, надѣется, что они исполнять первую его просьбу, забудутъ проступки боярина, который былъ ему вторымъ отцемъ и наставникомъ, который будетъ стараться заслужить и ихъ любовь. Слезы блистали на глазахъ юнаго Алексія. Народъ упалъ на колѣна, цѣловалъ одежду, ноги его, и единогласно восклицалъ: «Да будетъ, что угодно Богу и тебѣ, Государю! мы всѣ дѣти твои.» Столица успокоилась. Чрезъ нѣсколько времени возвратился въ нее и Морозовъ. Онъ съ тѣхъ поръ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлался благотворителемъ народа, защитникомъ утѣсненныхъ и, по свидѣтельству современниковъ, вмѣсто прежней ненависти, заслужилъ общую любовь. [1] Но волненіе, прекратившееся въ Москвѣ, отозвалось въ другихъ городахъ, гдѣ также народъ жаловался на злоупотребленія. Особенно сильно было оно въ Новгородѣ и Псковѣ.

Главнымъ виновникомъ мятежа въ Новгородѣ былъ посадскій человѣкъ, прозвищемъ Волкъ. Взявъ съ обманутыхъ имъ Нѣмецкихъ купцевъ условленную награду [2], онъ объявилъ имъ, что народъ намѣренъ ограбить и перебить ихъ, какъ сообщниковъ Морозова [3], и совѣтовалъ

---

1. Коллинсъ, стр. 32. Онъ упоминаетъ также, будто царь далъ клятву, что Морозовъ никогда не возвратится ко Двору; по впослѣдствіи тайными происками заставили народъ просить о его возвращеніи, и безъ затрудненія, исполнили заказанную просьбу.—По возвращеніи, Морозовъ продолжалъ участвовать въ важнѣйшихъ дѣлахъ; и Алексѣй Михайловичъ, до самой кончины его (1662 г.), пользовался совѣтами мужа, умудреннаго долговременною опытностью (Мейербергъ, стр. 296). Замѣчательнымъ памятникомъ огромнаго богатства этого боярина осталось паникадило чудной работы, пожертвованное имъ въ Успенскій соборъ, и, къ несчастію, похищенное непріятелемъ въ 1812 г. Въ немъ было болѣе ста пудъ чистаго серебра; на позолоту употреблено 2000 золотыхъ, столько же заплачено за работу. (Берхъ II. стр. 181.)

2. Житіе Св. Патр. Никона, соч. клирика Шушерина, 26 «что ми хощете дати и азъ повѣмъ всемъ тайное надъ вами Новогородцевъ дѣло, и нынѣ умышленное. Егда же они желаніе его златыми и ефимками удовольствоваше, и тогда имъ оный лжею повѣда» и т. д.

3. Берхъ (I, стр. 52), ссылаясь на свидѣтельство иностранныхъ писателей, полагаетъ, что поводъ къ безпорядкамъ въ Новгородѣ подали Нѣ-

поспѣшнѣе удалиться. Едва пустились они въ путь, какъ тотъ же Волкъ взволновалъ чернь, уговорилъ ее догнать иноземцевъ, ограбить и ввергнуть ихъ въ темницы. Напрасно воевода князь Ѳ. А. Хилковъ выслалъ дьяковъ и головъ стрѣлецкихъ уговаривать мятежниковъ: они едва не подверглись смерти. Чернь, съ которою соединились стрѣльцы и казаки, бросилась въ крѣпость ко двору воеводы. Послѣдній поспѣшилъ укрыться въ домѣ митрополита Никона; яростныя толпы послѣдовали за нимъ съ каменьями и дубинами. Вышелъ къ мятежникамъ неустрашимый святитель, и сталъ увѣщевать ихъ. Но удары посыпались на него: онъ палъ и, почти бездыханный, былъ унесенъ въ домъ. Мятежники, какъ бы ужаснувшись своего дѣла, на-время удалились. Между тѣмъ Никонъ, едва пришедъ въ чувство, собралъ духовенство; исповѣдался, отслужилъ литургію; и изнемогая отъ боли, поѣхалъ къ Земской и Таможенной избамъ, чтобъ снова обличать и увѣщевать собравшіяся тамъ толпы. Пораженныя сильными словами его, онѣ разошлись. Никонъ, прибывъ въ соборный храмъ, предалъ анаѳемѣ главныхъ зачинщиковъ мятежа. Не зная въ страхѣ, на что рѣшиться, они то думали отдаться подъ покровительство Швеціи, то старались прикрыть свою вину; въ общей челобитной гражданъ къ Царю написали, будто поступили такъ « Государю и ко всему Московскому государству радѣніемъ » [1]. Въ то же время избрали себѣ воеводою митрополичьяго дворецкаго Ивана Жеглова, находившагося за вину въ оковахъ, и старались пресѣчь сообщеніе съ Москвою. Но Царь уже получилъ донесеніе чрезъ нарочнаго, посланнаго Никономъ окольными путями. Восхваляя Святителя, какъ « новаго страстотерпца и мученика », за его подвиги, поручилъ ему

мецкіе купцы: недовольные новыми законами о таможенныхъ пошлинахъ, они заперли свои лавки.

1. Житіе Никона, 33.

окончаніе дѣла; особою грамотою предписывалъ гражданамъ выдать своему пастырю головою главныхъ зачинщиковъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, неминуемою казнію. Раскаяніе давно овладѣло всѣми: поученія Никова сильно подѣйствовали [1]. Онъ искренне простилъ заблудшихся; снялъ съ нихъ анаѳему; исходатайствовалъ прощеніе тѣмъ, которые едва не убили его самаго. Казненъ былъ только главный зачинщикъ Волкъ, да Жегловъ съ 10 товарищами наказанъ кнутомъ и ссылкою въ Сибирь.

Поводомъ къ мятежу во Псковѣ, начавшемуся еще прежде Новгородскаго, послужило обязательство Московскаго правительства заплатить хлѣбомъ остальную часть суммы, слѣдовавшей Швеціи, по особой договорной записи [2], за ея подданныхъ, переселившихся въ Россію [3]. Покупка хлѣба была поручена гостю Ѳедору Емельянову. «Въ нынѣшнемъ во 158 году учинился во Псковѣ межъ народа всѣхъ православныхъ христіянъ мятежъ отъ воровъ, отъ немногихъ людей, за хлѣбъ и за денги, что по государеву указу велѣно дати Свѣйской королевѣ изъ государевыхъ житницъ, въ цѣну 10,000 чети ржи, по той цѣнѣ, почему въ то время во Псковѣ хлѣбъ купити учнутъ, да за хлѣбную покупку, что по государеву указу велѣно гостю Ѳедору Омельянову хлѣба купити 2000 чети, для того, чтобъ цѣны приподнять, чтобъ Нѣмцамъ по дорогой цѣнѣ продать» [4]. Можетъ быть, Емельяновъ воспользовался возвышеніемъ цѣны для собственныхъ выгодъ. Подозрѣвали и

1. Жит. Ник. стр. 33: «Много ихъ поучивъ отъ Св. Писанія... часа на три и вяще. Ни единъ не могъ тогда удержатися отъ слезъ.»

2. П. С. Зак. I, N 19. — Доп. къ актамъ ист. IV, N 32. Россія обязалась уплатить за Шведскихъ подданныхъ, перешедшихъ къ намъ послѣ Столбовскаго мира, 190,000 рублей, изъ которыхъ 150 т. уплачены деньгами, за остальные 40 т. надлежало поставить хлѣбъ. Срокъ поставкѣ наступилъ весною 1650 года.

3. Перебѣжчики эти были Православнаго вѣроисповѣданія или приняли его.

4. Доп. къ акт. ист. III, № 74: акты, относящіеся къ Псковскому бунту.

Морозова въ участіи. Чернь Псковская возмутилась. Домъ Емельянова былъ разграбленъ; окольничій Н. С. Собакинъ, думавшій употребить силу, заключенъ въ темницу; дворяне принуждены клятвенно обязаться держать сторону народа. Шведскаго подданнаго Нумменса, ѣхавшаго, по государеву указу, изъ Москвы съ денежною казною, задержали и ограбили, « мучили и учинили надъ нимъ *не по-крестьянски* » [1]. Не обошлось и безъ убійствъ: многіе изъ нелюбимыхъ чиновниковъ лишились жизни. Окольничій князь Волконскій, присланный Царемъ для изслѣдованія дѣла, подвергся насиліямъ и посаженъ въ тюрьму (1650 г.) [2]. Царская увѣщательная грамота, отправленная съ дворяниномъ Андреемъ Сонинымъ, также не произвела дѣйствія. Только по усмиреніи Новгорода, явился князь И. Н. Хованскій съ значительными силами передъ Псковомъ. Вслѣдъ за тѣмъ отправлены Коломенскій епископъ Рафаилъ и Андроньевскій архимандритъ Сильвестръ съ выборными всякихъ чиновъ людьми и новыми увѣщательными грамотами отъ царя и патріарха. Послѣ кратковременнаго сопротивленія [3], мятежники должны были покориться. « Псковичи Государю добили челомъ, вину принесли, воровъ и заводчиковъ отдали » [4]. Главные зачинщики частію наказаны смертію, частію сосланы; остальнымъ, согласно обѣщанію Царя и патріарха, « вины ихъ отданы ».

Постигнувъ истинныя причины бѣдствій и волненій народа, Алексѣй Михайловичъ взялъ въ собственныя руки бразды правленія, самъ сталъ вникать въ нужды своихъ подданныхъ. Повторялись, правда, и впослѣдствіи подоб-

---

1. Доп. III, N 74.
2. Дворц. Разр. III, стр. 164.
3. Доп. III, N 74: « Псковичи, забывъ крестное цѣлованье, изъ города по нихъ бояринѣ, воеводахъ и по ратныхъ людѣхъ изъ пушекъ и изъ пищалей стрѣляли и ратныхъ людей многихъ побили, и изъ города выходили, и кровь Христіянскую проливали, и коши поимали и во Псковской, и въ пригородцкіе уѣзды, и въ засады воровъ посылали » и т. д.
4. Дворц. разр. стр. 181.

ныя неустройства — и опять причины заключались въ недальновидности, еще болѣе въ корыстолюбіи нѣкоторыхъ вельможъ. Но временныя замѣшательства и бѣдствія народныя исчезаютъ предъ цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ учрежденій внутреннихъ и блестящихъ дѣлъ внѣшнихъ, совершенныхъ въ это многозначительное царствованіе.

ГЛАВА III.

ПОДДАНСТВО МАЛОРОССІИ.

Если стремленіе къ возвращенію древняго достоянія нашего на Западѣ всегда находилось на первомъ планѣ между предметами внѣшней политики Государей Московскихъ, то при Алексѣѣ Михайловичѣ оно должно было получить особое значеніе. Самое принятіе титула: « и иныхъ многихъ государствъ и земель Восточныхъ и *Западныхъ* и *Сѣверныхъ* Отчичъ и Дѣдичъ и Наслѣдникъ»[1], такъ встревожившее Швецію[2], громко высказало предъ цѣлымъ свѣтомъ, что Государь и Самодержецъ всея Руси никогда прямо не отказывался отъ земель, которыя когда либо были заняты Русскими. Право давности господства въ нихъ чужеземцевъ не могло служить препятствіемъ: она рѣдко восходила

1. Акты ист. IV, N, 83, 91, 100 и т. д.

2. Pufendorfi de rebus Caroli Gustavi gestis. L. I, § 11: « appendix recens istius (Czaris) titulo adjuta de multis regionibus Septentrionem et Occasum versus altius penetrare, ipsius Sueciae praejudicio fore videbatur, cujus provinciae Moscis ad Occasum objacent. Jussus est Joannes Rhodius à Moscis sciscitari, quid per istud tituli augmentum intelligatur. »

за нѣсколько вѣковъ, между тѣмъ какъ Цари Московскіе помнили свою старину, которая шла гораздо далѣе въ глубь исторіи. Отношенія обитателей Югозападной Россіи къ Польскому правительству подвинули впередъ вопросъ вѣковой, запутанный подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ; ускорили развязку. Царствованіе Алексѣя Михайловича представляетъ важнѣйшую эпоху въ этомъ отношеніи: при немъ послѣдовало присоединеніе Малороссіи.

Еще въ предшествовавшее царствованіе, вскорѣ послѣ смерти знаменитаго защитника вѣры и правъ своей родины, Петра Конашевича Сагайдачнаго, умѣвшаго внушить Польскому правительству и страхъ, и уваженіе къ себѣ, Православный митрополитъ Кіевскій Іовъ Борецкій, не видя инаго благотишнѣйшаго пристанища для своей паствы, присылалъ (1625 г.) къ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и Патріарху Филарету Никитичу съ просьбою о принятіи Малороссіи и Запорожскихъ казаковъ подъ ихъ государскую руку. « У Малороссіянъ одна только дума », говорилъ пріѣхавшій отъ него Луцкій епископъ Исаакій: « какъ бы поступить подъ государскую руку. Они боятся Поляковъ, еще болѣе отказа царскаго; имъ, кромѣ Государя, нѣкуда дѣваться » [1]. Но Михаилъ не могъ согласиться на выполненіе просьбы, которое вовлекло бы Московское государство въ опасную тогда борьбу съ Польшею. Онъ только обнадежилъ своихъ единовѣрцевъ въ покровительствѣ; обѣщалъ, въ случаѣ новаго утѣсненія Православія, вступиться за нихъ. Съ такою же осторожностію дѣйствовалъ преемникъ его, когда Хмельницкій, еще до Зборовскаго договора, умолялъ его о принятіи Малороссіи въ свое подданство. Онъ соглашался исполнить его просьбу только тогда, когда самъ король признаетъ казаковъ независимыми; предлагалъ имъ, въ случаѣ нестерпимыхъ насилій, переселиться въ Московское государство, обѣщая

---

1. **Бантышъ-Каменскаго:** история Малой Россіи, стр. 199.

дать обширныя земли; въ то же время старался примирить своихъ единовѣрцевъ съ Польскимъ правительствомъ. Но устроить дѣло мирнымъ путемъ было невозможно.

Послѣ несчастнаго сраженія подъ Берестечкомъ, Хмельницкій обратился съ новыми, усиленными просьбами, « чтобъ Царское Величество пожаловалъ, держалъ его съ казаками въ своемъ милостивомъ жалованьи »[1]. Посолъ его говорилъ: « Богданъ надѣется на Государеву милость; а будетъ Государь его и не пожалуетъ, принять не велитъ, и онъ въ томъ учнетъ свидѣтельствоваться Богомъ, что онъ о томъ у него Государя милости просилъ много, и онъ Государь его не пожаловалъ »[2]. Надлежало опасаться, что, въ случаѣ отказа, казаки, доведенные до крайности, поддадутся султану. Чтобъ предупредить столь горестное для Христіанства событіе, Православному Царю Восточному « доводилось ихъ принять подъ свою высокую руку »; доводилось тѣмъ болѣе, что Малороссіяне были люди вольные, (по сознанію Московскаго правительства[3]) свободные отъ королевскаго подданства вслѣдствіе нарушенія королемъ данной имъ присяги. Клятвенно обязывался онъ никого не тѣснить за вѣру и, въ случаѣ невыполненія, чинилъ подданныхъ своихъ свободными отъ вѣрности и послушанія. — Не смотря на все это, Алексѣй Михайловичъ рѣшился еще разъ испытать посредничество, чтобъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, покончить дѣло о несогласіяхъ, возникшихъ съ Польшею по случаю невыполненія сеймомъ другихъ справедливыхъ требованій Московскаго Двора.

1. Арцыб. VI, пр. 626.
2. П. Собр. Зак. № 104.
3. П. С. З. стр. 290: « Да и потому доведется ихъ принять, въ присягѣ Яна Казиміра короля написано: что ему въ Вѣрѣ Христіанской остерегати и защищати, и ни какими мѣрами для вѣры самому не тѣснити и никого на то не попущати; а будетъ онъ той своей присяги не сдержитъ, онъ подданныхъ своихъ отъ всякія вѣрности и послушанья чинитъ свободными. И онъ Янъ Казимиръ той своей присяги не сдержалъ... и они стали нынѣ присягою королевскою вольные люди.»

Секретари королевскіе и воеводы порубежныхъ городовъ писали царскій титулъ не по вѣчному докончанью, но съ многими измѣненіями, а иные даже « съ великимъ безчестьемъ и укоризною ». Появились въ Польшѣ книги, предосудительныя для Царя и Московскаго государства; и въ нихъ « напечатаны злыя безчестья, и укоризны, и хулы, чего не токмо Великимъ Государямъ Христіанскимъ, Помазанникамъ Божіимъ, и простому человѣку слышати и терпѣти невозможно и помыслити страшно »[1]. Для истребованія удовлетворенія были отправлены послы, бояринъ Григорій Гавриловичъ Пушкинъ, окольничій Степанъ Гавриловичъ Пушкинъ и дьякъ Гаврила Леонтьевъ. Трактатомъ 1650 года, заключеннымъ ими, постановлено о наказаніи даже смертію пишущихъ неправильно царскій титулъ и объ истребленіи предосудительныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждена недѣйствительность записи Жолкевскаго, на основаніи которой Владиславъ величалъ себя избраннымъ В. Княземъ Московскимъ; и Польша обязалась выдать укрывавшагося въ ней самозванца Анкудинова[2]. Но когда, въ 1651 году, прибыли посланники Аѳанасій Прончищевъ и дьякъ Алмазъ Ивановъ, чтобъ, согласно заключенному условію, находиться при выполненіи договора, кривоприсяжцы-паны отказались доставить полное удовлетвореніе[3]. Послѣдовалъ, правда, на требованіе Московскаго правительства особый декретъ короля о наказаніи оскорбителей Царской особы. Онъ былъ (1652 г.) привезенъ въ Москву королевскими посланниками Альбрехтомъ Пецлавскимъ и Христофомъ Униховскимъ: однако также не соотвѣтствовалъ вѣчному докончанью, и « за такими явными неправдами » не былъ принятъ[4]. Ме-

1. П. С. Зак. стр. 285.
2. Тамъ же, № 40.
3. Тамъ же, стр. 286; также Мейербергъ, стр. 14.
4. Тамъ же и Дв. Разр. стр. 319; Мейербергъ, стр. 13. Но Мейербергъ думалъ, что жалобы на ошибки въ титулѣ служили только предло-

жду тѣмъ возникъ важнѣйшій вопросъ: надлежало рѣшить судьбу Малороссіи. Спокойствію единовѣрной страны думалъ Алексѣй Михайловичъ пожертвовать личными неудовольствіями. Въ 1653 году отправилъ онъ къ Яну-Казимиру великихъ и полномочныхъ пословъ, князя Б. А. Репнина-Оболенскаго, Б. М. Хитрово и дьяка Алмаза Иванова, съ объявленіемъ готовности прекратить дѣло объ оскорбленіяхъ, въ которыхъ не получилъ удовлетворенія, если Польское правительство дастъ миръ Православной Церкви въ Малороссіи и, относительно положенія казаковъ, исполнитъ статьи Зборовскаго договора. Получивъ неудовлетворительный отвѣтъ [1], онъ созвалъ въ Грановитую

гомъ для Московскаго правительства, чтобъ воспользоваться разстроеннымъ состояніемъ Польши. (Во Фр. пер: «cette demande ne se fêsoit par les Moscovites qu'afin d'avoir sujet de rompre la paix dans le temps du mauvais état des affaires de la République...»). Онъ не понималъ, что неточность, измѣненіе даже въ одной буквѣ титула могли казаться важнымъ дѣломъ. Титулъ Царя былъ для Россіи выраженіемъ ея государственнаго достоинства: потому она такъ дорожила имъ. «Не только намъ ѣсть, но и на свѣтъ зрѣть не можемъ, Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, въ самомъ великомъ Его государскомъ дѣлѣ видя страшное нарушеніе», говорилъ нашъ посланникъ Потемкинъ въ 1667 году, когда Французскій Дворъ отказывался прописать въ королевской грамотѣ «великія и высокія титлы» Его Царскаго Величества; до тѣхъ поръ не принималъ ея, пока титулъ не былъ написанъ сполна, «какъ царь самъ себя описуетъ». М. Н. Капустина: «Диплом. сношенія Россіи съ Зап. Европою во 2-й пол. XVII в.» стр. 81.

У Пуфендорфа (Commentarii de rebus Suecicis L. XXVI, 98) также находимъ показаніе о несогласіяхъ, возникшихъ м. Моск. и Варш. Дворами, б. ч. извлеченное изъ грамоты перваго къ королевѣ Христинѣ: «Summa querelarum super titulo erat, secus quam pactis cautum fuerat a Polonis sibi tributo. Extare ultra quadringentas epistolas praefectorum Polonicorum ad praefectos limitaneos Russicos, quae vitiose istum titulum exprimant. In quibusdam Czaris patrem Michaelem Filaretowicium, in quibusdam inverso ordine Fedorem Michaelovicium dici. Alicubi loco Samodersetz poni Dersáwetz, quod praefectum notat».

1. П. С. Зак. стр. 289: «И Паны Рада ни на какую мѣру не сошли и сходства не показали, и исправленья ни въ чемъ не учинили, и во всемъ отказали, и тѣхъ Государевыхъ великихъ пословъ отпустили безъ дѣла».— Также Мейербергъ, стр. 16.

палату Соборъ изъ духовенства, бояръ, думныхъ и выборныхъ всякихъ чиновъ людей. На разсмотрѣніе его поступили отношенія къ Польскому правительству и предложеніе Малороссійскаго гетмана. Всѣ присутствовавшіе единогласно рѣшили и просили Государя «за честь Свою стоять и противъ Польскаго короля войну вести, а гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско Запорожское съ городами ихъ и съ землями принять подъ Свою Государскую Высокую руку для Православныя Христіанскія вѣры и Святыхъ Божіихъ церквей» [1].

Такимъ образомъ единовѣріе, желаніе избавить Православіе отъ гоненій были истинною причиною присоединенія Малороссіи къ Московскому государству. На эту причину постоянно указывается съ обѣихъ сторонъ. Въ переговорахъ съ Московскимъ правительствомъ Хмельницкій писалъ о необходимости соединенія «съ единовѣрцами и однородцами, послѣднимъ остаткомъ свободнаго въ Греческой Церкви благочестія и древняго Апостолическаго православія, угнетеннаго и искаженнаго во всемъ мірѣ magoметанствомъ и папежствомъ, невѣрными и недовѣрками» [2]. Московское правительство, съ своей стороны, неоднократно повторяло, что Государь принялъ Малую Россію подъ свою руку «для избавленія отъ Ляцкаго гоненія Православныхъ людей, не хотя того слышати, что единовѣрнымъ Православнымъ Христіаномъ въ разореньѣ отъ латиновъ и отъ папежникъ быти» [3].

Согласно приговору собора, Алексѣй Михайловичъ отправилъ ближняго стольника Р. М. Стрѣшнева и дьяка Бредихина съ милостивымъ словомъ къ гетману и всему войску Запорожскому. Обрадованный вождь угнетеннаго народа

---

1. Постановленіе Собора въ П. Собр. Зак. I, стр. 284. Также Дворц. Разр. III, стр. 370.
2. Маркевича: исторія Малороссіи I, стр. 329 и 333. — Исторія Руссовъ, стр. 116.
3. Сибирскій Сборникъ, гр. 12. (стр. 39) и гр. 19.

за царское жалованье « до лица земли низко челомъ билъ.» Вслѣдъ за тѣмъ прибыли въ Переяславль великіе послы: ближній бояринъ и намѣстникъ Тверской В. В. Бутурлинъ, окольничій и намѣстникъ Муромскій И. В. Алферьевъ и думный дьякъ Лар. Дм. Лопухинъ, съ многими стольниками, стряпчими и дворянами. Они торжественно объявили, что « Великій Государь, Его Царское Величество, гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско Запорожское, съ городами и землями, отъ королевскаго подданства преступленіемъ присяги его свободнымъ, подъ Свою Высокую руку приняти велѣлъ и будетъ держать ихъ въ Своей милости и отъ недруговъ въ оборонѣ и защищеньи» [1]. Въ назначенный день раздался барабанный бой. Всѣ спѣшили къ соборному храму. Хмельницкій, послѣ тайной рады, которую имѣлъ съ полковниками своими, вышелъ подъ бунчукомъ, окруженный войсковыми старшинами, и сталъ на приготовленномъ для него мѣстѣ. Обратясь къ собравшемуся народу, изобразилъ бѣдствія, претерпѣнныя Малороссіею; необходимость искать Государя и защитника, искать его не въ царяхъ бусурманскихъ, Турскомъ или Крымскомъ, но въ «Православномъ Христіанскомъ Великомъ Царѣ Восточномъ, который есть съ ними единаго благочестія Греческаго закона, единаго исповѣданія». Онъ заключилъ словами: «Кромѣ его Царскія высокія руки благотишнѣйшаго пристанища не обрящемъ; а буде кто съ нами не согласуетъ теперь, куды хоцетъ, вольная дорога» [2]. Раздались общія восклицанія: «Волимъ подъ Царя

1. Полн. собр. зак. стр. 306.

2. Тамъ же: «Шесть лѣтъ живемъ безъ Пана въ нашей землѣ, въ безпрестанныхъ бранѣхъ и кровопролитіи съ гонители и враги нашими, хотящими искоренити Церковь Божію, дабы и имя Русское не помянулось въ землѣ нашей... видимъ, что нельзя намъ жити болѣе безъ Царя; Православнаго Великія Руссіи Царя Восточнаго себѣ за Царя и Пана просимъ .. и онъ, сжалившися надъ нестерпимымъ озлобленіемъ Православныя Церкве въ нашей Малой Руссіи шестьлѣтнихъ нашихъ моленій безпрестанныхъ не презрѣвши, своихъ великихъ ближнихъ людей къ намъ съ царскою милостію своею прислати изволилъ».

Восточнаго Православнаго крѣпкою рукою, въ нашей благочестивой вѣрѣ умирати, нежели ненавистнику Христову, поганину достатись». Увѣрившись въ согласіи всѣхъ, гетманъ произнесъ: «Буди тако, да Господь Богъ насъ укрѣпитъ подъ его царскою крѣпкою рукою». Народъ единогласно отвѣчалъ: «Боже утверди, Боже укрѣпи, чтобъ есми во вѣки вся едино были!»

Передъ обрядомъ приведенія къ присягѣ гетманъ и старшины войсковые потребовали было отъ пословъ, «чтобъ они присягнули напередъ за Царя въ томъ, что Его Величество не выдастъ ихъ Польскому королю, не нарушитъ ихъ вольностей и даруетъ имъ на ихъ маетности свои грамоты». Но послѣдніе рѣшительно объявили: «что гетману и говорить о томъ не пристойно; что одни только подданные присягаютъ Государю, а за Государя неприлично присягать подданнымъ.»[1] Обстоятельство важное: поддерживая достоинство своего Монарха, послы, благоразумною твердостію, избавили преемниковъ его отъ нарушенія клятвы при неизбѣжномъ стремленіи уничтожить особный бытъ Малороссіи, какъ несообразный съ высшими интересами государственными [2].

Января 8, 1654 года совершился обрядъ торжественнаго возсоединенія Малой Россіи съ Великою. Хмельницкій и старшины казацкіе приняли присягу по чиновной книгѣ, присланной изъ Москвы, обязываясь быть въ вѣчномъ подданствѣ Государя и его наслѣдниковъ. Затѣмъ послѣдовало утвержденіе гетмана въ его достоинствѣ; старшій посолъ вручилъ ему Государево жалованье: Царское

---

1. Бантышъ — Каменскаго: ист. Мал. Росс. I, стр. 353.

2. Въ Москвѣ вполнѣ оцѣнили заслуги пословъ. При возвращеніи ихъ высланъ имъ на встрѣчу стольникъ Головинъ «съ Государевымъ жалованьемъ, милостивымъ словомъ и о здоровьѣ спрашивать» (Дв. Р. III, стр. 399). Бутурлинъ получилъ санъ Дворецкаго съ *путемъ*, шубу изъ золотаго бархата, кубокъ, четыре сорока соболей и придачу къ прежнему окладу; Алферьевъ шубу изъ золотаго атласа, кубокъ, два сорока соболей, прибавку къ прежнему окладу; Лопухинъ шубу изъ золотнаго атласа, кубокъ, два сорока соболей, придачу къ прежнему окладу.

знамя, гетманскую булаву, одежду и шапку [1]. Наконецъ присягнули остальные чины, казаки и всѣ жители Переяславля. Отправивъ находившихся при посольствѣ стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ по городамъ и мѣстечкамъ Малороссійскимъ для приведенія къ присягѣ всего народа, сами послы поѣхали въ Кіевъ, и были торжественно встрѣчены духовенствомъ этой древней столицы Россіи. Хотя митрополитъ Сильвестръ Косовъ, изъ опасенія подвергнуться мести Польскаго правительства, можетъ быть руководимый и другими личными интересами, не способствовалъ дѣлу соединенія, навлекъ на себя даже подозрѣніе въ сильномъ недоброжелательствѣ: однако и онъ долженъ былъ уступить общему стремленію. Кіевъ на-вѣки соединился въ одну Державу съ Москвою [2]. Всѣ полки Малороссійскіе на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, числомъ 17, принесли безусловно присягу быть въ вѣчномъ подданствѣ у Государя Московскаго [3]. Алексѣй Михайловичъ, милостивою жалованною грамотою, подтвердилъ права и льготы ихъ; предоставилъ право избирать свободно, съ донесеніемъ только Царскому Величеству, гетмана и другихъ начальниковъ, имѣть свой судъ и расправу; опредѣлилъ число списковыхъ казаковъ до 60,000 [4]. За Кіевомъ и другими городами также подтверждены льготы и

1. «Обрядъ утвержденія гетмана Хмельницкаго въ его достоинствѣ», П. Собр. Зак. I стр. 308.

2. Хмельницкій впослѣдствіи старался оправдать Сильвестра отъ нареканій, будто онъ «православія святого Россійского соединеніе портилъ и Великому Государю спротивлялся». Грамота его къ Патр. Никону въ Акт. отн. къ и. Зап. Росс. V, № 48. — Нѣтъ сомнѣнія, что Сильвестръ имѣлъ причины быть осторожнымъ: онъ не былъ, подобно Хмельницкому, окруженъ многочисленнымъ войскомъ. Но кромѣ осторожности, въ поступкахъ его видно что-то и въ родѣ явнаго недоброжелательства.

3. Полки эти были тогда: Чигиринскій, Бѣлоцерковскій, Кіевскій, Паволочскій, Корсунскій, Черкасскій, Каневскій, Уманскій, Брацлавскій, Винницкій, Кропивенскій, Переяславскій, Черниговскій, Нѣжинскій, Миргородскій, Прилуцкій, Полтавскій. (Бант. Кам. I, пр. 319). Покорилось Царю 167 городовъ и мѣстечекъ (Дв. Разр. III, стр. 398).

4. П. С. З. № 119.

преимущества, которыми они пользовались подъ управленіемъ Польши [1].

Возвративъ такимъ образомъ часть нашего древняго достоянія на Западѣ, Алексѣй Михайловичъ принялъ титулъ всея Великія и *Малыя* Россіи Самодержца. Но новое пріобрѣтеніе надлежало еще утвердить оружіемъ.

---

1. П. С. З. № 133. — Акты ист. IV, № 84, 85 и т. д.

ГЛАВА IV.

БОРЬБА СЪ ПОЛЬШЕЮ ЗА МАЛОРОССІЮ; СТОЛКНОВЕНІЕ СЪ ТУРЦІЕЮ; ПРОЯВЛЕНІЕ МЫСЛИ О СОЕДИНЕНІИ ПОЛЬШИ СЪ РОССІЕЮ.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ присоединенія Малороссіи была война съ Польшею, не думавшею отказываться отъ правъ своихъ на эту страну.

Напрасно Янъ Казимиръ, узнавъ о присягѣ Хмельницкаго, пытался возвратить казаковъ подъ владычество Польши обѣщаніемъ «при давныхъ правахъ и вольностяхъ непорушнѣ ихъ затримовати»; напрасно увѣщевалъ отдѣлиться отъ «злословнаго зрайцы Хмельницкаго, запродавшаго ихъ Царю Московскому подъ незносное пановање» [1]. Обѣщанія Польскія уже не могли дѣйствовать. Польша должна была готовиться къ войнѣ. Но Алексѣй Михайловичъ предупредилъ ее. Объявивъ Яну Казимиру «за его многія неправды и крестопреступленье» войну [2], онъ двинулъ давно готовое [3], 200 тысячное войско въ пре-

1. Акты отн. къ ист. Зап. Росс. V, № 37.
2. П. С. З. № 111.
3. Передъ походомъ Государь нѣсколько разъ дѣлалъ смотръ войскамъ своимъ; особымъ приказомъ, объявленнымъ въ его присутствіи, хвалилъ воиновъ за исправность вооруженія и дисциплины, увѣщевалъ мужественно ратоборствовать противъ непріятеля (П. С. З. № 99; Дв. Разр. стр. 355).

дѣлы Литвы и Украйны; и 18 Мая 1654 года, «положа упованіе на Бога, и на Пречистую Его Богоматерь и на всѣхъ Святыхъ», съ своимъ Государевымъ полкомъ[1] и знатнѣйшими сановниками, самъ пошелъ изъ царствующаго града Москвы «на недруга своего на Польскаго и Литовскаго короля.»[2] Главныя силы двинулись по направленію къ Смоленску. Многочисленные отдѣльные отряды устремились противъ другихъ пунктовъ, поддерживаемые вождями Малой Россіи, на Югѣ самимъ Хмельницкимъ, на Сѣверѣ наказнымъ гетманомъ Золотаренкомъ. Предпріятіе увѣнчалось блестящимъ успѣхомъ. Покорились, одинъ за другимъ, города: Дорогобужъ, Невель, Бѣлый, Полоцкъ, Рославль[3]. Тщетно гетманъ Литовскій Радзивилъ думалъ удержать напоръ Московскихъ войскъ: онъ потерпѣлъ отъ князей Черкасскаго и Трубецкаго двукратное пораженіе при Оршѣ и Шкловѣ; уступая войскамъ вчетверо многочисленнѣйшимъ, отступилъ къ Нѣману[4]. Мстиславль, Орша и другіе города сдались[5]. Храбрый Золотаренко овладѣлъ Гомелемъ, Быховымъ, Пропойскомъ; потомъ присоединился къ главной рати Московской, которая между тѣмъ, подъ личнымъ начальствомъ самаго Государя, осадила Смоленскъ. Не смотря на предосторож-

---

1. Утромъ предъ выѣздомъ Государя собрались на Дѣвичьемъ полѣ «Царскаго полку головы съ сотнями, рейтарскіе, гусарскіе и солдатскіе полковники и начальные люди съ полками и головы стрѣлецкіе съ приказами; и собравшись шли Москвою чрезъ дворецъ сотнями, а во дворцѣ, въ столовой избѣ, стоялъ патріархъ Никонъ и кропилъ ихъ изъ окна св. водою. А какъ Государь шелъ Москвою, и въ то время по обѣ стороны у воротъ сдѣланы были рундуки большіе, ступенями, и обиты краснымъ сукномъ»; на этихъ рундукахъ, по обѣ стороны воротъ, стояло высшее духовенство и кропило Государя и ратныхъ людей св. водою Дв. Разр. стр. 407, 411 и т. д.).

2. Дв. Разр. стр. 413.

3. Дв. Разр. III, стр. 430, 432 и т. д, гдѣ находятся краткія донесенія воеводъ.

4. Kochowski: Annales Poloniae I, p. 429. — Дв. Разр. 444.

5. «Книга Сеунчей», сообщ. И. Д. Бѣляевымъ, во временникѣ Имп. Моск. общ. ист. и др. Росс. 1854, кн. 18.

ности комендавта, обезоружившаго Православныхъ жителей города, и на неудачу приступа, сдѣланнаго царскою ратью. Поляки не могли долго держаться. Устрашенные дальнѣйшими приготовленіями, особенно искусными дѣйствіями иностранныхъ инженеровъ [1], они сдали (10 Сентября, 1654 г.) Смоленскъ на капитуляцію: ихъ выпустили изъ города. Осенью того же года взятъ былъ приступомъ Витебскъ; покорились Могилевъ и другія мѣста. Успѣхи сопутствовали Русскому оружію и въ 1655 году. Сдались Велижъ и Минскъ. Гетманы Радзивилъ и Гонсѣвскій потерпѣли новое пораженіе и отступили за Вилію: вслѣдствіе этого покорилась (29 Іюля) Вильна; за нею Ковно и Гродно [2]. Гетманъ Хмельницкій и царскій воевода Бутурлинъ (въ предшествовавшемъ году задержанные въ Украйнѣ Польскими вождями Потоцкимъ и Лянцкоронскимъ и союзными съ ними Крымцами), дѣйствовали теперь успѣшно на Юго-Западѣ; поражая непріятельскіе отряды, брали контрибуціи съ Львова и другихъ городовъ Червонной Руси, опустошали Польскія области до самой Вислы [3]. Алексѣй Михайловичъ имѣлъ торжественный

---

1. Kochowski: «Nec non metatoribus e Liguria Italis, aut Batavis, militaris archetectonicae undequaque peritis: etiam Gallis Griono ac Spervillo, Suecis Erkeno, Bilsawoque legiones in exercitu Moschorum ductantibus (433). О приступѣ къ Смоленску: Дв. Р. стр. 443; о взятіи 448 и П. С. Зак. № 138.

2. Дв. Разр. 486: «Божіею милостію, а Государевымъ счастіемъ, гетмановъ Радивила и Гасевскаго побили и столицу В. Княжества Литовскаго городъ Вилню взяли; а гетманы побѣжали за рѣку Вилею. Также: «Записка о военныхъ дѣйствіяхъ во вр. Польск. пох. 1655 г. съ росписью покоренныхъ Русск. войсками городовъ», въ Актахъ Арх. Эксп. IV, № 89. И въ книгѣ Сеунчей (стр. 35) кратко упоминается о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Вильною: «у нихъ (воеводъ) и у ратныхъ людей съ Родивиломъ и съ Литовскими ратными людьми подъ городомъ подъ Вильнею и на мосту Вилеи рѣки были бои большіе».

3. «a kozacy z'łączeni z Moskalami w 60 tysi cach w Ruś czerwoną wpadli, y niejaką garstkę pozostalego woyska Polskiego rospędiwszy pod grodkiem Lwow przez dwa miesięcie w obleżeniu trzymali, a nie niemogąc go dostać, pograniczne ziemie aż po Wisle spustoszywszy, Lublin spalili.» (Kronika Marcina Bielskiego въ Сборникѣ Dzieipisow Polskich 4 T).

въѣздъ въ столицу В. Княжества Литовскаго, и принялъ титулъ сперва Государя Полоцкаго и Мстиславскаго, потомъ Великаго Князя Литовскаго, Бѣлыя Россіи, Волынскаго и Подольскаго [1].

Положеніе Польши было самое бѣдственное, не смотря на моровую язву, которая, еще лѣтомъ 1654 года, распространилась въ Москвѣ, потомъ и въ другихъ городахъ Россіи [2], и должна была, болѣе или менѣе, пріостановить дѣятельность нашу на военномъ поприщѣ. Янъ Казимиръ, принявъ, какъ единственный потомокъ Густава Вазы въ мужскомъ колѣнѣ, титулъ короля Шведскаго, самъ накликалъ на себя новаго врага въ лицѣ преемника королевы Христины. Воинственный Карлъ X, искавшій

---

1. П. Собр. Зак. № 134; Собр. гос. гр. III, 531.

2. Моровая язва обнаружилась сперва (лѣтомъ 1654 г.) въ Москвѣ, и оттуда скоро перешла во всѣ ближайшіе города и уѣзды. Мѣры правительства: пресѣченіе сообщеній, устроеніе заставъ, засѣкъ и обломовъ (см. Доп. къ акт. ист. III, № 119, гдѣ находится цѣлый рядъ актовъ съ распоряженіями, относ. къ прекращенію мороваго повѣтрія; также Т. IV, № 29) не могли остановить распространенія заразы, не смотря на всю строгость подобныхъ распоряженій. Для приведенія ихъ въ исполненіе недоставало военныхъ людей внутри государства: они находились въ Смоленскомъ походѣ. Въ слѣдующіе два года зараза свирѣпствовала въ областяхъ отдаленныхъ. Но была ли она тамъ такъ сильна, какъ въ Москвѣ и ближайшихъ къ ней мѣстахъ — неизвѣстно. Вообще полагаютъ, что она погубила въ Россіи до 700,000 человѣкъ. Особенно пострадала столица. Опустѣніе ея изображаетъ Патріархъ Никонъ, извѣщая Царя о своемъ прибытіи въ Москву (Письма Русскихъ Государей и другихъ особъ царскаго семейства, изд. Арх. Комм. М. 1848, Т. I): «Охъ, увы! зрѣнія неполезнаго и плача достойнаго! Непрестанно смотря плакалъ, плакалъ пустоты Московскія, пути и домовъ, идѣже прежъ соборы многіи и утѣсненіе, тамъ никоково, великія пути въ малу стезю и потлачены, дороги покрыты снѣги, и никѣмъ суть и слѣдими, развѣ отъ песъ». Объ умершихъ въ ближайшихъ къ Москвѣ городахъ, см. Доп. III, № 119, LXXXIV. Царское семейство выѣхало изъ столицы въ Троицкій-Сергіевъ, а оттуда въ Колязинскій монастырь. Здѣсь поселился и патріархъ Никонъ, распоряжавшійся мѣрами для прекращенія заразы. По взятіи Смоленска, Алексѣй Михайловичъ основалъ свое пребываніе въ Вязьмѣ; туда переѣхало и царское семейство. (См. Донесеніе П. М. Строева о содержаніи представленныхъ имъ въ Арх. комм. актовъ, Доп. III, къ № 119).

только повода къ разрыву, обрадовался такому вызову въ надеждѣ прославить свое царствованіе блестящими подвигами, покорить самую Польшу и утвердить свое владычество во всей Сѣверной Европѣ. Въ Іюлѣ 1655 года фельдмаршалъ его Виттенбергъ вторгнулся изъ Помераніи въ Великую Польшу, занялъ безъ сопротивленія Познань и Калишъ. Въ Августѣ явился самъ король съ новымъ войскомъ и, въ одинъ походъ, овладѣлъ Польскими землями по лѣвому берегу Вислы; взялъ Варшаву и Краковъ [2]. Съ нимъ соединился Курфирстъ Бранденбургскій, желавшій уничтожить ленную зависимость герцогства Прусскаго отъ короны Польской. Янъ Казимиръ, вездѣ преслѣдуемый несчастіями, искалъ безопаснаго убѣжища въ Силезіи. У него почти не было владѣній. Дѣйствуя въ Польшѣ, Карлъ X, между тѣмъ, поручилъ полководцу своему Магнусу Габріэлю Де-ла-Гарди занять Динабургъ и ту часть Литвы, которая еще не была покорена Русскими войсками.

Въ такомъ стѣсненномъ положеніи король Польскій обратился къ императору Фердинанду III съ просьбою о посредничествѣ для примиренія его съ Царемъ Московскимъ. Императоръ, самъ испугавшійся быстрыхъ успѣховъ недавно враждебной ему Швеціи, охотно согласился исполнить его желаніе. Послы Австрійскіе Аллегретъ де Аллегретти и Іоаннъ-Теодоръ фонъ Лорбахъ явились въ Москву [3]. Зная планы Царя относительно Прибалтійскихъ земель, старались склонить его къ прекращенію военныхъ дѣйствій съ Польшею и открытію ихъ противъ Швеціи. Въ Вильнѣ начались мирные переговоры. Алексѣй Михайловичъ «для желанія брата своего любительнаго Фердинандуса III, Цесаря Римскаго», согласился (1656 г. Окт. 24) заключить перемиріе, которымъ положено прекратить во-

2. Pufendorfi: «de rebus a Carolo Gustavo gestis», L. II, III.

3. Мейербергъ, стр. 18: Чтобъ отвратить всякое подозрѣніе со стороны Московскаго Двора въ предварительномъ, относительно цѣли посольства, соглашеніи съ Польшею, послы получили приказаніе ѣхать не чрезъ Польскія земли, а чрезъ Германію, Любекъ, Балтійское море и Ливонію.

енныя дѣйствія; до заключенія вѣчнаго мира Россіи владѣть завоеванными мѣстами; обѣимъ сторонамъ помогать другъ другу въ войнѣ со Швеціею [1]. Въ то же время уполномоченными съ обѣихъ сторонъ было постановлено: созвать, для избранія Алексѣя Михайловича преемникомъ Яна Казимира на престолѣ Польскомъ, сеймъ, на который долженствовали явиться уполномоченные отъ Царя для дальнѣйшихъ переговоровъ; Малороссію и Бѣлоруссію присоединить къ Московскому государству; унію уничтожить; какъ послѣдователямъ Римскаго, такъ и Православнаго исповѣданія пользоваться въ областяхъ Польскихъ полною свободою Богослуженія [2]. Хотя самое избраніе было отсрочено, однако Польскіе паны, при содѣйствіи Австрійскихъ пословъ, успѣли поддержать надежды Царя на несомнѣнный успѣхъ. Въ Смоленскъ явился къ нему гонецъ отъ уполномоченныхъ, бывшихъ со стороны Польши на Виленскомъ съѣздѣ, и, въ произнесенной рѣчи, привѣтствовалъ его Королемъ Польскимъ и В. Княземъ Литовскимъ. Алексѣй Михайловичъ, начавшій между тѣмъ, не безъ вліянія Австріи, Даніи и Голландіи, войну со Швеціею, вѣрилъ обѣщаніямъ Польши [3], не смотря на явное съ ея стороны желаніе выиграть только время. Онъ усилилъ военныя дѣйствія въ Лифляндіи, и, вмѣстѣ съ побѣдами надъ Шведами, торжествовалъ молебствіями избраніе свое на Польскій престолъ [4].

Между тѣмъ Хмельницкій, получивъ чрезъ царскаго посланца извѣстіе, что « Великій Государь изволилъ съ ко-

---

1. П. С. З. № 193.

2. П. С. З. № 192: « Договорныя статьи съ Польскимъ правительствомъ, на коихъ должно послѣдовать, при посредничествѣ Имп. Ф. III, избраніе и самое коронованіе Г. Ц. Ал. Мих. на прест. П. ».

3. Онъ дозволилъ величать себя Королемъ Польскимъ, В. Княземъ Литовскимъ, Русскимъ, Прусскимъ, Жмудскимъ, Мазовецкимъ, Инфляндскимъ ». Въ Полоцкѣ, послѣ торжественнаго молебствія, игуменъ Богоявленскаго монастыря поздравлялъ его съ избраніемъ на престолъ Польши и Литвы (Арц. VI, 128).

4. Акты ист. IV № 1 — 6.

ролемъ Польскимъ въ его неправдахъ, посредствомъ цесаря Римскаго, згоду учинить и посылаетъ на съѣздъ своихъ великихъ и полномочныхъ пословъ», съ перваго разу понялъ значеніе Виленскихъ переговоровъ. «Изволилъ бы де Великій Государь, его царское величество,— говорилъ онъ — быти на своемъ государевѣ превысочайшемъ престолѣ Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи на Москвѣ, а ему бы, вѣрному подданному, съ войскомъ Запорожскимъ, велѣлъ идти на непріятелей своихъ па Ляховъ — и онъ все по волѣ Царскаго Величества учинитъ, и безъ посольскихъ договоровъ будетъ онъ Великій Государь Корунѣ Польской и В. Княжеству Литовскому обладателемъ къ Московскому государству вкупѣ»[1]. Онъ зналъ, что хотя «рѣчь посполитая и о мирѣ проситъ, и то де они пишутъ лукавствомъ; хотя де и присягнутъ, а въ правдѣ своей не устоятъ». Въ то самое время, когда заключали Виленское перемиріе, послы Польскій и Императорскій убѣждали гетмана отложиться отъ Москвы, внушая ему, что избраніе Царя на престолъ Ягеллоновъ никогда не сбудется; что дѣло это сдѣлано единственно для того, чтобъ Русскія войска не разоряли Литвы[2]. Если Хмельницкій и отвергъ подобныя предложенія, остался, не смотря на всѣ происки Польши, вѣрнымъ своей присягѣ: то тѣмъ не менѣе смуты, вскорѣ начавшіяся въ Малороссіи, послужили первымъ поводомъ къ ускоренію разрыва между Москвою и Польшею.

Соединивъ, для сохраненія вѣры предковъ, судьбу свою съ судьбою Московскаго государства, Малороссія удержала на время, какъ милость царскую, свое прежнее устройство. Но такой особный бытъ былъ несовмѣстенъ съ высшимъ государственнымъ интересомъ Русской земли, со стремленіемъ всѣхъ областей ея къ объединенію.

---

1. Сибирскій Сборникъ, стр. 84.
2. Бантышъ-Каменскаго: исторія Малой Россіи, Т. II, стр. 9.

Въ основаніи его лежало еще безгосударное начало, которое долженствовало уступить строгому порядку государственному. Самое подданство было непрочно, пока гетманъ, повелитель многочисленнаго, закаленнаго въ бояхъ войска, оставался самовластнымъ правителемъ всей страны; удерживалъ полную власть надъ жизнію и смертію своихъ подчиненныхъ, право находиться въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ иностранными государями. Сношенія эти, опасныя по самому свойству своему, противорѣчившія идеѣ подданства, не могли не озабочивать Московскаго правительства. Оно было принуждено постоянно слѣдить за дѣйствіями полусамостоятельнаго гетмана, поручать чиновникамъ, которые отправлялись къ нему по разнымъ дѣламъ, «всѣми мѣрами провѣдывать: какіе послы къ нему пришли и съ чѣмъ отъ него отпущены, и отъ него, гетмана, къ кому послы и посланники и о какихъ дѣлахъ посыланы»[1]. Опасенія сбылись, когда, въ 1657 году, преждевременная кончина пресѣкла славную жизнь Хмельницкаго, и для Малороссіи настало время новыхъ смутъ. Стало являться по нѣскольку искателей гетманскаго достоинства. Польскій сеймъ не замедлилъ воспользоваться этимъ. Чтобъ опять привлечь казаковъ на свою сторону, онъ уже не стѣснялъ ни ихъ вольностей, ни вѣры Православной; напротивъ, старался обольстить ихъ несбыточными надеждами.

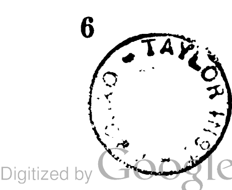
По смерти Богдана Хмельницкаго, казаки, изъ уваженія къ покойному, желали видѣть гетманомъ шестнадцатилѣтняго сына его Юрія подъ опекою генеральнаго писаря Виговскаго и нѣкоторыхъ другихъ войсковыхъ чиновъ. Но

1. Въ Спнб. сборн. (въ спискахъ съ грамотъ и наказовъ, относ. до рода Кикиныхъ), стр. 44: «Да Василью (Кикину) жъ, ѣдучи дорогою черкаскими городами, и какъ будетъ у гетмана, провѣдывать всякими мѣрами: что нынѣ у гетмана съ турскимъ салтаномъ и съ польскимъ и свейскимъ короли и съ волоскимъ и съ мутьянскимъ воеводы и съ венгерскимъ Ракоцемъ и съ крымскимъ ханомъ дѣлается; и послы и посланники къ нему гетману отъ нихъ о какихъ дѣлѣхъ присыланы ль, и будетъ присыланы, и хто имяны... и провѣдывая о всемъ, записывать у себя тайно.»

честолюбивый, лукавый Виговскій самъ давно думалъ о гетманскомъ достоинствѣ. Успѣвъ убѣдить казаковъ въ необходимости имѣть вождя опытнаго, онъ вытѣснилъ соперника и захватилъ гетманскую булаву (1658 г.). Московскій Дворъ утвердилъ честолюбца въ достоинствѣ, присвоенномъ имъ по избранію войска Запорожскаго. [1] Но какъ природный Полякъ, онъ скоро поддался обольщеніямъ Польши и желанію пріобрѣсти бо́льшую самостоятельность. Сперва сталъ онъ сноситься съ Крымскимъ ханомъ, потомъ искать покровительства короля; наконецъ заключилъ секретный договоръ въ Гадячѣ (1658 г. Сент. 6), которымъ обязался опять соединить Малую Россію и Украйну съ рѣчью посполитою. Права Православной Церкви были подтверждены, отчасти обезпеченъ и особный бытъ Малороссіи; Виговскій, его родственники и другіе виновники мнимаго примиренія осыпаны наградами. [2] Но большая часть Малороссійскаго войска была недовольна Гадячскимъ договоромъ, которымъ число казаковъ ограничено до 30,000. Во главѣ недовольныхъ сталъ Юрій Хмельницкій. Послѣ продолжительной борьбы, Виговскій былъ вытѣсненъ изъ Малороссіи царскими войсками и удалился въ Украйну. Оттуда нѣсколько разъ вторгался онъ въ мѣста, вѣрныя Россіи, пока не погибъ смертію, достойною измѣнника [3]. Между тѣмъ Юрій Хмельницкій былъ провозглашенъ гетманомъ, и утвержденъ Московскимъ Дворомъ на основаніи статей, «на какихъ были прежде Богданъ Хмельницкій и все войско Запорожское.» Но и этотъ выборъ не успокоилъ взволнованной страны. Характеръ и способности новаго гетмана

---

1. Бантышъ-Кам. II. стр. 26.
2. Тамъ же, стр. 31.
3. Виговскій, нашедши убѣжище у Поляковъ, вздумалъ снова сдѣлаться гетманомъ въ то время, когда Тетеря былъ уже утвержденъ Польскимъ правительствомъ. Съ этою цѣлью вступилъ онъ въ сношенія съ Запорожцами; и послѣдніе захватили нѣсколько мѣстечекъ, занятыхъ Поляками. Польскіе военачальники стали подозрѣвать самаго Виговскаго въ измѣнѣ и предали его военному суду: не смотря на всѣ старанія увѣрить въ своей невинности, онъ былъ (1664 г.) разстрѣлянъ. (Бант.-Кам. II, гл. 26).



были не въ уровень тогдашнему положенію дѣлъ. Непостоянный, малодушный Юрій не устоялъ противъ обольщеній Польскаго правительства. Послѣ пораженія Поляками Московскаго войска подъ Чудновымъ, онъ передался на сторону первыхъ. Старанія его увлечь за собою обитателей Малороссіи были однакожь, большею частью, безуспѣшны. Наказный гетманъ Самко соединился съ кн. Ромодановскимъ и отразилъ измѣнниковъ, приступавшихъ къ Переяславлю и другимъ вѣрнымъ городамъ. Хмельницкій, отчаявшись въ успѣхѣ, сложилъ свое достоинство и постригся подъ именемъ Гедеона — но только для того, чтобъ впослѣдствіи опять выступить съ честолюбивыми замыслами. Явилось нѣсколько новыхъ искателей гетманской булавы. Болѣе другихъ имѣлъ правъ мужественный полковникъ Переяславскій Самко, бывшій наказнымъ гетманомъ. Но онъ нашелъ сильныхъ соперниковъ въ полковникѣ Нѣжинскомъ Золотаренкѣ и кошевомъ Брюховецкомъ. Смутамъ не было конца. Въ день избранія, назначеннаго по предписанію Царскаго Двора, дѣло дошло до кровопролитія. Брюховецкій, при содѣйствіи Запорожцевъ, одержалъ верхъ, и былъ (1663 г.) объявленъ гетманомъ. Мстительный и свирѣпый, онъ очернилъ предъ Московскимъ правительствомъ и погубилъ соперниковъ своихъ. Это происходило на лѣвомъ берегу Днѣпра. На правомъ, по постриженіи Хмельницкаго, сперва провозглашенъ гетманомъ бывшій полковникъ Переяславскій Тетеря; потомъ явился новый искатель гетманской булавы Чигиринскій казакъ Петръ Дорошенко, возведенный Юріемъ Хмельницкимъ въ полковники и, въ 1660 году, передавшійся Полякамъ. Онъ подалъ впослѣдствіи поводъ ко вмѣшательству Турціи въ дѣла Малороссіи [1].

---

1. Тетеря назывался Чигиринскимъ гетманомъ и, въ этомъ достоинствѣ, былъ утвержденъ королемъ Польскимъ. Но при вторженіи Брюховецкаго въ Заднѣпровскую Украйну, онъ бѣжалъ и, послѣ разныхъ приключеній, погибъ въ Польшѣ (Ист. Руссовъ, стр. 160; Бант.-Кам. гл. 26). Запорожцы самовольно выбрали гетманомъ есаула Опару, который однако былъ захваченъ болѣе счастливымъ Дорошенкомъ, выданъ Полякамъ и казненъ ими.

Между тѣмъ при самомъ началѣ неустройствъ, терзавшихъ Малороссію, возобновилась война между Москвою и Польшею. Напрасно Алексѣй Михайловичъ ожидалъ, согласно договору Виленскому, обвѣщательной королевской грамоты, чтобы прислать на обѣщанный сеймъ «своихъ великихъ и полномочныхъ пословъ и дѣло о обранье его великаго Государя на коруну Польскую и на В. княжество Литовское въ совершенье привести.» Польша не думала выполнять договора. Она давно вышла изъ затруднительнаго положенія. Карлъ X, вызванный на брань Даніею, оставилъ ея предѣлы; трактатъ Велавскій положилъ конецъ непріязненнымъ отношеніямъ къ Бранденбургіи. Второй съѣздъ въ Вильнѣ кончился ничѣмъ. Не имѣло успѣха и посольство, отправленное царемъ съ требованіемъ назначенія времени и мѣста для съѣзда полномочныхъ пословъ, которые должны были окончательно опредѣлить взаимныя отношенія.[1] Сенаторы не хотѣли даже соблюдать перемирія[2]. Столь же коварно поступала Австрія: увѣривъ Царя, что онъ будетъ избранъ преемникомъ Яна Казимира, она теперь выступила съ притязаніями собственныхъ принцевъ на Польскій престолъ.[3] При такихъ обстоятельствахъ, Алексѣй Михайловичъ, «видя съ его королевской стороны многую проволоку и непостоянство, за Божіею помощью надъ Польскими людьми повелѣлъ чинить промыслъ и кроворазлитіе.»

Военныя дѣйствія начались сперва въ Литвѣ. Польскія войска стали нападать на мѣста, занятыя Русскими. Хотя князь И. А. Хованскій разбилъ и захватилъ въ плѣнъ командовавшаго небольшимъ отрядомъ гетмана Литовскаго Гонсѣвскаго, и удержалъ за Москвою города Вильну, Ковно и Гродно:[4] но скоро счастіе измѣнило нашему оружію.

---

1. Арцыб. VI, стр. 136.

2. Мейербергъ (стр. 19) утверждаетъ, что миръ съ обѣихъ сторонъ былъ дурно соблюдаемъ: однакожь виновницею нарушенія его была не Россія, а Польша, которая, съ самаго начала, имѣла только въ виду продлить время.

3. Pufendorf l. IV, § 51 et 52.

4. П. С. Зак. стр. 461.

Польша имѣла превосходныхъ полководцевъ въ князѣ Любомирскомъ, Чарнецкомъ и другихъ панахъ, противъ которыхъ не могли устоять современные имъ воеводы Русскіе, не отличавшіеся воинскими дарованіями, дѣйствовавшіе безъ плана или подчинявшіе свои дѣйствія мѣстническимъ счетамъ. Они терпѣли пораженія и въ Малороссіи, и въ Литвѣ. Еще болѣе невыгодное вліяніе на ходъ войны имѣло тогдашнее внутреннее состояніе Московскаго государства, уже въ первые годы ея такъ много пострадавшаго отъ моровой язвы. Продолжительныя напряженія изнурили его. Финансы пришли въ разстройство. Думали поправить ихъ выпускомъ мѣдныхъ денегъ одинаковой величины и цѣнности съ серебряными — но эта мѣра подала поводъ къ значительнымъ безпорядкамъ [1].

Въ Малороссіи непріязненныя дѣйствія возобновились съ того времени, когда Виговскій перешелъ на сторону Польши и обратилъ оружіе противъ Русскихъ воеводъ. Шереметевъ успѣлъ отразить его отъ Кіева; князь Гр. Гр. Ромодановскій, прибывшій съ новымъ войскомъ, наказалъ города, которые, вопреки царской увѣщательной грамотѣ [2], приняли сторону измѣнника. Скоро однако послѣдній нашелъ случай отмстить. Въ 1659 году вступилъ въ Малороссію князь Трубецкой, которому было поручено главное начальство надъ Московскими войсками. Между нимъ и Ромодановскимъ не было согласія. Трубецкой осадилъ Конотопъ. На помощь къ осажденнымъ шелъ Виговскій. При приближеніи его, царскій воевода былъ принужденъ снять осаду и понесъ значительный уронъ. Отступая, онъ, при Сосновкѣ (въ 15 в. отъ Конотопа), вторично былъ разбитъ самимъ Виговскимъ и союзными съ нимъ Крымцами (1659 г.),

---

1. Къ этимъ бѣдствіямъ, по словамъ Коллинса (стр. 29), присоединилось еще одно обстоятельство: «завоевавъ Вильну и многіе другіе пограничные Польскіе города, Русскіе взяли въ плѣнъ госпожу Lues Venerea, которая прежде была, въ продолженіе тысячи лѣтъ, неизвѣстна.»

2. П. С. Зак. стр. 444.

и, съ остатками своихъ войскъ, бѣжалъ за р. Сеймъ [1]. Между тѣмъ Ромодановскій, еще во время осады Конотопа, потерпѣлъ пораженіе подъ Нѣжинымъ [2]. Хотя Татары вскорѣ должны были удалиться во-свояси; Поляки, поддерживавшіе Виговскаго, побиты вѣрными казаками, и самъ измѣнникъ-гетманъ бѣжалъ изъ Малороссіи: но еще большія несчастія постигли Московскія войска въ Литвѣ и Волыни. Въ первой дѣйствовалъ, со стороны Польши, гетманъ Сапѣга. Вмѣстѣ съ нимъ, по заключеніи Оливскаго мира, получилъ команду старый, опытный генералъ Чарнецкій. Оба двинулись на помощь къ Ляховцамъ, осажденнымъ Хованскимъ. Послѣдній, не смотря на многочисленность непріятеля, пошелъ ему на встрѣчу; но дорого заплатилъ за свою самонадѣянность [3]. Не спасло его самое мужество нашей пѣхоты: 17 Іюня, 1660 года былъ онъ разбитъ наголову, и бросивъ лагерь, бѣжалъ къ Смоленску [4]. Побѣдители приступили къ Могилеву. На выручку явился кн. Долгоруковъ; но и онъ, потерпѣвъ уронъ, долженъ былъ укрыться въ станѣ своемъ. Польскіе вожди держали его въ осадѣ, пока не подоспѣлъ Хованскій съ свѣжими войсками. Въ двухъ небольшихъ сшибкахъ, одержалъ онъ сначала верхъ надъ непріятелемъ; потомъ снова уступилъ ему. Наконецъ покинулъ свой станъ и удалился къ Полоцку, преслѣдуемый Поляками за самую Двину [5].

Въ то время, когда дѣла въ Литвѣ приняли столь благопріятный для Польши оборотъ, два другіе полководца ея, Станиславъ Потоцкій и Любомирскій, поддерживаемые

---

1. Мейербергъ (стр. 94) приписываетъ эти неудачи мѣстничеству воеводъ: извѣстіе его отчасти подтверждается и соборнымъ дѣяніемъ 1682 г.

2. Бант.-Кам. II, гл. 22.

3. О Хованскомъ Мейербергъ отзывается (стр. 75), какъ о воеводѣ извѣстномъ своими неудачами, притомъ самонадѣянномъ, всегда готовомъ идти на-встрѣчу непріятелю или ожидать его, не обращая вниманія на его число.

4. Kronika Marc. Bielskiego, 809.

5. Тамъ же 821: «Po dwoch mnieyszych utarczkach... noçą, zostawiwszy oboz ca'y, woysko do Po'ozka uprowadzi'; ktorego Polskie y Litewskie woyska scigaią', za Dwinę go utrzymywali.»

20,000 Татаръ, устремились въ Волынь, на царскаго воеводу В. Б. Шереметова. Дѣйствовавъ удачно въ самой Польшѣ, Шереметевъ, послѣ пораженій, потерпѣнныхъ Русскими въ Литвѣ, увидѣлъ себя въ необходимости поспѣшить отступленіемъ къ предѣламъ Малороссіи и соединеніемъ съ Юріемъ Хмельницкимъ. Поляки настигли его при Любарѣ. Цѣлый день защищался онъ въ укрѣпленномъ станѣ; съ наступленіемъ ночи сталъ отступать къ Чуднову, прикрывая себя гуляемъ, и сражаясь на каждомъ шагу. Хмельницкій находился только въ 5 миляхъ оттуда, при Слободищѣ. Но между тѣмъ, какъ Потоцкій задерживалъ Шереметева при Чудновѣ, Любомирскій, поддерживаемый Татарами, напалъ на гетмана; вломился въ станъ его. Стѣсненные казаки вступили въ переговоры; принудили вождя своего мириться съ королемъ, большею частію, на основаніи Гадячскаго трактата. Покончивъ дѣло здѣсь, оба полководца опять соединились и осадили Шереметева подъ Чудновымъ. Три недѣли держался онъ въ укрѣпленномъ станѣ своемъ; наконецъ недостатокъ въ припасахъ довелъ его до необходимости заключить (въ Сент. 1660 г.) постыдную капитуляцію. Выговоривъ свободное отступленіе для всей рати, онъ обязался сдать Украинскіе города и крѣпости, пушки и прочее оружіе, и заплатить значительную сумму; до очищенія Кіева, Нѣжина, Чернигова и Переяславля, остаться, съ 8-ю дворянами и 300 воиновъ, въ качествѣ заложниковъ у гетмановъ [1]. Но съ одной стороны, Поляки нарушили клятвенное обѣщаніе, выдавъ Шереметева съ его войскомъ Татарамъ [2]; съ другой, Московское правительство, по всей справедливости, должно было отвергнуть условія Чудновскаго договора. Твердость воеводы князя Борятинскаго и прибытіе казацкаго отряда, оставшагося вѣрнымъ долгу при-

1. Kochowski, p. 464—486; Бант.-Кам. гл. 23.

2. Татары умертвили часть безоружныхъ Русскихъ; другихъ плѣнныхъ поводекли въ Крымъ. На пути были они однакожь отбиты храбрымъ кошевымъ атаманомъ Сѣркомъ. Только Шереметеву пришлось 20 лѣтнею неволею заплатить за постыдную капитуляцію (Бант.-Кам. гл. 23).

сяги, спасли Кіевъ, которымъ Польскіе военачальники, первымъ, думали завладѣть послѣ своей побѣды. При всемъ томъ, война съ каждымъ годомъ становилась для насъ болѣе тяжкою. Непріятель, и въ 1661 году, продолжалъ дѣйствовать успѣшно въ Литвѣ. Самъ король явился къ войску. Хованскій потерпѣлъ новое пораженіе при мѣстечкѣ Глубокомъ. Гродно и другіе города сдались Полякамъ. Долѣе держались Русскіе въ Вильнѣ; но наконецъ и здѣсь должны были положить оружіе. Могилевъ добровольно передался Польшѣ [1]. Въ концѣ 1661 года Московскія войска были принуждены очистить всю Литву; только г. Быховъ, нѣкоторое время, еще оставался за ними.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда (весною 1661 года) прибыли въ Москву посланники отъ Императора Леопольда I, гофкаммерратъ Августинъ фонъ Мейернъ (впослѣдствіи пожалованный въ достоинство барона фонъ Мейерберга) и совѣтникъ внутренняго правленія АвстрійскагоОраціо Гульельмо Кальвуччи, съ предложеніемъ посредничества Австріи для примиренія Россіи съ Польшею [2]. Алексѣй Михайловичъ принялъ предложеніе; даже отправилъ гонца въ Варшаву изъявить королю свою готовность вступить въ мирные переговоры [3]. Но Польское правительство, полагаясь на успѣхи своего оружія, измѣну Юрія Хмельницкаго и ослабленіе Московскаго государства предшествовавшими напряженіями, уклонилось отъ переговоровъ; по крайней мѣрѣ, отвергло посредничество Австріи. Оно не хотѣло слышать и объ уступкахъ, все еще надѣясь возвратить Малороссію. Къ счастію для Москвы, состояніе самой

---

1. Kron. Marc. Bielskiego (810): «Mohilow samy[i] obywatele cz[ę]ścia chytrze z miasta wywabiwszy, częścia pobiwszy Moskw:, z rąk nieprzyiacielskich wyrwali.

2. Мейербергъ (стр. 19), скрывая собственные виды Австріи, говоритъ слѣдующее о причинѣ посольства: «Императоръ Леопольдъ, чтобъ остановить горестное пролитіе Христіанской крови и водворить, чрезъ посредничество Австрійскаго орла, миръ на сѣверѣ, пожелалъ идти по слѣдамъ отца своего» и т. д.

3. Арцыб. VI, стр. 141.

Польши было таково, что успѣхи ея не могли продолжаться. Внутреннее разстройство достигло, въ царствованіе Яна Казимира, высшей степени. При немъ окончательно получило законное утвержденіе право каждаго депутата своимъ liberum veto остановить рѣшеніе цѣлаго сейма — этотъ неизсякаемый источникъ смутъ для Польши. Рокоши повторялись безпрестанно. Поводомъ къ нимъ служили особенно несогласія короля съ коронпымъ гетманомъ Любомирскимъ и его приверженцами. Янъ-Казимиръ поддерживалъ желаніе своей супруги видѣть преемникомъ его на Польскомъ престолѣ герцога Энгіеннскаго, единственнаго сына принца Конде, вступившаго въ бракъ съ племянницею королевы: Любомирскій противился такому намѣренію; наконецъ явно возсталъ. Другіе магнаты также мало поддерживали короля въ войнѣ съ Москвою. Успѣхи Польскаго оружія остановились; отчасти были утрачены и плоды прежнихъ побѣдъ.

Между тѣмъ Алексѣй Михайловичъ, обезпечивъ себя со стороны Швеціи заключеніемъ вѣчнаго мира въ Кардисѣ, твердо стоялъ за свои права и не терялъ надежды навсегда утвердить за Россіею важныя пріобрѣтенія. Попытки Юрія Хмельницкаго увлечь за собою Малороссію были безуспѣшны: полководцы Московскіе, при содѣйствіи наказнаго гетмана Самка (дяди Юрія) и другихъ вѣрныхъ вождей казацкихъ, возстановили власть Царя вездѣ на лѣвомъ берегу Днѣпра. Избранный здѣсь новый гетманъ Брюховецкій призналъ себя въ «вѣчномъ подданствѣ подъ самодержавною рукою Его Царскаго Величества.» Хотя, въ 1663 году, самъ Янъ Казимиръ, вступивъ въ Малороссію съ 90,000 войскомъ, перешелъ чрезъ Днѣпръ, покорилъ, за исключеніемъ Батурина, всѣ города до Глухова, между тѣмъ какъ полководцы его Чарнецкій и знаменитый впослѣдствіи Янъ Собѣскій съ успѣхомъ дѣйствовали въ другихъ пунктахъ [1]: однако неудачная осада Глухова, приближеніе царскихъ войскъ, можетъ быть, и мирныя предложенія, сдѣланныя королю,

---

1. Арцыб. VI, стр. 149; Бант.-Кам. гл. 26.

остановили его дальнѣйшіе успѣхи [1]. Онъ отступилъ. Ромодановскій и Брюховецкій опять заняли многіе города. Другіе царскіе воеводы возобновили завоеванія въ Литвѣ: овладѣли Полоцкомъ, Витебскомъ, Динабургомъ. Сдѣланъ былъ еще новый шагъ къ тѣснѣйшему соединенію Малороссіи съ Московскимъ государствомъ. Брюховецкій, желая поддержать свое значеніе, явился въ Москву (1665 г.), получилъ санъ боярина и руку дочери одного изъ знатнѣйшихъ сановниковъ царскихъ; согласился, по особому, заключенному съ нимъ договору, на занятіе Малороссійскихъ городовъ воеводами Московскими, обложеніе жителей податьми въ пользу царской казны, назначеніе въ Кіевскіе митрополиты святителя изъ Москвы [2]. Мѣра эта подала однакожь поводъ къ новымъ замѣшательствамъ. Ими воспользовался Дорошенко, чтобъ увеличить число своихъ приверженцевъ. Обольстивъ Татаръ дарами, Польскихъ воеводъ обѣщаніями, онъ былъ провозглашенъ гетманомъ на правомъ берегу Днѣпра. Малороссія раздѣлилась такимъ образомъ на двѣ половины. Мужественный, пылкій, хитрый и краснорѣчивый Дорошенко, казавшійся казакамъ вторымъ Хмельницкимъ, желалъ присвоить себѣ власть надъ обѣими. Не надѣясь на Польшу, сперва занятую возстаніемъ Любомирскаго [3], потомъ вступившую въ мирные переговоры съ Московскимъ правительствомъ, онъ не долго и по-наружности признавалъ власть ея; вошелъ въ сно-

---

1. Арцыб. стр. 150 и пр. 880. Весною 1664 г. полномочные послы съ обѣихъ сторонъ, въ самомъ дѣлѣ, съѣхались въ деревнѣ Вейновѣ (Смол. уѣзда); но переговоры не повели ни къ чему.

2. П. С. Зак. I, № 375 и слѣд. Брюховецкому пожалована также въ вѣчное и потомственное владѣніе Шептаковская сотня съ селами и деревнями (въ Стародубск. полку). Генеральные: обозный, судья, есаулы, хорунжій, бунчужный и всѣ полковники получили дворянское достоинство, многія помѣстья и жалованныя грамоты.

3. Любомирскій былъ приговоренъ, какъ измѣнникъ, къ лишенію имѣній, чести и жизни; но (1665 г.) открыто поднялъ оружіе и, въ двухъ битвахъ, сразился съ королемъ. Явленіе не новое въ Польшѣ: оно кончилось примиреніемъ обѣихъ сторонъ. (Kochowski III, p. 148 etc).

шенія съ Крымскимъ ханомъ, сталъ нападать на отдѣльные Польскіе отряды [1]; наконецъ составилъ смѣлый планъ образовать изъ своего отечества особое государство, неподвластное ни Польшѣ, ни Москвѣ. Чтобъ достигнуть этой цѣли, обратился къ султану съ предложеніемъ принять Малороссію подъ покровительство Турціи. Хотя Магометъ IV, занятый другими дѣлами, не вдругъ согласился исполнить его просьбу: но планъ Дорошенка не могъ укрыться отъ воюющихъ Державъ. Желаніе избѣгнуть опаснаго вмѣшательства Турціи ускорило ходъ мирныхъ переговоровъ, тянувшихся около трехъ лѣтъ: въ 1667 году (30 Января) заключенъ полномочными съ обѣихъ сторонъ послами (съ нашей окольничимъ Ордыномъ-Нащокинымъ) миръ на 13 лѣтъ и 6 мѣсяцовъ. Смоленскъ и Сѣверское княжество остались за Россіею; Полоцкъ, Витебскъ и другія мѣста по З. Двинѣ, занятыя Московскими войсками, возвращены Польшѣ. Малороссія раздѣлена на двѣ половины: лѣвый берегъ Днѣпра остался въ зависимости отъ Россіи, правый предоставленъ Польшѣ; Кіевъ положено возвратить ей чрезъ два года; Запорожскимъ казакамъ состоять подъ покровительствомъ обѣихъ Державъ. Въ случаѣ войны съ Турками и Татарами обѣщана взаимная помощь; назначены сроки для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ (Іюль 1669, 1674, 1678 и 1680 г.) [2].

Андрусовскій трактатъ, доставившій Московскому государству столь важныя пріобрѣтенія, надолго опредѣлилъ отношенія его къ Польшѣ: переговоры съ этою державою, какъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, такъ и при его ближайшихъ преемникахъ, имѣли въ виду преимущественно только поясненіе и дальнѣйшее развитіе статей, заключающихся въ этомъ трактатѣ. Если Россія и дѣлала незначительныя уступки, иногда платила деньги разстроенной Польшѣ, то однакожь удержала навсегда за собою не

1. Такъ въ 1667 г. напалъ онъ на отрядъ Маховскаго (Арцыб. VI, 137).
2. П. С. Зак. № 398; также Koch: histoire des traités III. p. 130.

только весь лѣвый берегъ Днѣпра, но и самый Кіевъ.[1] Между тѣмъ, утвердивъ соединеніе Малой Россіи съ Великою, Андрусовскій миръ не упрочилъ спокойствія страны, которая заключала въ себѣ еще слишкомъ много элементовъ безнарядья. Казацкое общество не легко подчинялось строгому порядку государственному; не скоро могло сдѣлаться учрежденіемъ чисто-гражданскимъ. Раздѣленіе покровительства надъ Запорожцами между Россіею и Польшею послужило новымъ поводомъ къ безпрерывнымъ волненіямъ.

Уже нововведенія, послѣдовавшія за возвращеніемъ Брюховецкаго изъ Москвы, произвели сильный ропотъ. Нелюбимаго предводителя еще болѣе возненавидѣли, когда онъ сталъ бояриномъ Московскимъ. Прибывшіе за нимъ царскіе воеводы начали водворять такой порядокъ вещей, который казался несообразнымъ съ прежними постановленіями. Они заняли города Малороссійскіе; разослали по мѣстечкамъ сборщиковъ податей для взиманія пошлинъ со всѣхъ предметовъ, привозимыхъ на торги; назначили налогъ на каждую соху и плугъ; приступили, для болѣе равномѣрной раскладки, къ переписи имѣній[2]. Не менѣе были недовольны и тѣмъ, что Православный Царь, по Андрусовскому миру, отказался отъ Заднѣпровской Украйны и самый Кіевъ обѣщалъ возвратить Польшѣ. Особенно порицали эти условія Чигиринскій гетманъ Дорошенко и митрополитъ Кіевскій Іосифъ Тукальскій. Оба находились въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Польскому правительству; первый долженъ былъ, кромѣ того, отказаться и отъ надежды быть когда нибудь гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Напрасно Польша принимала мѣры для приведенія въ повиновеніе Заднѣпровскихъ казаковъ; напрасно Московскій Дворъ, чтобъ прекратить кровопролитіе, употреблялъ свое

---

1. Извѣстно, что Кіевъ, вслѣдствіе неточнаго исполненія условій Андр. договора со стороны Польши, по истеченіи двухгодичнаго срока, не былъ ей возвращенъ.

2. Бант. Кам. гл. 27.

посредничество, убѣждая Дорошенка «отложить горделивыя мысли, отклониться отъ Христопенавистныхъ Агарянъ и предать себя подъ высокую Державу союзныхъ Монарховъ.» [1] Мятежный вождь казацкій не думалъ о покорности. Онъ жаловался на то, что Андрусовскимъ договоромъ «Украйна раздрана на части, и Государи согласились искоренить ее»; высказалъ твердое намѣреніе, «скорѣе со всѣмъ войскомъ головы положить, чѣмъ Кіевъ отдать Полякамъ». Надежда на покровительство Турціи и любовь къ нему Малороссіянъ поддерживали его замыслы. Съ 24,000 казаковъ и 80,000 союзныхъ Крымцевъ окружилъ онъ новаго короннаго гетмана Яна Собѣскаго, вступившаго въ Украйну съ 12,000 войскомъ. Только вторженіе Запорожскаго кошеваго Сѣрка въ беззащитный Крымъ спасло по-видимому, Польскаго полководца отъ неизбѣжнаго пораженія, принудивъ хана думать о защитѣ собственныхъ улусовъ и поселивъ въ немъ подозрѣніе, что самъ Дорошенко измѣнилъ союзу съ Татарами [2].

Если отступленіе Крымцевъ и побудило Дорошенка, на выгодныхъ для себя условіяхъ, примириться съ Польшею—то только для того, чтобъ выиграть время. Онъ не отказывался отъ намѣренія сдѣлаться, при помощи Турціи, независимымъ обладателемъ всей Украйны; воспользовался обстоятельствами, чтобъ взволновать и страну по сю сторону Днѣпра. Условія Андрусовскаго трактата и неудовлетвореніе жалобъ на притѣсненія сборщиковъ податей продолжали питать общее неудовольствіе. [3] Носились слухи, распущенные злонамѣренными людьми, будто Московскій Дворъ ведетъ переговоры съ Польшею объ уступкѣ ей господства надъ всѣми казаками. Ихъ поддерживалъ коварный епископъ Нѣжинскій Меѳодій, также недовольный новымъ порядкомъ вещей. Поднялся наконецъ и Брюховецкій, уступая наущеніямъ сблизившагося съ нимъ епископа и хитрымъ обѣщаніямъ Дорошенка, который не замедлилъ вой-

1. Бант. Кам. гл. 27. 2. Тамъ же. 3. Тамъ же.

ти въ сношенія съ обманутымъ соперникомъ [1], и ложно изъявлялъ готовность признать его гетманомъ всей Малороссіи. «Преклонивъ къ смятенію сердца народныя», Брюховецкій созвалъ раду изъ преданныхъ себѣ старшинъ, положилъ съ ними отложиться отъ Православнаго Государя, искать покровительства султана, призвать Крымцевъ и очистить Украйну отъ Москалей. Вездѣ началось возстаніе противъ воеводъ и денежныхъ сборщиковъ. Однихъ умертвили; другихъ заключили въ оковы и отвезли въ Чигиринъ или отдали въ плѣнъ Крымцамъ (1668 г.). Только въ Нѣжинѣ, Переяславлѣ и Черниговѣ удержались Московскіе военачальники. Но Брюховецкій, имѣвшій многочисленныхъ враговъ, скоро самъ сдѣлался жертвою коварства. Дорошенко, по приглашенію кошеваго Сѣрка и нѣкоторыхъ старшинъ, прибылъ на лѣвый берегъ Днѣпра; Брюховецкій, не подозрѣвавшій злыхъ намѣреній, схваченъ казаками и умерщвленъ по приказанію счастливаго соперника. Послѣдній былъ провозглашенъ гетманомъ всей Малороссіи. Онъ заставилъ кн. Ромодановскаго, приведшаго для усмиренія Украйны новое войско, снять осаду Котелвы; двинулся противъ Путивля—но не довершилъ утвержденія своей власти. Увлеченный семейными отношеніями въ Чигиринъ, [2] онъ сдалъ начальство надъ войскомъ наказному гетману, полковнику Черниговскому Многогрѣшному. Ромодановскій воспользовался его оплошностію, чтобъ усмирить мятежные города. Дворъ Московскій обнародовалъ, между тѣмъ, гра-

---

1. Ист. Руссовъ, стр. 166. «Таковъ начальникъ въ народѣ, каковъ ты, Иване, повиненъ есть суду Божію и человѣческому»—писалъ Дорошенко къ Брюховецкому. «Народъ, ввѣрившій тебѣ судьбу свою, какую онъ имѣетъ теперь вольность и свободу?.... Вы съ старшинами своими обогащены въ Москвѣ однѣми женщинами; но и то, за придапое ихъ народъ отплачиваетъ; и ты уподобляешься точно такому пастуху, который держитъ корову за рога, а другіе ее доятъ. Когда нѣтъ у тебя своей силы и отваги, а у Христіанъ правды, то можно попытаться оной и у иновѣрцевъ. Я готовъ все уступить на пользу народа, даже и самую жизнь свою.»

2. Бант. Кам. стр. 111.

моту, которою, увѣщевая жителей Малороссіи вспомнить данную присягу, обѣщалъ забвеніе прошедшаго.[1] Много способствовалъ успокоенію своей родины и достойный пастырь, архіепископъ Черниговскій Лазарь Барановичъ. Многогрѣшный, по принятіи начальства надъ войскомъ, не долго скрывалъ желаніе примирить Малороссіянъ съ ихъ законнымъ Государемъ. Сперва, бездѣйствіемъ своимъ, далъ онъ время усилиться Ромодановскому; потомъ вступилъ съ нимъ въ переговоры и отдался подъ покровительство Москвы. На радѣ въ Глуховѣ (1669 г.) былъ онъ провозглашенъ гетманомъ; съ старшинами, войскомъ и народомъ, обязался новою присягою «быть неотступно въ вѣчномъ подданствѣ подъ Государскою Самодержавною высокою рукою»[2].

Опять обманувшись въ надеждѣ сдѣлаться гетманомъ всей Малороссіи, Дорошенко возобновилъ переговоры съ Турціею. Въ залогъ вѣрности отправилъ онъ въ Константинополь сыновей своихъ, подтвердилъ новое подданство присягою въ присутствіи Турецкаго чауша.[3] Не вдругъ однакожь и теперь подалъ ему султанъ значительную помощь. Долго былъ онъ принужденъ, почти одинъ со своими приверженцами, отбиваться отъ враговъ, въ числѣ которыхъ является новый искатель гетманскаго достоинства, полков-

---

1. Въ увѣщательной царской грамотѣ 1667 г. (Собр. гос. гр. и дог. IV, № 58) сказано о самомъ Дорошенкѣ: «а должно было и онаго Дорошенка напоминивати единою купѣлью Христіанства, и заблуждшаго взыскати и во ограду овецъ Христовыхъ привести, чтобъ чувственные волки, надъ ихъ отступною кровью розъярясь, невинныхъ блудящихъ въ горахъ противенства ихъ или несмысльства не поѣли и овчарни Христовы пусты не оставили.»

2. П. С. Зак. № 447. По новымъ договорнымъ статьямъ съ Многогрѣшнымъ положено: «о поборѣхъ Малороссійскихъ городовъ быти по ихъ обыкновенію какъ написано въ статьяхъ гетмана Богдана Хмельницкаго... а которые доходы довелись взять на него Великаго Государя въ казну, тѣ сборы положить на гетмана». Воеводамъ и ратнымъ людямъ быть только въ важнѣйшихъ городахъ для обороны и не мѣшаться въ дѣла Малороссійскія. Слѣдовательно опять утвержденъ особый бытъ Малороссіи.

3. Бант. Кам. гл. 28.

никъ Ханенко, поддерживаемый всѣми недовольными подданствомъ утѣснителю Христіанъ. Подъ покровительствомъ Польши послѣдній былъ провозглашенъ гетманомъ, и получилъ отъ короля знаки своего достоинства. Положеніе Дорошенка могло сдѣлаться еще затруднительнѣе. Послѣ подтвержденія, на новомъ съѣздѣ въ Андрусовѣ (1670 г.), прежняго договора и по устраненіи возникшихъ несогласій [1], Московскій Дворъ дѣятельно вступился за Польшу. Старался отклонить султана отъ войны съ нею, угрожая принять ея сторону, если Турція подастъ помощь мятежному Дорошенку; вошелъ въ сношенія съ Персіею, чтобъ отвлечь силы Порты отъ Украйны. Но сама Польша, имѣя въ виду войну неизбѣжную, не принимала надлежащихъ мѣръ для защиты. Яна Казимира уже не было на престолѣ: онъ добровольно отказался отъ него и уѣхалъ во Францію, чтобъ монастырскому уединенію посвятить остальные дни жизни своей. Къ преемнику его Михаилу Вишневецкому, прислалъ (въ началѣ 1672 года) Магометъ IV грозное письмо съ требованіемъ немедленно очистить Украйну, или къ лѣту ожидать Турецкихъ войскъ въ Польшѣ [2]. Они, въ самомъ дѣлѣ, явились на берегахъ Днѣстра, и, соединившись съ Дорошенкомъ и Татарами, взяли сильно укрѣпленный Каменецъ-Подольскій, за нимъ и другіе города; осадили Львовъ и навели ужасъ на Польшу. Устрашенный король поспѣшилъ, при посредничествѣ

---

1. П. С. Зак. № 465. Въ 1672 г. (Марта 30) послѣдовало еще новое подтвержденіе прежнихъ договоровъ съ отложеніемъ нѣкоторыхъ статей до 1674 г. и обѣщаніемъ Польшѣ вспомогательнаго войска.

2. Образцемъ того, какъ поговаривали тогда султаны съ Христіанскими правителями, можетъ служить посланіе (1674 г.) къ Польскому примасу (Синб. сб. стр. 124). «Солтанъ сынъ освецонего цесаря турецкего, Божиі внукъ, цесарь турецкиі, грецкиі.... вшелякихъ пановъ панъ на тымъ свѣце мешканонцыхъ, ксионже надъ ксионжентве, Богъ равныі, надзея и поцеха бесурменьска а хрестияномъ упадекъ и смутекъ», оканчиваетъ свое посланіе словами: «вяро ктуро тримашъ выкорене, же бысце юж жиць престали, а васъ на крыжу розбиянць бендо и огнемъ палиць—бо се мосі воли нихто, нихъ насъ цени приако Богу ровнему и остатекъ меі досиць.»

Крымскаго хана, предложить миръ побѣдоносным врагамъ, и долженъ былъ согласиться на унизительныя для Польши условія. По договору въ Буджановѣ (8/18 Сент. 1672 г.) обязался онъ уступить Турціи Подолію и крѣпости, еще занятыя Поляками въ Украйнѣ; оставить казаковъ въ подданствѣ Порты; ежегодно платить 22,000 червонцевъ и, сверхъ того, выдать единовременно 80,000 піастровъ за освобожденіе Львова [1]. Сеймъ Варшавскій, по удаленіи султана, не подтвердилъ Буджановскаго договора. Знаменитый Янъ Собѣскій, возобновивъ войну съ Турками, далъ ей другой оборотъ: разбилъ на-голову (1673 г.) сераскира Гуссейна и Солимана-Пашу въ сраженіи при Хотинѣ, гдѣ погибло до 30,000 Турокъ. Но было уже трудно вытѣснить ихъ совершенно изъ городовъ Польской Украйны, тѣмъ болѣе, что, послѣ кончины Вишневецкаго, настало для Польши время новаго междуцарствія, и самъ Собѣскій долженъ былъ поспѣшить возвращеніемъ въ Варшаву. Измѣнились, вслѣдствіе Буджановскаго договора, и отношенія Московскаго Двора къ рѣчи посполитой.

Отвергавъ прежде всѣ просьбы обитателей Заднѣпровской Украйны принять ихъ въ подданство, совѣтовавъ самому Дорошенку, для блага Христіанства, покориться, на основаніи Андрусовскаго договора, Польскому королю, Алексѣй Михайловичъ не могъ равнодушно смотрѣть на утвержденіе въ единовѣрной ему странѣ господства враговъ Христіанъ. Съ тѣхъ поръ какъ Польша, слабымъ противодѣйствіемъ, допустила вмѣшательство Турціи и, Буджановскимъ договоромъ, даже признала ея притязанія, она, въ глазахъ Московскаго Двора, утратила право владычества надъ областью, преданною ею въ неволю Мусульманамъ. Сильныя вооруженія начались въ Московскомъ государствѣ немедленно послѣ паденія Каменца-Подольскаго [2].

---

1. I. v. Hammer: Gesch. d. Osm. Reiches, III, p. 663.

2. П. С. Зак. № 535. Положено было увеличить рать въ Малороссіи; произвести новый денежный сборъ въ государствѣ; служилымъ людямъ

Россія готовилась къ первому прямому враждебному столкновенію съ Турціею; готовилась къ брани, долженствовавшей сдѣлаться предвѣстницею будущихъ многозначительныхъ браней за Христіанство. Призываемые тѣми обитателями единовѣрной страны, которые гнушались замысловъ присяжника Мусульманъ, войска царскія и полки новаго гетмана Самойловича, занявшаго (1672 г.) мѣсто низложеннаго Многогрѣшнаго [1], вступили (въ концѣ 1673 г.) въ Заднѣпровскую Украйну. Города, одинъ за другимъ, сдавались. Татары, пришедшіе на помощь къ Дорошенку, потерпѣли пораженіе: самъ онъ былъ принужденъ заключиться въ Чигиринѣ. Въ Февралѣ 1674 года старшины Западной Украйны явились въ соборную Переяславскую церковь, и присягнули въ вѣрности Государю. Гетманъ Ханенко, утвержденный въ своемъ званіи королемъ Михаиломъ, но не любимый его преемникомъ, также сложилъ знаки достоинства своего, и, получивъ отъ Самойловича Уманскій полкъ, поселился въ Кіевѣ [2]. На новой радѣ, созванной Ромодановскимъ, Самойловичъ былъ провозглашенъ гетманомъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра [3]. Такъ послѣдовало наконецъ соединеніе Западной Украйны съ Восточною подъ державою Царя Русскаго (1674 г.). Православные обитатели ея нашли то покровительство, котораго тщетно ожидали отъ королей иновѣрныхъ [4]. Надлежало только дать отпоръ Туркамъ.

объявлено о походѣ для сопротивленія Тур. султану и Крымскому хану. (См. также собр. гос. гр. и дог. IV, № 85.)

1. Паденіе Многогрѣшнаго было однимъ изъ сильнѣйшихъ проявленій безнарядья, еще господствовавшаго въ Малороссіи. Ложно обвиненный недовольными имъ старшинами въ намѣреніи передаться султану, онъ былъ схваченъ и, подъ стражею, представленъ въ Москву. (П. С. Зак. № 519 и Собр. гос. гр. и дог. № 78.) Изъ Москвы удаленъ онъ въ Якутскъ, гдѣ поселился съ семействомъ. Новый выборъ, на радѣ въ Конотопѣ, палъ на генеральнаго судью Ивана Самойловича. (Собр. гос. гр. IV, № 80.)

2. Синб. сборн: Малоросс. дѣла № 4.

3. Маркевича: Ист. Мал. II, стр. 220; собр. гос. гр. и дог. IV, № 93.

4. Образецъ той благородной смѣлости, съ какою послѣдователи Право-

Они снова явились. Завладѣвъ Хотиномъ, на время оставили въ покоѣ Польшу, и обратились противъ Русскихъ, чтобъ отмстить имъ за пораженіе Татаръ; опустошили большую часть Заднѣпровской Украйны. Между тѣмъ на престолъ Польскій вступилъ Янъ Собѣскій. Присоединеніе къ Московскому государству Западной Украйны побуждало Польшу къ разрыву съ Москвою, тѣмъ болѣе, что Варшавскій Дворъ, подъ вліяніемъ супруги Собѣскаго (Маріи д'Аркіэнь), сталъ сближаться съ Франціею. Онъ склонялся къ примиренію съ самою Турціею, чтобъ, можетъ быть, составить союзъ съ нею и Крымскимъ ханомъ противъ Россіи [1]. Къ счастію бо́льшая часть пановъ противилась Французскому вліянію и старалась поддержать миръ съ Россіею. И въ то время, когда Турки устремились на Волынь и Галицію, Ромодановскій и Самойловичъ снова перешли чрезъ Днѣпръ; заняли Корсунь, стѣснили Дорошенка; довели его до того, что онъ, по-видимому, изъявилъ даже готовность покориться Московскому Государю [2].

Въ такомъ запутанномъ положеніи находились наши отношенія къ Турціи и Польшѣ, когда не стало Алексѣя Михайловича: преемнику его суждено было рѣшить многолѣтнюю борьбу.

славія отстаивали священныя права своей вѣры, представляетъ донесеніе нашего резидента въ Варшавѣ Тяпкина. Во время торжественнаго коронованія Собѣскаго въ Краковѣ (23 Генв. 1676), въ минуту глубокаго безмолвія, вдругъ раздались громкіе голоса подданныхъ Польскаго короля Православнаго исповѣданія: «Помни король данную тобою сейчасъ присягу не преслѣдовать вѣры Православной, не уничтожать церквей Божіихъ Восточныхъ и правъ, имъ дарованныхъ, не нарушать!» Трижды раздавался этотъ голосъ—«но отвѣта имъ никакова отъ престола королевскаго величества не учинено» См. отрывокъ изъ соч: «Россія въ отнош. къ Державамъ Европейскимъ при кончинѣ Царя Ал. Мих.» А. Н. Попова (въ Москв. 1853, № 10).

1. Тяпкинъ доносилъ (см. тотъ же отрывокъ), что Франція «чрезъ резидентовъ и агентовъ своихъ успокояетъ и приводитъ Турецкаго султана съ Польскимъ Государемъ и съ Дорошенкомъ и Ханомъ, чтобъ на чемъ возмогутъ учинити миръ.» Но Тяпкинъ не догадывался, что Франція имѣла тогда въ виду не Россію: она старалась вооружить Турцію противъ Австріи.

2. Бант. Кам. II, стр. 157.

Единовѣріе было главною причиною возсоединенія Малой Россіи съ Великою. Но неоднократно высказывалась и мысль о соединеніи самой Литвы и Польши подъ властію одного Государя съ Москвою. Много разъ возобновлялся, и въ XVI и въ XVII вѣкѣ, вопросъ объ избраніи Царя Московскаго на престолъ Польскій; и всегда находилъ онъ сильное сочувствіе въ чинахъ В. княжества Литовскаго [1]. Между тѣмъ желаніе ихъ не осуществлялось: препятствія были слишкомъ сильны.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича Россія окрѣпла, стала Державою сильною; Польша приближалась къ своему разложенію. Не находя средствъ положить предѣлъ усиливающейся анархіи, Янъ Казимиръ, въ рѣчи на сеймѣ 1661 года, произнесъ: «Во время междоусобій, насъ раздѣляющихъ, мы должны опасаться вторженія непріятелей и раздробленія республики. Москвитяне—дай Богъ, чтобъ я былъ лжепророкомъ!—овладѣютъ В. княжествомъ Литовскимъ и страною до Буга и Нарева или даже до самой Вислы; курфирстъ Бранденбургскій захватитъ Великую Польшу и другія пограничныя провинціи; не забудетъ себя и Домъ Австрійскій: Краковія и сосѣднія области могутъ достаться ему [2]. Если вѣрить свидѣтельству Пуфендорфа, то въ XVII вѣкѣ уже существовалъ трактатъ о раздѣлѣ Польши [3]. Удивительно ли, что, при такомъ положеніи, мысль примкнуть къ сильной сосѣдней Державѣ высказалась еще съ бо́льшею ясностію, нежели прежде? Нѣсколько разъ (1656, 1667 1674 года) возобновлялись, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, переговоры о сое-

1. Іоаннъ Грозный два раза велъ объ этомъ переговоры съ Польскимъ сеймомъ и особенно съ чинами Литовскими. Съ подобнымъ предложеніемъ прибылъ къ Ѳеодору Іоанновичу посолъ Стефана Баторія Гарабурда; еще сильнѣе высказалась, по смерти Баторія, мысль эта въ желаніи видѣть Ѳеодора его преемникомъ. Она не исчезала и въ XVII вѣкѣ; возобновлялась на Поляновскомъ съѣздѣ 1634 г.

2. Бантке: Ист. государства Польскаго II, пр. 65.

3. Pufendorfi de r. g. Car. Gust. VII, § 4.

диненіи Польши съ Россіею подъ властію одного Государя. Предлагая отъ имени Польскихъ и Литовскихъ вельможъ корону Ягеллоновъ царевичу Ѳеодору, сановникъ Польскій Погожево-Константиновичъ ясно высказалъ (въ 1674 г.) необходимость тѣснѣйшаго союза между двумя народами, единоплеменными, какъ бы самою природою предназначенными къ совокупной жизни [1]. Но соединеніе еще не могло совершиться: его желала только часть обитателей Польши. Оно должно было встрѣтить сильное противодѣйствіе со стороны Римско-Католическаго духовенства, имѣвшаго столь многозначительное вліяніе на политическій бытъ рѣчи посполитой. Самая противоположность во всѣхъ формахъ государственной и общественной жизни обоихъ народовъ долженствовала служить непреодолимымъ препятствіемъ. Униженіе королевской власти въ Польшѣ было несовмѣстно съ достоинствомъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца. «Король Польскій — отзывался не любившій Поляковъ Коллинсъ — ничѣмъ не лучше нарисованнаго весла, которое только кажется, будто правитъ ладьею» [2]; «корону Польскую, по выраженію Ордына-Нащокина, перекупали, какъ товаръ» [3].

---

1. П. С. Зак. № 569: «Давно тѣ обои народы — говорилъ онъ — языкомъ, нравы, строемъ себѣ подобны, по вѣрѣ мало что разны, на единой суще землѣ, безъ раздѣленія моремъ или великою трудностію границъ между собою будуще.... могли бы быти стѣною непреодолѣемою Христіанству, силѣ бусурманской не точію страхованіемъ, но и пагубою.» Также: собр. гос. гр. и дог. IV, № 91.

2 «Нын. состояніе Россіи», стр. 29. Онъ упрекаетъ, между прочимъ, Поляковъ въ томъ, что они превозносятъ Польшу насчетъ всѣхъ другихъ государствъ.

3. М. Н. Капустина: Дипл. св. Росс. стр. 19.

ГЛАВА V.

ВНУТРЕННІЯ НЕУСТРОЙСТВА, БЫВШІЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ ВО ВРЕМЯ БОРЬБЫ ЗА МАЛОРОССІЮ; СЛѢДЫ САМОЗВАНЩИНЫ.

Одною изъ причинъ, которыя замедляли успѣшный ходъ борьбы съ Польшею, было финансовое разстройство, послужившее поводомъ къ разнымъ безпорядкамъ. По заключеніи мира Андрусовскаго, когда надлежало водворить спокойствіе въ новоприсоединенномъ краю, обнаружилось другое зло: вспыхнулъ въ Юговосточныхъ областяхъ Московскаго государства опасный мятежъ Стеньки Разина.

Главнаго источника финансоваго разстройства должно, безъ сомнѣнія, искать въ продолжительныхъ, постоянныхъ напряженіяхъ и пожертвованіяхъ, которыхъ требовала долговременная, затруднительная борьба внѣшняя: но крайность, до которой оно дошло, была прямымъ слѣдствіемъ недальновидности и злоупотребленій нѣкоторыхъ бояръ. Отдавая справедливость характеру Царя благотворительнаго, исполненнаго доброжелательства и снисходительности, иноземные наблюдатели говорятъ, что его можно бъ было поставить на ряду съ мудрѣйшими Государями, еслибъ онъ не былъ окруженъ толпою вельможъ, которые, преграждая каждому доступъ къ нему, или совершенно скрываютъ отъ него жалобы утѣсненныхъ, нужды госу-

дарственныя, пораженія войскъ, или представляютъ всякое дѣло въ ложномъ свѣтѣ, въ видѣ, сообразномъ съ своекорыстными цѣлями своими [1]. Не одинъ Морозовъ возбудилъ ненависть народа. Въ «воровскихъ листахъ», взволновавшихъ чернь Московскую въ 1662 году, появился цѣлый списокъ людей, стакнувшихся съ Польскимъ королемъ и Татарами, другими словами: выведшихъ народъ изъ терпѣнія своими злоупотребленіями. Что касается до мятежа Разина, то здѣсь главную роль играютъ всякаго рода бездомовники, находившіе убѣжище подъ знаменами казачества; здѣсь является на первомъ планѣ противогосударственный элементъ, отживавшій свой вѣкъ на южныхъ окрайнахъ Московскаго царства. Онъ силится сбросить оковы строгаго порядка, которыя мало-по-малу налагало на него восторжествовавшее начало государственное. На Донъ стекались тогда люди бѣглые, укрывавшіеся отъ наказанія, даже приговоренные къ казни преступники. «И бывъ на Дону хотя одну недѣлю или мѣсяцъ — говоритъ Кошихинъ — а лучится имъ съ чѣмъ нибудь пріѣхать къ Москвѣ, и до нихъ впередъ дѣла никакого ни въ чемъ не бываетъ никому, что кто ни своровалъ, потому что Дономъ отъ всякихъ бѣдъ свобождаются. И дана имъ на Дону жить воля своя» [2]. Не трудно было Разину подобрать себѣ лихую шайку изъ такихъ людей; не трудно привлечь къ ней сельчанъ, между которыми еще сохранялось воспоминаніе о томъ времени, когда дѣды ихъ не знали завѣтной поговорки: «вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день!» — Но и среди

1. Колл. стр. 13: «еслибъ не окружало его густое облако доносчиковъ и бояръ, которые направляютъ ко злу его добрыя намѣренія, то его, безъ сомнѣнія, можно бы было поставить съ добрѣйшими и мудрѣйшими государями.» Мейербергъ (p. 87): «ab istis autem gratiosis suis reliquisque primariis ministris ita bonus Alexius obsidetur, ut aditus ad eum nemini pateat. Jpsi vero oppressorum clamores, Regni necessitates, sinistros exercituum casus vel omnino eum celent, vel larva suis intentionibus accomoda personatos ei repræsentent.»

2. Кош. стр. 107.

этой толпы бездомовниковъ раздаются обвиненія противъ злоупотребленій бояръ. Стенька Разинъ, по свидѣтельству современниковъ, распустилъ слухъ, что къ нему бѣжалъ царевичъ Алексій, чтобъ, при его помощи, по приказанію самаго Царя, умертвить бояръ, совѣтниковъ и служителей царскихъ, какъ измѣнниковъ [1]. Ясно, что злоупотребленія многихъ сановниковъ были велики, если столь нелѣпая выдумка могла служить приманкою для черни; если можно было пустить въ ходъ молву, что самъ Царь желаетъ избавиться отъ лицъ, его окружавшихъ. Интриги бояръ играютъ не послѣднюю роль и въ дѣлѣ Никона. Иногда Алексѣй Михайловичъ является даже какъ бы въ сторонѣ. Дѣйствуютъ люди, пользовавшіеся его особеннымъ расположеніемъ, и, къ сожалѣнію, невсегда заслуживавшіе его довѣріе. Потому отсутствіе (за исключеніемъ Ордына-Нащокина, Матвѣева и немногихъ другихъ) истинно-замѣчательныхъ, имѣвшихъ въ виду общее благо дѣятелей на поприщѣ государственномъ, набрасываетъ какую-то тѣнь на многія событія этого царствованія.

Продолжительная борьба съ Польшею и современная ей война со Швеціею требовали значительныхъ пожертвованій со стороны правительства и народа. Походы часто оканчивались большими потерями людей и военныхъ снарядовъ. Повинности и подати, отправляемыя натурою и вносимыя деньгами, съ каждымъ годомъ увеличивались. Для продо-

---

1. Въ брошюрѣ 1671 года, перев. съ Англійскаго на Нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: «Kurtze doch wahrhafftige Erzehlung von der blutigen Rebellion in der Moscau, angerichtet durch den grossen Verräther und Betrieger Stenko Razin», читаемъ: «Solchen seinen losen Fund aller Orten zu schmücken, gab er vor, dass der Herr Sarewits denen mächtigen Händen der Bojaren entflohen und sich zu ihm salviret hette, hinzu thunde, dass er käme auff Befehl Sr. Zaarischen Maj. um alle Bojaren, Räthe, Edeln und allerhand Bediente des Zaars, als Verräther des Landes todt zu schlagen.» Подобный отзывъ относительно бояръ и въ Акт. А. Э. IV № 186: «Они воры писали къ воеводамъ, будто у В. Государя есть бояре измѣнники, бояринъ князь Юрья Алексѣевичь Долгоруково, бояринъ же и оружейничій Богданъ Матвѣевичь Хитрово.»

вольствія ратныхъ людей собирались съ крестьянъ патріаршихъ, монастырскихъ и всякихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ хлѣбные запасы, рожь, мука, сухари, толокно, крупа. Запасы эти, за исключеніемъ отдаленныхъ мѣстъ (гдѣ вообще, вмѣсто поставокъ натурою, прибѣгали къ денежнымъ сборамъ) доставлялись самими крестьянами въ порубежные города. Кромѣ того, «сбирались со всего Московскаго государства, со всякихъ торговыхъ людей и съ вотчинниковыхъ и помѣщиковыхъ крестьянъ и бобылей сперва 20-я деньга, потомъ 10-я, не по одинъ годъ; а въ 1662 и 1663 г. собирали со всякаго чину людей пятую деньгу серебряною монетою» [1]. Недостатокъ пополняли изъ царскихъ приказныхъ и городовыхъ доходовъ. Не смотря на все это, средства, необходимыя для успѣшнаго продолженія войны, болѣе и болѣе истощались. Чтобъ, не отягощая народа, поддержать ихъ, правительство прибѣгло сперва къ произвольному опредѣленію цѣнности монеты; потомъ, не довольствуясь и этимъ, пыталось замѣнить серебряныя деньги мѣдными. Мѣра смѣлая, въ основаніи которой уже лежала мысль, что монета сохраняетъ свое значеніе и въ томъ случаѣ, если будетъ служить однимъ знакомъ, а не залогомъ цѣнности другихъ вещей — но опасная при недостаточномъ развитіи тогдашней финансовой системы, при отсутствіи надлежащаго понятія о кредитѣ и его условіяхъ.

Драгоцѣнные металлы пріобрѣтались въ Россіи путемъ внѣшней торговли; привозились, большею частью чрезъ Архангельскъ, изъ Голландіи, Ганзейскихъ городовъ и т. д. При размѣнѣ товаровъ иностранныхъ на наши, каждый червонецъ принимался по разсчету за рубль, ефимокъ или талеръ за 50 копѣекъ, а въ случаѣ уплатъ наличными, даже за 14 алтынъ или 42 копѣйки. Между тѣмъ, при перечеканкѣ серебра на Московскія деньги, получалось изъ ефимка по 21 алтыну и 2 деньги (63—65 коп.); слѣдова-

1. Кош. стр. 108.

тельно значительная выгода была уже на сторонѣ казны [1]. Чтобъ, при началѣ войны съ Польшею, увеличить средства государства, придали Голландскимъ ефимкамъ, поступавшимъ отъ таможеннаго сбора, вмѣсто ихъ истиннаго достоинства, цѣнность рубля; и, для избѣжанія перечеканки, довольствовались тѣмъ, что снабжали ихъ царскимъ штемпелемъ. Старые талеры, по-прежнему, принимались въ казну за 14 алтынъ; снабженные же печатьми какъ выдавались изъ казны, такъ и принимались въ нее и ходили въ торговыхъ оборотахъ по установленной цѣнѣ [2]. Они удерживали ее, пока не стало увеличиваться количество фальшивой монеты, не поколебалось общее довѣріе. Тогда, не смотря на мѣры строгости, всѣ товары начали возвышаться въ цѣнѣ; крестьяне перестали привозить въ городъ предметы, необходимые для домашняго обихода. Между тѣмъ правительство, по плану окольничаго Ѳ. М. Ртищева [3], рѣшилось замѣнить серебряныя копѣйки мѣдными; начало чеканить мѣдныя деньги одинаковой величины и формы съ серебряными и выпускать ихъ по одной съ послѣдними цѣнѣ. Въ пять лѣтъ было пущено въ обращеніе

---

1. Кошихъ. стр. 77: «и изъ тѣхъ ефимковъ, или изъ серебра въ серебряныхъ денгахъ Царю бываетъ прибыль великая, потому что ефимки и серебро приходятъ дешевою цѣною, а въ дѣлѣ Московскихъ денегъ выходитъ изъ ефимка по 21 алтыну по 2 деньги, и отъ всякаго ефимка прибыли Царю по 7 алтынъ по 2 деньги и по 8 алтынъ.» У Мейерберга (путешествіе въ Россію, изд. Аделунга) стр. 174 и слѣд.

2. Путеш. Мейерберга, изд. Аделунга, стр. 174—176.

3. Берхъ (стр. 118) называетъ Ртищева человѣкомъ недальнимъ за то, что онъ думалъ кускомъ мѣди въ пятакъ величиною замѣнить талеры и получервонцы. — Но не напоминаетъ ли его планъ пресловутое предпріятіе Джона Ло, воображавшаго, конечно при другихъ условіяхъ и средствахъ, что онъ въ состояніи произвести переворотъ, который далеко оставитъ за собою и открытіе Индіи и введеніе кредита? — Ртищевъ, нѣкоторымъ образомъ, предупредилъ государственныхъ мужей новѣйшихъ временъ, когда подобныя средства сдѣлались любимыми финансовыми операціями съ тою только разницею, что, вмѣсто мѣди, стали употреблять болѣе удобныя въ обращеніи ассигнаціи. Ошибка заключалась не въ самомъ средствѣ, а въ умѣньѣ имъ воспользоваться.

огромное количество [1]; и, въ продолженіе первыхъ трехъ, курсъ удержался почти наравнѣ съ номинальною цѣною. Но чрезмѣрный выпускъ, появленіе множества фальшивой монеты, корыстолюбіе и злоупотребленія нѣкоторыхъ бояръ и другихъ людей, приставленныхъ къ монетному дѣлу, имѣли гибельныя слѣдствія. Серебро исчезло изъ обращенія; остались однѣ мѣдныя деньги. Тогда цѣнность ихъ стала быстро упадать. Въ 1659 году платили еще за 100 копѣекъ серебряныхъ только 104 мѣдныхъ; въ 1661-мъ уже 200; въ 1662-мъ отъ 300—900, а въ 1663 году не брали за 100 сер. и 1500 мѣдью [2]. Правительство видѣло злоупотребленія; убѣдилось, что «отъ воровскихъ поступковъ одешевѣли мѣдныя деньги, товары и запасы вздорожали и ратные всякихъ чиновъ люди и иноземцы поизнужались». Оно вооружилось противъ «денежныхъ воровъ», занимавшихся приготовленіемъ фальшивой монеты, противъ лицъ, которыя были приставлены къ пріему и расходу мѣди и денегъ, и Государеву «денежную казну многую крали, и сами сносили и свозили и стороннимъ людямъ сносить и свозить давали, и мѣдь привозя свою и принимая у стороннихъ людей въ деньги дѣлали многожды, и отъ того воровства обогатѣли большимъ богатствомъ, и на тѣ воровскія деньги дворы и всякіе заводы и промыслы по-

---

1. По свидѣтельству Мейерберга казна въ 5 лѣтъ выпустила до 20 милліоновъ; кромѣ того, И. Д. Милославскій болѣе 100,000 въ собственную пользу. Много привозилось фальшивой монеты изъ-за границы; еще болѣе приготовлялось въ Россіи, не смотря на всю строгость наказаній. Если имъ подвергались люди незначительные, то богатые («возмутилъ ихъ разумъ діаволъ — говоритъ Котошихинъ — что еще несовершенно богати») отъ своихъ бѣдъ откупались, давали въ Москвѣ посулы большіе царскому тестю И. Д. Милославскому, да думному дворянину Матюшкину. На самыхъ монетныхъ дворахъ, вмѣстѣ съ царскою монетою, чеканилась и воровская въ пользу людей, которымъ ввѣренъ былъ присмотръ. Когда жъ стрѣльцы и денежные мастера донесли наконецъ на этихъ корыстолюбцевъ, то они съ пытокъ показывали, что надѣялись избавиться отъ казни покровительствомъ Милославскаго, Матюшкина, дьяковъ и подъячихъ «имавшихъ посулы большіе.»

2. Мейерб. стр. 180.

строили, а покупали и заводили большою дорогою цѣною» [1].

Строгость мѣръ, употребленныхъ противъ виновныхъ, объясняется необходимостью искоренить зло, пустившее слишкомъ глубокіе корни: «за это плутовство денежнымъ воромъ, и дьякомъ, и подъячимъ, и головамъ и цѣловальникамъ и всякихъ чиновъ людямъ сотенъ гостиной, суконной и разныхъ слободъ учинили казни, заливали горло, отсѣкали руки и ноги и пальцы отъ рукъ и ногъ и ссылали въ ссылку въ дальніе города». Число этихъ преступниковъ было такъ велико, что уже въ 1661 году, въ бытность Мейерберга въ Москвѣ, до 400 сидѣло въ тюрьмахъ. Но строго карая людей незначительныхъ, были снисходительны къ главнымъ виновникамъ злоупотребленій, боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому и думному дворянину Матюшкину, которые «за большіе посулы» не только покровительствовали другимъ, но и выпускали мѣдныя деньги въ свою пользу. Довольствовались тѣмъ, что «на того боярина Царь былъ долгое время гнѣвенъ, а думнаго человѣка отставили прочь отъ приказу» [2]. Такая снисходительность имѣла слѣдствіемъ общее неудовольствіе и волненіе въ народѣ. Подготовленное современными обстоятельствами — дороговизною, тяжкими налогами, продолжительными неудачами въ войнѣ съ Польшею —, оно, въ Іюлѣ 1662 года, обратилось въ открытый мятежъ.

«И тѣхъ воровъ (т. е. наказанныхъ за поддѣлку монеты) товарищи — говоритъ Котошихинъ — видя, что тому боярину и думному человѣку, за ихъ воровство не учинено ничего, умыслили написать на того боярина и на иныхъ трехъ воровскіе листы, чѣмъ бы ихъ известь и учинить въ Москвѣ смуту для грабежу домовъ, будто тѣ бояре ссылаются листами съ Польскимъ королемъ, хотя Московское

---

1. Окружная грамота Царя къ Туринскому воеводѣ Трегубову въ П. С. З. № 344 и въ собр. г. гр. и д. № 33.
2. Котош. стр. 80.

государство погубить и поддать Польскому королю». Листы эти были прибиты къ стѣнамъ и воротамъ въ разныхъ частяхъ города; въ нихъ названы измѣнниками нелюбимые бояре: И. Д. Милославскій, Ив. Андр. Милославскій, Сем. Лукьян. Стрѣшневъ, Ѳ. М. Ртищевъ и Б. М. Хитрово [1]. Чернь собралась на лобномъ мѣстѣ; выслушала содержаніе листовъ; устремилась, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, въ село Коломенское, гдѣ тогда находился Царь съ семействомъ и ближними людьми. Она окружила дворецъ, и «съ большимъ невѣжествомъ учала бить челомъ» о выдачѣ ненавистныхъ бояръ на убіеніе [2]. Обвиняемыхъ поспѣшили скрыть. Самъ Царь вышелъ къ мятежникамъ, и сталъ уговаривать ихъ «тихимъ обычаемъ», обѣщая, по окончаніи обѣдни, быть въ Москву и «въ томъ дѣлѣ учинить сыскъ и указъ» [3]. Слова его подѣйствовали. Чернь возвращалась уже въ столицу; грабежи, начавшіеся въ послѣдней, также были пріостановлены боярами. Но между тѣмъ другіе мятежники успѣли захватить 15 лѣтняго сына гостя Шорина, собиравшаго во всемъ государствѣ 5-ю деньгу; угрозами принудили его къ показанію, будто его отецъ наканунѣ, съ воровскими листами измѣнниковъ, отправился въ Польшу. Новыя толпы двинулись къ Коломенскому; увлекли съ собою возвращавшихся, опять окружили дворецъ, и, требуя выдачи бояръ, грозили: «будетъ имъ добромъ тѣхъ бояръ не отдадутъ, и они учнутъ искать сами по своему обычаю». Алексѣй Михайловичъ убѣдился въ необходимости прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Изъ Мо-

---

1. Мейерб. (во Фр. пер. стр. 349).

2. Собр. гос. грам. и дог. IV, № 23: окружная грамота Царя къ воеводамъ разныхъ городовъ о бывшемъ въ Москвѣ мятежѣ. Котошихинъ (стр. 81) разсказываетъ подробнѣе.

3. Для успокоенія столицы былъ немедленно отправленъ кн. И. А. Хованскій. Но онъ не могъ остановить новой толпы, стремившейся въ Коломенское. Мятежники говорили ему, что онъ «де человѣкъ добрый и имъ до него дѣла нѣтъ, но чтобъ имъ Царь выдалъ головою измѣнниковъ бояръ, которыхъ они просятъ»

сквы прибыли на помощь стрѣльцы. Онъ приказалъ имъ и окружавшимъ его стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, жильцамъ, дѣтямъ боярскимъ ударить на мятежныя толпы. Послѣднія, большею частью безоружныя, обратились въ бѣгство. Множество погибло; другіе повѣшены или заключены въ тюрьмы. По прибытіи въ Москву, Царь велѣлъ произвести слѣдствіе надъ преступниками. Всѣхъ зачинщиковъ, грабителей, безъ милосердія, предали казни; остальныхъ, съ семействами, сослали въ Сибирь [1]. Служилые люди, за усердіе и вѣрность, оказанныя ими при усмиреніи мятежа, щедро награждены [2]. По свидѣтельству Котошихина, никто изъ иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ, не принималъ участія въ безпорядкахъ. Берхъ напрасно и этотъ бунтъ приписываетъ проискамъ иностраннаго купечества, недовольнаго торговыми ограниченіями. Причины были, какъ мы видѣли, совершенно иныя.

Постигнувъ ихъ, Алексѣй Михайловичъ «указалъ на Москвѣ и въ Великомъ Новѣгородѣ и во Псковѣ денежнаго мѣднаго дѣла дворы отставить и маточники и чеканы въ тѣхъ городѣхъ собравъ всѣ, прислать къ Москвѣ въ приказъ Большія Казны, а старой денежной серебрянаго дѣла дворъ на Москвѣ завесть и серебряныя деньги на немъ дѣлать» [3]; всѣ сборы производить, вино въ кружечныхъ дворахъ продавать и долги платить на серебро; «также и въ рядѣхъ всякихъ чиновъ людямъ торговать всякими товары, и хлѣбными запасы и съѣстными на серебряныя деньги» [4]. Служащимъ еще прежде, вслѣдствіе жалобъ, что

1. Собр. гос. гр. и дог. IV, № 23: «и мы Великій Государь указали и бояре наши приговорили: тѣхъ воровъ пущихъ заводчиковъ казнить смертью, а инымъ чинить жестокое наказаніе безъ пощады и сослать въ ссылку въ дальніе города на вѣчное житье.»

2. Котош. стр. 81 и т. д.; собр. гос. гр. и дог. IV, стр. 76 и 77. Берхъ ссылается также на разсказъ объ этомъ событіи въ Theatrum Europaeum.

3. П. С. З. I, № 339 и собр. гос. гр. и дог. IV, № 29.

4. П. С. Зак. I, № 339 и слѣд. — Собр. гос. гр. и д. IV, № 29, 30, 31.

они на мѣдныя деньги ничего купить не могутъ, предписано было выдавать жалованье серебромъ [1]. Наконецъ, для предупрежденія всѣхъ дальнѣйшихъ безпорядковъ, мѣдная монета была вовсе отмѣнена. Послѣдовалъ указъ (1663 г.): «мѣдныя деньги сливать, а не сливъ никому у себя не держать [2], изъ опасенія (говоритъ Котошихинъ), чтобъ тѣхъ денегъ не посеребривали и не бѣлили и съ серебряными деньгами не мѣшали.» Желающимъ предоставлено право, въ назначенный срокъ, приносить ихъ въ казну съ полученіемъ за рубль мѣдью двухъ копѣекъ серебромъ [3].

Такъ кончился этотъ финансовый кризисъ, сопряженный съ разореніемъ общества. Обстоятельства, его сопровождавшія, были ужасны. «Людей (по свидѣтельству Котошихина) за тѣ деньги, какъ они ходили, за ихъ воровство, что ихъ дѣлали и чинили смуту, казнено въ тѣ годы смертною казнію больше 7000 человѣкъ»; ссылкѣ подверглось болѣе 15,000. «И много изъ того погибло честныхъ и знатныхъ и богатыхъ людей». Можно себѣ, послѣ этого, легко представить, какое гибельное вліяніе должны были имѣть подобные безпорядки на нравственность народа.

Еще не изгладились слѣды ихъ, когда въ Юговосточныхъ областяхъ государства открылось новое зло: явился Стенька Разинъ, сперва какъ удалой разбойникъ, потомъ какъ явный мятежникъ. Цѣлымъ рядомъ злодѣяній увѣковѣчилъ онъ свое имя въ преданіи и пѣсняхъ народныхъ.

Поклявшись, какъ разсказываютъ современные иностранные писатели [4], отмстить за смерть брата, казненна-

---

1. П. С. З. I, № 344 и Собр. гос. гр. и дог. IV, № 33.
2. Собр. гос. гр. и дог. IV, № 32; П. С. З. I, № 343.
3. Котош. 78—83; Мейерб. (изд. Адел.) стр. 178, 179.
4. Kurtze Erzehlung v. d. blut. Rebellion d. Stenko Razin (Emden 1671), стр. 2. Сочиненіе это переведено съ Англійскаго и существуетъ также въ современномъ Франц. пер: «Relation des particularités de la rebellion de Stenko Razin (Paris 1672); «оно оканчивается словами: «Dieu Tout-Puissant vueille donner au grand Czar Alexis

го, вмѣстѣ съ другими зачинщиками, воеводою кн. Ю. А. Долгоруковымъ за непокорность во время похода (1665 г.) противъ Польши [1], Разинъ набралъ себѣ лихую шайку изъ разнаго рода бродягъ и преступниковъ [2]. Весною 1667 года началъ онъ съ нею грабить на Дону; потомъ перебрался на Волгу, такъ часто служившую поприщемъ для казацкаго удальства и разбоевъ. Не стало отъ него прохода торговымъ судамъ. Соединившись съ атаманомъ другой шайки, Ѳедькою Сукинымъ, удалой разбойникъ взялъ Яицкій городокъ, разорилъ многіе Татарскіе улусы, захватилъ нѣсколько Персидскихъ судовъ, ограбилъ города Баку, Астрабадъ, Ферабадъ и другіе, избилъ безщадно множество мирныхъ жителей. Два отряда, высланные противъ него, не имѣли успѣха. Опасаясь распространенія мятежа, Московское правительство прибѣгло къ другому средству: обѣщало, въ случаѣ раскаянія, прощеніе. Обстоятельства заставили Разина воспользоваться предложе-

---

Michalovitz la Victoire sur tous ses Ennemis. (A Archangel 1671.) Также диссертація: Stephanus Razin Donicus cosacus perduellis, publicæ disquisitioni exhibitus praeside C. S. Schurtzfleisch, respondente J. J. Martio D. 29. Quintil. a. 1674, Wittenbergæ a. 1683. (Авторъ былъ въ Россіи во время возмущенія). Важный источникъ отечественный для исторіи этого событія заключается въ «Дѣлѣ о бунтѣ Разина и о его сообщникахъ» (гдѣ помѣщены ихъ рѣчи въ допросахъ и пыткахъ) въ Акт. Истор. IV, № 202. Сюда же отн. нѣсколько грамотъ и т. д. въ актахъ Арх. Эксп. IV, (№ 177 и пр.); П. С. Зак. № 503 и т. д.; въ Собр. гос. гр. и дог. IV, № 71, 72, 74, 75, 77. Должно также упомянуть о сочиненіи Ригельмана: «исторія или повѣствованіе о Донскихъ казакахъ», изд. Общ. ист. и др. Въ немъ находятся многія извѣстія о мятежѣ Разина, собранныя авторомъ на мѣстѣ происшествія и изъ достовѣрныхъ источниковъ. (О Ригельманѣ см. «историческое извѣстіе» О. М. Бодянскаго въ Чт. Имп. Общ. ист. и др. 1848). Существуетъ еще въ рукописи сочиненіе боярскаго сына Золотарева: «Исторія о Астраханскомъ бунтѣ казака Стеньки Разина.»

1. Казаки, вопреки приказанію Долгорукова, оставили лагерь, чтобъ возвратиться домой по окончаніи похода: за это зачинщики были казнены.

2. «Tantus flagitiosum hominum concursus est factus, ut non sponte ad Ratzinum profecti, sed spe impunitatis ad eum acersiti viderentur.» (Diss «Steph. Razin», § 11.)

ніемъ. Въ схваткѣ съ Персіянами, окружившими разбойниковъ на одномъ изъ острововъ Каспійскаго моря, лишился онъ многихъ людей; съ другой стороны, опасался отряда, съ которымъ Астраханскій воевода кн. Прозоровскій былъ готовъ ударить на него. Онъ изъявилъ покорность, далъ присягу въ ненарушимой вѣрности и, съ главными сообщниками своими, возвратился на Донъ, въ прежнія жилища. Но мѣра эта только на время прекратила разбои.

На Дону, съ 1643 года, находился постоянно царскій воевода съ отрядомъ стрѣльцовъ для удержанія въ повиновеніи атамановъ. Потому тамъ было много людей, недовольныхъ ограниченіемъ казацкой воли и запрещеніемъ грабежей. Отозвались и волненія, распространившіяся, послѣ заключенія Андрусовскаго мира, по всей Малороссіи. Стенька Разинъ, который и на родинѣ дозволялъ себѣ противозаконные поступки, не могъ долго оставаться въ покоѣ послѣ того, какъ разъ испыталъ удачу разбоя. Онъ, въ 1670 г., снова принялъ начальство надъ полчищами злодѣевъ, явился на Волгѣ, истребилъ множество Татарскихъ селеній, взялъ Царицынъ и другія мѣста. Надежда обогатиться добычею и страхъ подвергнуться смерти за сопротивленіе разбойнику увеличивали, съ каждымъ днемъ, число его приверженцевъ. Отрядъ, высланный противъ него изъ Астрахани подъ предводительствомъ стольника кн. Львова, измѣнилъ. Начальные люди преданы смерти; воевода попался въ плѣнъ и оставленъ за карауломъ. Подступивъ къ Астрахани, Разинъ простоялъ предъ нею только одни сутки. Въ Іюнѣ 1670, «ночью городъ былъ взятъ приступомъ чрезъ измѣну» [1]. Воевода кн. С. И. Прозоровскій выведенъ изъ церкви и брошенъ съ раската [2]. Братъ

1. Собр. гос. гр. и дог. IV, № 71.

2. Акты Арх. эксп. IV, № 177.—Въ Собр. г. гр. и д. IV, № 71: «Боярина князя Ивана Семеновича Прозоровскаго раненa велѣлъ онъ Стенька спихнуть съ роскату».

его, смертельно раненный на стѣнѣ, дьяки, подъячіе, полковники, головы стрѣлецкіе, Московскіе дворяне и служилые иностранцы также были лишены жизни; царская казна расхищена [1]; Персидскіе, Бухарскіе, Армянскіе купцы ограблены вмѣстѣ съ богатыми гражданами, отчасти и побиты; не пощажены самые монастыри и церкви [2]. Пробывъ въ Астрахани три недѣли съ половиною, Разинъ поручилъ начальство въ ней казаку Васькѣ Усу, и, взявъ съ собою половину Астраханцевъ и Московскихъ служилыхъ людей, пустился съ шайками своими вверхъ по Волгѣ на стругахъ и сухимъ путемъ. Сообщники его разсѣялись повсюду, чтобъ взволновать народъ. Обѣщали черни свободу; распустили слухъ, что въ войскѣ ихъ атамана находятся царевичъ Алексій (старшій сынъ Царя, скончавшійся 17 Янв. 1670 г.), будто бы бѣжавшій отъ бояръ, и гонимый патріархъ Никонъ. Чтобъ усилить дѣйствіе обмана, приготовили для обоихъ великолѣпно украшенныя суда. Многіе вѣрили; думали, что возстаютъ за доброе дѣло. [3] Большая часть руководилась иными побужденіями: приставала къ разбойнику, не уважавшему и народныхъ обычаевъ, для того, чтобъ разбойничать вмѣстѣ съ нимъ. [4] Взволновалась вся область Волжская до Алатыря и Арзама-

1. Собр. гос. гр. и дог. IV, № 71: «Выписка изъ донесенія Помѣстнаго приказа Подьячаго Наума Колесникова, посыланнаго въ Персію, о взятіи Астрахани казакомъ Стенькою Разинымъ, о смертоубійствахъ и грабежахъ его, и о походѣ сего злодѣя на Саратовъ». Извлеченіе изъ этого акта у Арцыб. VI, стр. 160—161.

2. Стенька хотѣлъ было убить и царскаго гонца Колесникова: «да упросили объ немъ половяники шесть человѣкъ, которыхъ онъ вывезъ съ собою въ Астрахань изъ Персидскія земли».

3. Акты ист. IV, № 218: «и изъ-подъ Синбирска онъ же воръ Стенка Разинъ съ товарищи послали въ розные мѣста товарищевъ своихъ, такихъ же воровъ, съ воровскими прелестными писмами, на соблазнъ незнающимъ бездомовнымъ людямъ; и по тѣмъ прелестнымъ писмамъ воровскимъ незнающіе и бездомовные люди, въ розныхъ мѣстахъ, пошатались и къ нимъ ворамъ пристали». То же въ Собр. г. гр. IV, № 74.

4. Собр. г. гр. № 71: «А поста де онъ Стенька не имѣетъ, всегда ѣстъ мясо и держится богомерзкихъ сатанинскихъ дѣлъ».

са; поднялась Черемиса, Мордва; возстали крестьяне противъ помѣщиковъ; волненіе отзывалось въ самой столицѣ [1]. Число мятежниковъ возрасло до 200,000. Саратовъ и Самара были взяты; воеводы и люди чиновные подверглись смерти. Разинъ подступилъ (въ Сентябрѣ 1670 г.) къ Симбирску — но здѣсь встрѣтилъ сильный отпоръ отъ воеводы Ив. Богд. Милославскаго. Не смотря на всѣ усилія мятежниковъ: «приступы были жестокіе и примѣты огненныя страшныя» [2]—они потерпѣли пораженіе. Самъ Разинъ, раненный, поспѣшно удалился на судахъ къ Самарѣ. Между тѣмъ кн. Ю. А. Долгоруковъ у села Панова (между Арзамасомъ и Алатыромъ) нанесъ рѣшительное пораженіе другимъ многочисленнымъ шайкамъ бродягъ и, чтобъ подѣйствовать страхомъ наказанія, казнилъ изъ нихъ нѣсколько тысячъ [3]. Сволочь Разина разсѣялась по разнымъ мѣстамъ. Она еще успѣла овладѣть монастыремъ Св. Макарія Желтоводскаго; особенно упорно держалась въ селахъ Лысковѣ и Мурашкинѣ. Плѣнные на вопросы: «какую цѣль они имѣли въ виду?» прямо сознавались, что были намѣрены идти къ Москвѣ, чтобъ перебить великихъ бояръ. Такое ожесточеніе должно было вызвать страшное мщеніе со стороны царскихъ воеводъ: пощады не давали никому. Отряды, разосланные Долгоруковымъ, восторжествовали наконецъ вездѣ; кн. Щербатовъ казнями усмирилъ мятежниковъ въ Тамбовѣ. Самъ Разинъ былъ вторично разбитъ ниже Симбирска и принужденъ бѣжать въ степи. Его преслѣдовалъ атаманъ Корнилій Яковлевъ съ

---

1. Erzähl. v. d. Reb. d. St. Raz: «Man fing auch selbst in der Stadt Moscau an diesen Stenko zu rühmen, als der allein die Wohlfahrt der Gemeinde u. ihre Freiheit suchte»

2. Собр. гос. гр. и д. IV, № 72.

3. Erz v. d. Reb: In einer Frist v. 3 M. sind selbiger Gegend durch Scharf-Richter-Hände 11,000 Menschen auff vorhergehende Zeugen-Verhör mit Urtheil und Recht am Leben bestrafft worden». Въ актахъ ист. IV, № 218: «и многихъ живыхъ поимали; и тѣ воры пытаны и кажнены, и перевѣшаны и четвертованы.»

вѣрными Донцами. Они настигли мятежниковъ около Царицына. «Милостію Божіею и всѣхъ Святыхъ молитвами и его Великаго Государя и его государскихъ благородныхъ чадъ счастіемъ городъ Кагалникъ приступомъ взяли и сожгли и воровъ Стенкиныхъ товарищей Разина всѣхъ, за ихъ измѣну, побили, а ихъ воровъ и богоотступниковъ Стенку и брата его Фролка Разиныхъ живыхъ поимали и привезли въ Москву.»[1] Разбойниковъ ввезли въ столицу тѣмъ же обычаемъ, какимъ Петръ впослѣдствіи почтилъ измѣнника Якова Янсона[2]. Твердость не оставляла Стеньку и во время пытки и казни. Онъ ободрялъ унывавшаго брата и умеръ, не испустивъ ни одного вздоха. «И тотъ богоотступникъ, воръ и измѣнникъ за свое воровство на Москвѣ четвертованъ и разбитъ на колье.»[3] Но смертью главнаго виновника еще не прекратилась смута.

Сообщники Разина, остававшіеся въ Астрахани, узнавъ, что онъ отвезенъ въ Москву, нашли себѣ другаго вождя въ Донскомъ казакѣ Ѳедькѣ Шелудякѣ и двинулись къ Симбирску.[4] Чтобъ еще болѣе утвердить за собою Астрахань, рѣшились они отдѣлаться отъ митрополита Іосифа и воеводы кн. С. Львова; изъ Царицына послали письмо къ Васькѣ Усу и Астраханцамъ съ увѣдомленіемъ, что оба сносились съ Московскими боярами, отвлекли Донъ и Терекъ, и погубили Разина. Письмо было прочитано въ кругу; опредѣлено убить обвиняемыхъ. Святителя пытали на зелейномъ дворѣ, потомъ сбросили съ раската.[5] Князю Львову, по многихъ мукахъ, отрубили голову; побили остальныхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и людей приказ-

1. Акты Арх. эксп. IV, № 185.

2. Т. е. на телѣгѣ подъ укрѣпленною къ ней висѣлицею, украшенною всѣми орудіями казни. Подр. описаніе въ «Erz. v. d. Reb.»

3. А. Арх. э. IV, № 185.— Въ Соликамской лѣт: «живой разсѣченъ; псамъ на съѣденіе отданъ».

4. П. С. Зак. № 504; Собр. г. гр. и д. IV, № 77.

5. Акты ист. IV, № 226. Также въ «Іерархіи Вятской и Астраханской», сост. Преосв. Платономъ Любарскимъ (въ Чт. общ. ист. и др.

ныхъ [1]. Но между тѣмъ Шелудякъ, самонадѣянно приближавшійся къ Симбирску, былъ разбитъ и съ немногими сообщниками возвратился въ Астрахань. Здѣсь занялъ онъ мѣсто Уса, умершаго «злою смертію» [2]. Ненадолго. Вслѣдъ за тѣмъ явился отрядъ стрѣльцовъ подъ предводительствомъ И. Б. Милославскаго, осадилъ Астрахань и, побивъ многихъ мятежниковъ, принудилъ городъ къ сдачѣ. «Унявъ воровъ отъ воровства,» Милославскій возстановилъ спокойствіе въ Астраханской области. Шелудякъ и главные сообщники его, «по своимъ злымъ дѣламъ достойные смертнаго посѣченія», были казнены или померли отъ ранъ; менѣе виновные помилованы [3].

Мятежъ прекратился. Но усмиреніе его стоило слишкомъ дорого государству: кромѣ казненныхъ, погибло въ Приволжскихъ областяхъ болѣе 100,000 жителей [4].

Обнаруживались, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и слабые слѣды недавней самозванщины: явленіе

1848). Мятежники потребовали Іосифа въ свой кругъ. Онъ явился въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, окруженный священниками. Смѣло отвѣчалъ на обвиненія: «хотя бъ я и переписывался, то не въ Крымъ и въ Литву; да и вамъ говорю: чтобъ вы отъ воровства отстали и великому Государю вины свои принесли». «Что де онъ таитъ свое воровство? какой онъ правый человѣкъ?» кричали злодѣи: «что де онъ пришелъ въ кругъ съ крестомъ, будто къ иновѣрнымъ; мы и сами Христіане». Тогда уже хотѣли сорвать съ Митрополита святительскія одежды. Донской казакъ Миронъ, пытавшійся остановить товарищей, палъ жертвою своей смѣлости. Видя озлобленіе враговъ, святитель произнесъ: «уже пріиде часъ мой!» и велѣлъ разоблачить себя. Казаки выбили священниковъ изъ круга, отвели Митрополита на зелейной дворъ; стали пытать, положивъ на огонь. Одинъ изъ злодѣевъ, по имени Севька Сука, наступивъ ногою на мученика, приговаривалъ: «скажи де ты, Митрополитъ, про свое воровство, какъ ты переписывался съ Терекомъ и Дономъ?»—Іосифъ не отвѣчалъ. — «И повели его съ пытки на роскатъ. И какъ онъ шелъ мимо, убіеннаго казака Мирона тѣло осѣнилъ и поклонился; на соборную церковь онъ святитель помолился. И возведши на роскатъ.... положили его на бокъ, и покатомъ его сверху низринули.»

1. Акты ист. IV, № 202.
2. Арцыб. VI, пр. 957.
3. П. С. Зак. I, № 504.
4. Erz. v. d. Reb. d. Stenko Razin.

запоздалое не могло уже поколебать спокойствія государства.

Въ первые годы этого царствованія явились два самозванца въ Константинополѣ. [1] Первый, выдававшій себя за сына Разстриги, былъ присланъ къ султану Крымскимъ ханомъ; обѣщалъ, если, при помощи Турокъ, доведется ему быть на Московскомъ государствѣ, уступить имъ Казань и Астрахань; [2] принятъ съ честію и получилъ приличное содержаніе. Второй сказывался сыномъ Царя В. І. Шуйскаго; по впослѣдствіи оказалось, что онъ былъ Вологодскій уроженецъ Тимошка Анкудиновъ, который, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, служивъ подъячимъ въ Москвѣ, промоталъ казенныя деньги, сжегъ домъ свой и бѣжалъ на чужбину. [3] Не долго, впрочемъ, пользовались оба мнимые царевича почетомъ въ Константинополѣ: визирь и другіе Турецкіе вельможи скоро увѣрились, что они «люди простые, воры и бездѣльники.» Первый, за распутную жизнь, былъ даже заключенъ въ темницу; Анкудиновъ, настоятельно требовавшій аудіенціи у султана, докучливостью своею надоѣлъ визирю и былъ выгнанъ изъ его дома. Послѣ этого явился онъ въ Венеціи [4]; потомъ жилъ въ Польшѣ, гдѣ все еще не пропускали случая вредить Московскому государству. При жизни Владислава, самозванецъ нашелъ здѣсь даже хорошій пріемъ. Но когда, по смерти этого короля, перестали на него обращать вниманіе, онъ удалился въ Трансильванію; странствовалъ по разнымъ землямъ, изъявляя готов-

1. Собр. гос. гр. и дог. III. № 123 и 127: «выписки изъ грамотъ къ Царю А. М. отъ Ѳессалійскаго архіепископа и Цареградскаго архимандрита Амфилохіяъ.

2. Собр. гос. гр. и дог. III, № 123. «Обѣщалъ еще и кромѣ того многое (*Αυτὰ καὶ ἄλλα περισσότερα ἔταξε τοὺς Τούρκους*)»—прибавляетъ архіепископъ въ своемъ посланіи.

3. Собр. г. гр. и дог. III, № 127: «онъ билъ на Москвѣ подъячемъ... и укралъ билъ Государево деньги двѣсто рублевъ» и т. д.

4. Собр. г. гр III, № 132, гдѣ находится свидѣтельство, данное имъ Венец. жителю Анастасію Меляндру, оказавшему ему особенное гостепріимство.

ность явиться даже съ повинною въ Москву, если Государь, по отпискамъ его, посланнымъ въ Посольскій приказъ, «учинитъ указъ милостивый и увѣритъ его крестнымъ цѣлованьемъ и истиннымъ словомъ царскимъ.»[1] Бродяга былъ наконецъ выданъ герцогомъ Голштинскимъ и (1654 г.) казненъ въ Москвѣ.

Въ 1674 году явился еще самозванецъ, сказавшійся сыномъ самаго Царя Алексѣя Михайловича, царевичемъ Симеономъ.[2] Онъ нашелъ опору въ остаткахъ шайки Разина, которые, намѣреваясь снова пуститься на грабежи, собрались на Донцѣ подъ начальствомъ казака Міузскаго; показался съ ними въ Запорожьѣ; объявилъ, что прежде скрывался у самаго Разина; думалъ, побывавъ тайно въ Кіевѣ, ѣхать въ Польшу.[3] Но правительство Московское, узнавъ о его появленіи, рѣшилось предупредить самую возможность смуты. Донцы получили повелѣніе, соединясь съ царскимъ отрядомъ подъ предводительствомъ думнаго дворянина Хитрово, истребить шайку Міузскаго; потомъ предписано было гетману Самойловичу, Кіевскому воеводѣ князю Трубецкому и особенно Запорожскому кошевому Сѣркѣ схватить лжецаревича и выслать его въ Москву.[4] Сѣрко былъ принужденъ повиноваться строгому указу царскому; представилъ бродягу. Послѣдній сознался, что онъ «родомъ Полякъ, Ивашко Андрѣевъ сынъ, прозвище Во-

---

1. Доп. къ акт. ист. III, № 73, гдѣ находятся письма къ Путивльскому воеводѣ кн. Сем. Прозоровскому и къ Греку Ивану Петрову, равно какъ пыточныя рѣчи этого самозванца. Въ письмахъ называетъ онъ себя Шуйскимъ; изъ пыточныхъ рѣчей оказывается, что онъ сынъ какого-то холщевника Вологодскаго. О судьбѣ его см. Олеарія, стр. 120—125, Гадебуша: Livländ. Jahrbücher III, I, 183—185; Собр. госуд. гр. и дог. № 125 и 127. Странствованія Анкудинова описаны подробно также у Лакомба въ его: Historia odmian zasztych w panstwie rossyiskim, см. Арцыб. VI, пр. 583.

2. Царевичъ этотъ род. 1665, сконч. 1669 года, а самозванцу, по его показанію, было 22 года (Акты ист. IV. № 247).

3. Арцыб. VI, пр. 980.

4. П. С. Зак. № 560, 566, 567 и т. д.; то же въ собр. г. гр. и дог. IV, № 87, 89, 90 и т. д.

робьевъ; а отецъ его Андрюшка былъ мѣщанинъ, а служилъ въ Литвѣ у етмана Вешневитцкаго». Его постигла жестокая казнь: «чтобъ на воревскія прелести впредь не прельщались и не вѣрили»[1].

---

1. Акты ист. IV, № 247: «его вора четвертовали и по кольямъ растыкали на Красной площади.»

ГЛАВА VI.

ВИДЫ НА ПРИБАЛТІЙСКІЯ ЗЕМЛИ; ВОЙНА СО ШВЕЦІЕЮ; ПЕРЕМИРІЕ ВАЛІЕСАРСКОЕ; МИРЪ ВЪ КАРДИСѢ.

Со времени царствованія Іоанна IV, Московское правительство не упускало, какъ мы видѣли, изъ виду важнаго вопроса о пріобрѣтеніи земель Прибалтійскихъ. Но рѣшеніе его было отдалено миромъ Столбовскимъ, который Густавъ Адольфъ называлъ однимъ изъ величайшихъ благодѣяній Божіихъ для Швеціи. Миръ этотъ, по словамъ славнаго врага нашего, отстранилъ опасное для нея соперничество государства, котораго предѣлы уже простирались до Сѣвернаго и Каспійскаго морей, приближались и къ морю Черному [1]. Тяжки были, въ самомъ дѣлѣ, для Россіи его условія. Можно было предполагать, что она, при первомъ возстановленіи своихъ силъ, станетъ стремиться къ сверженію оковъ, наложенныхъ временными смутными обстоятельствами. Соперничествовавшія съ

1. Ист. Швеціи Гейера (III, стр. 97): здѣсь приведена рѣчь, которую Густавъ Адольфъ, по заключеніи мира, говорилъ въ собраніи чиновъ Шведскихъ.

нею Державы вполнѣ сознавали это [1]. Не даромъ принятіе Алексѣемъ Михайловичемъ титула: «и земель Западныхъ и Сѣверныхъ отчичь и дѣдичь», такъ встревожило Швецію: она видѣла въ немъ прямыя притязанія на земли, ей тогда принадлежавшія [2]. Но опасенія еще усилились послѣ успѣховъ нашихъ въ Польской войнѣ. Карлъ X былъ увѣренъ, что Царь воспользуется своими побѣдами, чтобъ овладѣть Курляндіею, и такимъ образомъ примкнуть къ желанному морю [3]. Потому, избѣгая разрыва съ побѣдоноснымъ сосѣдомъ, поддерживая дружественныя сношенія даже признаніемъ новаго титула, который принялъ Алексѣй Михайловичъ послѣ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ на Западѣ [4], онъ, въ то же время, старался противопоставить осуществленію подобнаго стремленія всѣ зависѣвшія отъ него мѣры. При самомъ началѣ войны съ Яномъ Казимиромъ, графъ Де-ла-Гарди получилъ отъ короля приказаніе поспѣшить занятіемъ Сѣверозападнаго угла Литвы, примыкавшаго къ Курляндіи и еще не завоеваннаго Русскими.

Между тѣмъ Алексѣй Михайловичъ слишкомъ хорошо понималъ, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, Швеція представляла гораздо болѣе препятствій для развитія силъ Россіи, нежели Польша, со всѣхъ сторонъ окруженная врагами. Онъ хотѣлъ уничтожить эти препятствія, стать твердою ногою при Балтійскомъ морѣ. Австрійскіе послы Аллегретти и фонъ-Лорбахъ, прибывшіе въ Москву для посредничества между Россіею и Польшею, поддерживали его планы: доказывали, что не должно упускать

---

1. Pufend. I, § 53: Haud ignotum esse, quanto semper desiderio iste aestuarit, ut ad mare Balticum pedem iterum figere queat, commerciis suis excolendis... Eo fine aliquoties de invadenda Narva et Revalia agitasse».

2. Тамъ же: «et quid novam tituli laciniam sibi velle, cum versus occasum praeter Suecicas provincias nihil eidem objaceat».

3. Тамъ же.

4. Сначала Карлъ X отговаривался тѣмъ, что Польша еще не уступила формально этихъ земель; но потомъ, въ грамотѣ, отправленной (1655 г.) съ посломъ Розенлиндомъ, прописалъ въ титулѣ царскомъ новыя пріобрѣтенія. Онъ слишкомъ опасался разрыва (Pufend. II, § 75).

удобнаго случая, когда Карлъ X былъ занятъ иными предпріятіями, а въ Ливоніи не было почти войскъ [1]. Не оставалась въ покоѣ и Данія. Она желала развлечь силы врага своего и, вмѣстѣ съ Голландіею, обѣщала себѣ отъ утвержденія Русскаго господства при Балтійскомъ морѣ важныя торговыя выгоды; надѣялась освободиться отъ стѣснительныхъ въ этомъ отношеніи мѣръ Шведскаго правительства [2]. По свидѣтельству иностранныхъ писателей, убѣжденіямъ хитраго, знавшаго Славянскій языкъ Австрійскаго посла, Аллегретти, уступилъ также патріархъ Никонъ [3]; но конечно не изъ видовъ корысти, какъ думали Кельхъ и Гадебушъ, и не изъ пустаго честолюбія, какъ опрометчиво утверждаетъ Берхъ, приписывая участіе знаменитаго патріарха въ разрывѣ нашемъ со Швеціею только тому, что его обольщало титло: Ингерманландскій и Кексгольмскій [4]. Первосвятитель Русской земли могъ руководствоваться иными побужденіями: желаніемъ возвратить насильственно отторгнутыхъ чадъ нашей Церкви отечеству, которое никогда не переставало заботиться о ихъ судьбѣ [5]. Имѣлъ, вѣроятно, уже тогда вліяніе на отношенія къ Швеціи и славный впослѣдствіи дипломатъ нашъ Ордынъ-Нащокинъ, ко-

---

1 Pufend: de r. g. Car. G. L. III, § 43.

2. Pufend: Rer. Brandenb. L. V, § 24.

3. Pufend. VI, § 43: Eminente cum primis patriarchae fervore, sacris suis incrementum inde (отъ войны) sperantis, qui et cum Naugardiae esset, Russis sub Sueciae ditione in Ingria habitantibus, per multa blandimenta adrepebat. То же у Кельха (Liefländische Historie, Reval 1695) стр. 569 и у Гадебуша: Livländische Jahrbücher, Riga 1780. Оба утверждаютъ, будто Никонъ бралъ деньги съ Польскаго правительства.

4. Стр. 96. — На стр. 200-й еще болѣе голословный отзывъ: «Чернецъ сей изъ одного только честолюбія вовлекъ его въ войну со Шведами и употребилъ во зло монаршую довѣренность и неопытную юность Царя своего».

5. См. С. М. Соловьева: «Обзоръ царств. Михаила Θеодоровича (въ Совр. 1851, № 1-й)». Митрополитъ Макарій, убѣждая ихъ (1619 г.) не уклоняться отъ его благословенія, крѣпко стоять и мужаться, ничего не умаляя отъ древнихъ преданій, заключаетъ свое посланіе словами: «А по указу Великаго Государя нашего пріѣздъ и отъѣздъ вамъ въ Великой Новгородъ по духовнымъ дѣламъ будетъ вольный».

торый, еще до войны съ Карломъ X, участвовалъ, въ дипломатическихъ переговорахъ со Стокгольмскимъ дворомъ [1]. Назначенный потомъ воеводою въ Раситцахъ, онъ ближе ознакомился съ Ливонскимъ краемъ [2]; вполнѣ сознаалъ важность идеи о пріобрѣтеніи Балтійскаго поморья и, до конца политической дѣятельности своей, былъ ея вѣрнымъ служителемъ.

Напрасно Карлъ X думалъ предупредить разрывъ отправленіемъ въ Москву великихъ и полномочныхъ пословъ, сенатора барона Густава Бельке, генералъ-маіора фонъ-Эссена и совѣтника фонъ-Крузенштерна, которые должны были возобновить вѣчный миръ на основаніи Столбовскаго договора. Посольство это уже было дурно принято, даже задержано въ Москвѣ (1556 г.). Московское правительство обвиняло короля въ нарушеніи мира. Вопреки данному имъ, по вступленіи на престолъ, обѣщанію держать нейтралитетъ въ войнѣ Россіи съ Польшею [3] — « по его велѣнью начальные его люди съ ратными людьми нѣсколько Царскаго Величества нововзятыхъ городовъ и мѣстъ въ Литвѣ и Польшѣ позаставали [4], и у Русскихъ ратныхъ людей дорогу переняли, говоря будто бы съ Великимъ Государемъ съ Его Царскимъ Величествомъ наступилъ, соединясь » [5]. Къ этимъ обвиненіямъ присоединились все еще несовершенно конченные споры о границахъ, о титулѣ и другія неудовольствія [6]. Многочисленная рать Московская двину-

---

1. Въ доказательство можно привести свидѣтельство Пуфендорфа въ его исторіи Карла X, Кн. II, § 79.

2. « Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи », соч. А. Терещенка, Спб. 1837, стр. 32. — Также М. Н. Капустина: Дипл. сн. стр. 10.

3. Древн. Росс. Вивліоѳика, ч. XVI, стр. 188, (Описаніе Королей Шведскихъ).

4. Синб. Сборн. стр. 6. Тамъ же относительно титула: « его Царское именованіе и титлы писали не такъ, какъ ему великому Государю свыше отъ Бога дано и какъ изъ иныхъ окрестныхъ государствъ описуютъ ».

5. Древн. Росс. Вивл. XVI, стр. 189.

6. Pufend. (II, § 79): Sed longe gravius esse quod Sueci pacto Reidani concluso Czarem perjurum hostem vocitarint ».

лась къ предѣламъ Ливоніи, куда отступили и остатки Шведскихъ войскъ, не могшіе долѣе держаться въ Литвѣ [1]. Не смотря на мѣры обороны, принятыя графомъ Де-ла-Гарди, положеніе угрожаемой страны было затруднительно: недоставало денегъ и оружія; многія укрѣпленія были ненадежны.

Между тѣмъ, какъ отдѣльные Русскіе отряды устремились на Корелію и Ингерманландію, обитатели которыхъ охотно принимали сторону своихъ единовѣрцевъ, главная рать, при которой находился самъ Царь, появилась, въ числѣ 100,000, на берегахъ Двины. Первый, послѣ упорнаго впрочемъ сопротивленія, покорился (1656 г. Іюля 30) Динабургъ, укрѣпленія котораго не были кончены [2]; за нимъ зàмокъ Нейгаузенъ (на границѣ Дерптской области), Кокенгаузенъ и Кирхгольмъ. Отправивъ 40,000-й корпусъ подъ начальствомъ князей Трубецкаго и Долгорукова въ Дерптскую область и Эстляндію, Алексѣй Михайловичъ, сопровождаемый престарѣлымъ генераломъ Лесли, подступилъ ($^{11}/_{21}$ Августа) съ остальными войсками къ Ригѣ. Въ городѣ этомъ находилось мало орудій и другихъ военныхъ снарядовъ; гарнизонъ, вмѣстѣ съ вооруженными гражданами, не превышалъ 5000 человѣкъ. Но перешедшій отъ Шведовъ Шотландецъ, подполковникъ Іонстонъ представилъ завоеваніе еще болѣе легкимъ, нежели оно на самомъ дѣлѣ могло быть для нашихъ войскъ, мало знакомыхъ съ осаднымъ искусствомъ. Сверхъ ожиданія, встрѣтили мы сильный отпоръ. Хотя пальба съ Русскихъ батарей не пре-

---

1. Нарушеніе Шведами дисциплины и наущенія Іезуитовъ и другихъ ксёндзовъ вооружили противъ нихъ жителей Литвы и Самогитіи: въ одинъ день множество ихъ погибло въ разныхъ мѣстахъ. Де-ла-Гарди думалъ удержаться возмущеніемъ крестьянъ противъ ихъ господъ: но самое имя Шведовъ было ненавистно въ Литвѣ. Онъ, съ дозволенія короля, отступилъ къ берегамъ Двины.

2. Pufend. III § 80: «oppidum angusto circuitu, et munitionibus adhuc imperfectis». Упорное сопротивленіе вызвало жестокость со стороны побѣдителей: они не пощадили никого изъ взрослыхъ.

рывалась день и ночь во все продолженіе шестинедѣльной осады, и до 1900 бомбъ было брошено въ городъ: однако онѣ мало вредили непріятелю. Вылазки его, напротивъ того, почти всегда оканчивались значительнымъ urономъ съ нашей стороны. Послѣдняя изъ нихъ, стоившая намъ до 2000 человѣкъ, побудила наконецъ Царя снять неудачную осаду [1]. Русскіе отступили отъ Риги. Между тѣмъ, въ другихъ пунктахъ, продолжали они еще дѣйствовать успѣшно. Вся страна до г. Пернау была опустошена; сдался (12 Окт.), послѣ десятинедѣльной осады, Дерптъ, и жители его дали присягу въ вѣрности Царю Алексѣю Михайловичу [2]. Самъ Карлъ X желалъ заключить миръ. Трудно было только согласить интересы воюющихъ сторонъ. Шведы не хотѣли дѣлать уступокъ [3], надѣясь на возобновленіе борьбы за Малороссію и на временный перевѣсъ своего оружія въ Ливоніи: такъ въ 1657 году, послѣ геройской смерти воеводы М. В. Шереметева, взяли они Адзель; весною 1658 г. Русскіе неудачно осаждали Нарву и безъ успѣха приступали къ Ніеншанцу. Московское правительство, съ своей стороны, выжидало, чѣмъ кончится война Карла X съ Даніею. Присоединилось еще новое обстоятель-

---

1. Она стоила до 14,000 человѣкъ. Объ осадѣ см. Pufend. III, § 51 и 52. Также: Кельха 575 и слѣд. и «Gründliche Relation v. d. Belag. d. kön. Stadt Riga», изъ которой приведены цитаты у Арцыб. VI, стр. 126.

2. Pufend. III, § 53; Gadebusch, p. 469. Въ книгѣ Сеунчей (стр. 26): «Писали къ Государю Царю и В. Кн. Алексѣю Михайловичу всея В. и М. и Б. Россіи Самодержцу бояре и воеводы князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой съ товарищи, что они и ихъ полку ратные люди будучи подъ Юрьевымъ Ливонскимъ надъ городомъ и надъ нѣмецкими людьми промышляли всякими обычаи не оплошно; и милостію де Божіею и Пречистые Богородицы помощію и заступленіемъ... Юрьевскіе осадные сидѣльцы державецъ Ларсъ Фленъ Гминъ съ товарыщи, видя ихъ бояръ и воеводъ надъ городомъ промыслъ, Государю добили челомъ и городъ Юрьевъ Ливонскій сдали, Октября въ 12 день.

3. Pufend. V, § 122: «Pacem tamen non alià lege volebat, quam ut omnia in priorem statum reponerentur, ne latum quidem pedem terra penes Moscos relicta».

ство, возбудившее негодованіе Швеціи: герцогъ Курляндскій отдался подъ покровительство Россіи [1]. Военныя дѣйствія нѣсколько разъ возобновлялись. Ордынъ-Нащокинъ употреблялъ всѣ силы, чтобъ удержать за Россіею Ливонію: « съ смѣлымъ сердцемъ — по выраженію царской похвальной грамоты—стоялъ противъ Свѣйскаго короля славныхъ городовъ [2] ». Наконецъ извѣстіе, привезенное въ Москву Англійскимъ посломъ Бернеромъ о заключеніи Рескильдскаго мира между Даніею и Швеціею съ одной стороны, скорое нарушеніе его, съ другой, побудили обѣ воюющія Державы вступить въ переговоры [3].

Они открылись (1658 года, Ноября 17) въ Валіесарѣ (между Нарвою и Нейшлоссомъ). Уполномоченными со стороны Швеціи назначены Густавъ Бельке и Бенгтъ Горнъ, со стороны Россіи кн. Прозоровскій и Ордынъ-Нащокинъ; но послѣдній былъ душею переговоровъ. Пять разъ съѣзжались они: такъ труденъ былъ вопросъ, который здѣсь надлежало рѣшить, такъ упорно отстаивала каждая сторона свои интересы. Русскіе требовали, въ вознагражденіе за то, что Карлъ X остановилъ успѣхи Царя въ Польшѣ, возвращенія нашихъ древнихъ областей Кареліи и Ингерманландіи, уступки мѣстъ, уже занятыхъ въ Ливоніи, и, кромѣ того, городовъ Риги, Ревеля и Нарвы съ ихъ округами. Шведы настаивали на возстановленіи всѣхъ условій Столбовскаго мира. Уполномоченные наши, въ свою очередь, доказывали, что только тяжкія обстоятельства могли заставить Россію принять подобныя условія. Особенно долго поддерживалъ Ордынъ-Нащокинъ требованія касательно возвращенія Ингріи и Иваньгорода [4]. Наконецъ обѣ

---

1. Gadebusch, p. 558: « Sie waren unwillig über die Gefangenschaft des Herzog von Kurland, den der Zar in seinen Schutz genommen habe ».

2. Акты ист. IV, № 118.

3. Pufend. V, § 92. Карлъ X, изъявляя готовность вступить въ мирные переговоры, представлялъ Царю примиреніе со Швеціею необходимымъ для того, чтобъ Россія могла отмстить Польшѣ и Австріи за обманъ при заключеніи Виленскаго перемирія.

4. Pufend. V, § 122.

стороны убѣдились въ невозможности установить вѣчный миръ; заключили (20 Дек. 1658 г.) перемиріе на три года. Россія удержала за собою Кокенгаузенъ, Адзель, Маріенбургъ, Дерптъ, Нейшлотъ и Резитель съ ихъ округами[1]. Алексѣй Михайловичъ радовался и такому окончанію переговоровъ. Предписано было «по всѣмъ Божіимъ церквамъ совершать молебное пѣніе съ звономъ, стрѣлять изъ наряду, чтобъ про то всѣмъ людямъ было вѣдомо[2]». Завоеванныя мѣста остались въ управленіи царскаго намѣстника Ордына-Нащокина, который лучше другихъ понималъ важность пріобрѣтенія и отношенія къ жителямъ того края. Своею благоразумною распорядительностью стяжалъ онъ ихъ общее уваженіе. Между тѣмъ, преслѣдуя любимую мысль сближенія съ Европою, завелъ флотъ на р. Двинѣ; важнѣйшій, по своему положенію, изъ новозавоеванныхъ городовъ, Кокенгаузенъ, старался обрусить подъ именемъ Дмитровска. Но только вѣчный миръ могъ утвердить за Россіею многозначительное пріобрѣтеніе.

Нѣсколько разъ съѣзжались съ этою цѣлью уполномоченные съ обѣихъ сторонъ. Въ 1659 году учинили двѣ записи: одну въ Тормсдорфѣ, другую въ Святогорской деревнѣ[3]. Назначили Кардисъ (помѣстье между Дерптомъ и Ревелемъ, на границахъ Эстляндіи и Лифляндіи) для окончательныхъ переговоровъ. Первый съѣздъ (весною 1660 г.) кончился ничѣмъ: Шведы требовали безусловнаго возвращенія всѣхъ завоеваній; Русскіе не уступали, соглашались только на денежное вознагражденіе. Между тѣмъ миры Оливскій и Копенгагенскій, сохранивъ statu quo Сѣверныхъ Державъ, обезопасили Швецію со стороны всѣхъ враговъ ея; для Россіи, напротивъ того, борьба съ Польшею становилась болѣе и болѣе тяжкою. При такихъ обстоятельствахъ было необходимо опредѣлить отношенія

1. П. С. Зак. I, № 240 и Schoell: Hist. des traités de paix, p. 154.
2. П. С. Зак. стр. 451.
3. Тамъ же, № 259 и 267.

къ Швецiи. Въ 1661 году (21 Iюня) послѣдовало заключенiе вѣчнаго мира въ Кардисѣ на основанiи Столбовскаго. « Для успокоенiя крови Христiанской и оказанiя одной доброй дружбы межъ обоихъ великихъ Государей », Алексѣй Михайловичъ возвратилъ прiобрѣтенiя въ Ливонiи, удержанныя по Валiесарскому трактату[1]. Ордынъ-Нащокинъ, выѣзжая изъ своего намѣстничества, былъ принужденъ сжечь флотъ, построенный имъ на р. Двинѣ. Плоды прежнихъ успѣховъ утрачены. Миръ Кардисскiй еще надолго отсрочилъ рѣшенiе вопроса о господствѣ Россiи при Балтiйскомъ морѣ.

Вопросъ этотъ оставался въ сторонѣ при дальнѣйшихъ сношенiяхъ Россiи со Швецiею въ царствованiе Алексѣя Михайловича. Только въ послѣднiе годы его, во время 2-й войны Европейскихъ Державъ противъ Людовика XIV, Голландiя, Данiя, Бранденбургiя и Австрiя старались вооружить Россiю противъ Швецiи, чтобъ развлечь такимъ образомъ силы союзницы Францiи, заставить ее вывести свои войска изъ Померанiи. Особенно домогался этого Голландскiй чрезвычайный посолъ фанъ-Кленкъ, поддерживаемый Датскимъ резидентомъ въ Москвѣ. Они доказывали, что Людовикъ XIV имѣетъ въ виду овладѣть всею Южною и Западною Европою, а господство въ Сѣверной предоставить Швецiи; что Карлъ XI, завоевавъ Бранденбургiю, начнетъ войну съ Россiею. Совѣтовали воспользоваться удобнымъ случаемъ для возвращенiя завоеванныхъ Швецiею областей; обѣщали, что Голландiя и Данiя, немедленно по заключенiи желаемаго союза, пришлютъ свой флотъ для блокады приморскихъ городовъ Лифляндiи[2].

---

1. П. С. Зак. № 301.

2. См. Отрывокъ изъ соч: « Россiя въ отн. къ Европ. Державамъ при кончинѣ Царя Алексѣя Михайловича », А. Н. Попова (въ Москв. 1853, № 10). Впрочемъ въ наставленiи Кленку отнюдь не велѣно было обѣщать Россiи, что она можетъ оставить за собою тѣ области, которыя завоюетъ отъ Шведовъ, если рѣшится начать войну съ ними.

Но А. С. Матвѣевъ, завѣдывавшій тогда нашими дипломатическими сношеніями, отвѣчалъ, что Россія находится въ перемиріи со Швеціею; если послѣдняя и не исполнила многихъ условій, то однакожь, для рѣшенія всѣхъ возникшихъ споровъ, уже назначенъ съѣздъ уполномоченныхъ съ обѣихъ сторонъ. Надлежало дождаться его результата [3]. Переговоры еще продолжались, когда скончался Алексѣй Михайловичъ.

3. На это Клевкъ возразилъ: «Конечно хорошо исполнить договоры; но въ Европѣ таковъ уже обычай, что всякій Государь изыскиваетъ удобнаго времени, чтобъ увеличить свои владѣнія, а если случай представится, то его не пропускаютъ, не смотря на мирные договоры».

ГЛАВА VII.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ РУССКИХЪ ВЛАДѢНІЙ ВЪ СИБИРИ; ПОДДАНСТВО КАЛМЫКОВЪ; ОТНОШЕНІЯ КЪ ГРУЗІИ И КЪ КРЫМУ.

Не со стороны одного Запада дѣлала Россія пріобрѣтенія въ царствованіе Алексѣя Михайловича: предѣлы ея продолжали быстро распространяться на Востокѣ.

Начало утвержденію Русскаго владычества въ Восточной Сибири положено при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ: при его преемникѣ почти довершено завоеваніе этой страны. Города Енисейскъ и Якутскъ являются центрами ея управленія. Отсюда посылались отряды въ разныя стороны «для пріисканія новыхъ землицъ и приведенія Государевыхъ непослушниковъ, которые ясака съ себя и своихъ улусныхъ людей не платятъ, подъ его царскую высокую руку». Якутскіе воеводы давали приказанія служилымъ людямъ, дѣйствовавшимъ на прибрежьяхъ Ледовитаго и Восточнаго океановъ и въ степяхъ Манчжуріи. Въ трудные и опасные походы [1] пускались и смѣлые отряды, посылаемые ими,

1. Съ какими опасностями и нуждами боролись они, можно на пр. видѣть изъ слѣд. мѣста въ отпискѣ служиваго человѣка Тимоѳея Булдакова (Доп. III, № 79): «идемъ де мы другой годъ, и государево: хлѣбное жалованье и харчь дорогою съѣли, и моремъ идучи долгое время, въ морѣ

и частные промышленники—такъ называемые «опытовщики»—со своими вольными дружинами, обнадеженные государевымъ жалованьемъ [1], еще чаще, увлекаясь лишь духомъ предпріимчивости. Съ каждымъ годомъ все далѣе и далѣе проникали они въ страны, о которыхъ едва имѣли смутное понятіе по темнымъ, сбивчивымъ разсказамъ покорившихся дикарей. Одни распространили Русскія владѣнія почти до предѣловъ Камчатки, учинивъ разсѣянно живших туземцевъ «подъ Государевою высокою рукою въ холопствѣ на вѣки неотступными»; другіе ходили на Яну, Индигирку, Колыму, приводили въ извѣстность прибрежье Ледовитаго моря, промышляя тамъ рыбьимъ зубомъ. Третьи углубились въ степи Манчжуріи, и здѣсь столкнулись съ Китайцами, которые завистливымъ окомъ смотрѣли на появленіе смѣлыхъ пришельцевъ близъ ихъ границъ. Любопытную картину постепеннаго распространенія нашихъ владѣній въ Сибири представляютъ донесенія самихъ начальниковъ отрядовъ, которымъ давалось отъ воеводъ порученіе или дозволеніе пріискивать новыя землицы, новыхъ неясачныхъ людей [2]. Между ними, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, прославились своими подвигами: боярскій сынъ Андрей Булыгинъ, Якутскій казацкій десятникъ Михайла Стадухинъ и особенно служивый и промышленный человѣкъ Семенъ Дежневъ, опытовщикъ Ероѳей Хабаровъ и приказный человѣкъ Онуфрій Степановъ.

безъ дровъ и безъ харчю и съ соляной морской воды перецынжали.» Или: «И какъ мы Тимошка съ служилыми и торговыми и промышлеными людми пошли съ кочей къ земли, а въ тѣ поры на морѣ лды ходятъ и досталные кочи ломаетъ, и запасы тѣми лдами разноситъ, и мы на партахъ и веревкахъ другъ друга переволачивали, и съ льдины на льдину перепихывались, и идучи по льду кормъ и одежу дорогою на ледъ метали, а лодокъ волочь не въ мочь.... на волю Божію пустились, а отъ кочей шли по льду до земли 9 дней; и вышедъ на землю, подѣлали нартишка и лыжишка, и шли до усть Индигирки... и вверхъ по Индигиркѣ къ ясачному зимовью съ великою нужею, холодни и голодни, наги и босы.»

1. Доп. III, № 83: «Сибирскихъ служилыхъ людей за ихъ службы и за новопріисканые землицы государь жаловалъ своимъ государьскимъ жалованьемъ, денгами и сукны и камки и тафты, смотря по ихъ службѣ.»

2. См. Доп. къ акт. ист. Т. III, IV и V.

Андрей Булыгинъ ходилъ (1654 г.) моремъ къ устью Охоты и вверхъ по рѣкѣ; вѣрою и правдою «послужилъ Государю со своими *полчанами*, бился крѣпкимъ боемъ». Выдержавъ шесть битвъ съ туземцами, побилъ онъ непокорныхъ [1] и окончательно утвердилъ Русское господство на берегахъ Охоты, гдѣ, еще въ 1647 году, ясачный сборщикъ Семенъ Шелковникъ поставилъ острожекъ. [2] Служивый человѣкъ Михайла Стадухинъ (въ 1644 г.) заложилъ острогъ на р. Колымѣ и, первый, явился съ вѣстію о Чукотской землѣ [3]; впослѣдствіи долго находился на рѣкахъ Анадырѣ, Акляѣ, Изигѣ и Тавуѣ, собиралъ ясакъ съ Коряковъ и Тунгусовъ; въ наскоро выстроенныхъ судахъ, пускался отъ Анадыра въ опасное плаваніе вдоль морскихъ береговъ. [4] Семенъ Дежневъ извѣстенъ своими поисками въ странѣ, прилежащей къ Ледовитому морю. Сперва ходилъ онъ съ товарищемъ Никитою Семеновымъ вверхъ Анюя рѣки на неясачныхъ людей, и оттуда старался проникнуть къ Анадыру, который, по тогдашней наслышкѣ, впадалъ въ Студеное море. Потомъ (1649 г.), отъ устья Колымы, поплылъ моремъ на нѣсколькихъ кочахъ, приготовленныхъ купецкимъ прикащикомъ Ѳедотомъ Алексѣевымъ. Большая часть изъ этихъ судовъ погибла; остальныя разнесло бурею. На одномъ, Дежневъ былъ выброшенъ на берегъ и, съ 25 товарищами, достигъ р. Анадыра. По мнѣнію, пущенному въ свѣтъ исторіографомъ Миллеромъ, обогнулъ онъ, во время своего плаванія, Сѣверный Чукотскій носъ; слѣдовательно побывалъ за 80 лѣтъ до Беринга въ проливѣ, который впослѣдствіи получилъ наимено-

---

1 Доп. къ акт. ист. IV, № 2.

2. Доп. III, № 52. Послѣ Семена Шелковника, начальство въ Охотскомъ острожкѣ принялъ служивый человѣкъ Семенъ Епишевъ. Онъ засталъ въ немъ только 20 оставшихся въ живыхъ товарищей Шелковника; усмирилъ туземцевъ: но, по-видимому, не могъ справиться со своими подчиненными (Тамъ же, № 92).

3. Доп. къ акт. ист. III, № 24.

4. Доп. къ акт. ист. IV, № 47: «А какъ мы пошли съ Анадыря моремъ (доносилъ Стадухинъ), видѣли нужи и бѣдности отъ иноземского смертного убойства и ранъ много приняли, отъ моря потопу много же приняли.»

ваніе отъ этого мореплавателя [1]. Долго бродилъ онъ съ товарищами своими по странѣ, прилежащей къ Анадыру, перенося всѣ нужды [2]. Около четырехъ лѣтъ не знали о нихъ ничего, пока они не наткнулись на другой отрядъ служилыхъ людей, отправленный сухимъ путемъ съ р. Колымы. На Анадырѣ построилъ Дежневъ острожное зимовье, извѣстное впослѣдствіи подъ именемъ Анадырскаго острога.

Почти въ то же время другіе служивые и промышленные люди достигли р. Амура. Первое предпріятіе принадлежитъ письменному головѣ Пояркову (1642 г.). Онъ зимовалъ на устьѣ Амура у Гиляковъ, собралъ съ нихъ ясакъ; но попытка утвердиться между Дучерами не удалась. Послѣ трехлѣтняго отсутствія, Поярковъ возвратился въ Якутскъ, оставивъ въ Дауріи невыгодную молву о намѣреніяхъ Русскихъ. [3] Прошло немного лѣтъ—и старый опытовщикъ Ерофей Хабаровъ [4] вызвался (1647 г.) Якутскому воеводѣ покорить область р. Амура собственнымъ иждивеніемъ съ охочими людьми, которые «похотятъ идти безъ Государева жалованья». Но молва опередила промышленника–завоевателя. Во многихъ мѣстахъ туземцы, не дожидаясь его прибытія, побѣжали внизъ по рѣкѣ. [5] Хабаровъ, побывавъ

1. Возраженія противъ этого мнѣнія въ «Историч. обозрѣніи Сибири» Петра Словцова, 1838, кн. I, стр. 103.

2. Доп. къ акт. ист. IV, № 7. «И пошли мы всѣ въ гору (доноситъ Дежневъ), сами пути себѣ не знаемъ, голодны и холодны, наги и босы; а шелъ я бѣдной Семейка съ товарищи до Анандыры рѣки ровно десять недѣль, а попалъ на Анандыръ рѣку внизу близко моря.»

3 Особенно привлекали Русскихъ на Амуръ-рѣку разсказы о пресловутомъ князцѣ Лавкаѣ, о его богатствѣ хлѣбомъ, скотомъ, рудою. «У того де Лавкая князца на усть Уры рѣки въ горѣ въ утесъ въ двухъ мѣстахъ серебреная руда, одна въ утесѣ, а другая въ водѣ, да на той же рѣкѣ Шилкѣ внизу мѣдная и свинцовая руда, а хлѣба де на Шилкѣ всякого много.» Доп. къ акт. ист. Т. III, № 12: «Акты о плаваніи письменнаго головы Василія Пояркова изъ Якутска въ Охотское море.» Также: «Подвиги Русскихъ на Амурѣ въ XVII вѣкѣ, описанные на основаніи подлинныхъ бумагъ Якутскаго и Нерчинскаго архивовъ» Н. Щукина (въ Сынѣ Отечества 1848, № 9.)

4. Хабаровъ, посадскій человѣкъ изъ Устюга, промышлялъ сперва хлѣбопашествомъ на Енисеѣ и на устьѣ Киренги, потомъ вываркою соли въ Усть-Кутѣ.

5. Доп. III, № 102, 103.

въ пяти оставленныхъ городкахъ, возвратился въ Якутскъ за новою дружиною; и выслушавъ отъ воеводы наказъ: «призывать Государевыхъ непослушниковъ не жесточью, а ласкою подъ царскую высокую руку», [1] опять пустился «въ Даурскую землю, на великую на Амуръ рѣку.» Долго плавалъ онъ по ней, вездѣ побивая непокорныхъ Даурскихъ князей съ ихъ улусными людьми; утвердился въ Албазинѣ, овладѣлъ нѣсколькими укрѣпленіями, поставилъ острогъ при устьѣ Шилки «для населенья пашеннаго и для приходу Русскихъ людей новыхъ». Молва о неисчерпаемомъ богатствѣ на Амурѣ привлекала все новыя толпы промышленниковъ съ р. Лены. Съ ними стремились туда и многіе бѣглые казаки; начались разные безпорядки. Между тѣмъ прибылъ изъ Москвы въ Даурскую землю, для обозрѣнія тамошнихъ дѣлъ, дворянинъ Зиновьевъ «съ Государевымъ жалованьемъ, съ золотыми» (медалями) для Хабарова и его храбрыхъ сподвижниковъ [2]. Съ нимъ были военные снаряды и земледѣльческія орудія; но они не довезены до рѣки Амура. Предположеніе послать въ этотъ отдаленный край 3000-ный корпусъ также не состоялось. Вообще всѣ пособія правительства не были ни значительны, ни благовременны. Горсть завоевателей была предоставлена собственному мужеству и благоразумію. Хабаровъ возвратился въ Москву, гдѣ получилъ званіе боярскаго сына и впослѣдствіи назначенъ царскимъ прикащикомъ въ Усть-Кутъ на Лену. Главное начальство на Амурѣ ввѣрено приказному человѣку Онуфрію Степанову.

Мужественный Степановъ обнаружилъ много благоразумія и твердости. Но положеніе его было затруднительно: ему пришлось отбиваться отъ многочисленныхъ Манчжурскихъ отрядовъ, привѣтствовавшихъ уже Хабарова своими пушечными выстрѣлами. Китайцы съ опасеніемъ смотрѣли на появленіе Русскихъ въ степяхъ Манчжуріи: стараясь

1. Акты ист. IV, № 31: «Наказъ Якутскаго воеводы Дмитрія Францбекова опытовщику Ероѳею Хабарову о походѣ въ Даурскую землю.»
2. Доп. къ акт. ист. III, № 122; IV, № 53.

выжить ихъ, побуждали сосѣдственныя племена къ нападеніямъ. Наконецъ послѣдовало отъ Богдыхана повелѣніе вывести противъ незванныхъ гостей жителей со всѣхъ рѣкъ, впадающихъ въ Амуръ. Нѣсколько разъ, во время плаванія своего по рѣкѣ, Степановъ, съ ничтожными силами, отбивался отъ значительныхъ отрядовъ. Въ 1655 году отразилъ 10.000-ное Богдойское войско, подступавшее къ Усть-Комарскому острогу «со всякимъ огненнымъ боемъ, съ пушки и пищальми». «Государевы служилые люди и Амурскіе охочіе казаки на вылазкѣ многихъ Богдойскихъ людей побили и отбили у нихъ двѣ пищали желѣзные и всякіе приступные мудрости, порохъ и ядра и языковъ поймали, раненыхъ мужиковъ.» Такъ доносилъ Степановъ Якутскому воеводѣ Лодыженскому [1]; просилъ о присылкѣ пороху и свинцу для того, чтобъ «безъ пороху и свинцу на великой рѣкѣ Амурѣ Государева служба не стала.» Но просьба его осталась безъ удовлетворенія. Между тѣмъ продолжали «стоять драки сильные съ Богдойскими воинскими людьми». Въ 1658 году, разъѣзжая по рѣкѣ для обезпеченія своей дружины продовольствіемъ, Степановъ встрѣтился съ 47 судами непріятельскими, снабженными пушками и мелкимъ оружіемъ. Онъ вступилъ въ неравный бой и погибъ съ 270 товарищами; остальные 227 ушли на суднѣ или спаслись въ горы. Не смотря на то, Русскіе еще около 30 лѣтъ держались въ Албазинѣ и другихъ мѣстахъ; Московское правительство старалось вступить и въ дипломатическія сношенія съ Пекинскимъ Дворомъ. Но враждебная политика послѣдняго не измѣнялась, пока, послѣ 40 лѣтней борьбы, (уже въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей) уполномоченные наши не отказались отъ благословенныхъ земель Дауріи, съ избыткомъ вознаграждающихъ труды земледѣльца.

Между тѣмъ въ другихъ краяхъ Сибири болѣе и болѣе утверждалось Русское господство. Во все царствованіе

1. Доп. къ акт. ист. IV, № 8.

Алексѣя Михайловича продолжались развѣдки о новыхъ земляхъ и туземцахъ, еще не объясаченныхъ [1]. Возникали новые остроги и города, между ними замѣчательные впослѣдствіи: Нерчинскъ, построенный 1658 г. Енисейскимъ воеводою Пашковымъ; [2] Иркутскъ, съ 1659 г. ясачное зимовье, съ 1661-го острогъ [3], гораздо позднѣе (1686 г.) возведенный на степень города; Селенгинскъ (1666 г.) [4] и т. д. Правительство, не теряя изъ виду ближайшихъ интересовъ— полнаго сбора ясака, въ то же время, заботилось и объ обезпеченіи Русскихъ переселенцевъ, и объ участи покорившихся инородцевъ. Давая воеводамъ подробные наказы относительно отправленія ихъ должности, оно постоянно предписывало: «служилыхъ и жилецкихъ людей беречь и нужды ихъ разсматривать, чтобъ они его царскимъ милостивымъ призрѣньемъ и жалованьемъ жили въ тишинѣ и въ покоѣ безъ всякой нужды; торговыхъ и промышленныхъ людей отъ всякихъ обидъ и насильства оберегать, чтобъ они могли свободно вести торговлю, убытковъ и обидъ ни отъ кого не опасаясь; новыхъ землицъ ясачныхъ людей не притѣснять, но держать къ нимъ ласку, привѣтъ и береженье, напрасныя жесточи и никакихъ налоговъ ни въ чемъ не чинить, чтобъ иноземцевъ не ожесточить и отъ Государевы милости не отгонить.» Даже непослушныхъ между ними воеводы должны были «сперва уговаривать ласкою всякими обычаи и, при безуспѣшности этихъ мѣръ, «смирять воіною, небольшимъ разореньемъ.» Только въ случаѣ ожесточеннаго упорства дозволялось «промышляти всякими обычаи, сколько милосердый Богъ поможетъ» [5]. Въ то же время

---

1. Такъ въ 1671 г. боярскій сынъ Григорій Пущинъ предпринималъ походъ для приведенія въ ясачное подданство Юкагировъ и Ламутовъ (Акты ист. IV, № 219).

2. Доп. III, № 93, 112.

3. Доп. къ акт. ист. IV, № 104.

4. Тамъ же, № 8.

5. Доп. къ акт. ист. IV, № 46.—Почти тоже и Т. III, № 83: «Наказъ Якутскому воеводѣ Михайлу Лодыженскому, объ отправленіи имъ воевод-

правительство заботилось о водвореніи осѣдлости и земледѣлія въ странѣ малолюдной и необработанной. Предписывалось высматривать, есть ли по Ленѣ и другимъ рѣкамъ «пашенныя угожія и пространныя мѣста, чтобъ тамъ пашню устроить и крестьянъ поселить», привлекая вольныхъ гулящихъ людей льготами и пособіями на первое обзаведеніе [1]. Принимались также мѣры для улучшенія участи ссыльныхъ: ихъ старались обратить въ людей семейныхъ, «чтобъ тѣмъ отъ побѣгу унять и укрѣпить.» [2] Что касается до туземцевъ еще необъясаченныхъ, то, во всѣхъ наказахъ начальникамъ отрядовъ, повелѣвалось «лаською и привѣтомъ уговаривать ихъ и къ шерти приводить, чтобъ они были подъ Государевою высокою рукою въ прямомъ вѣчномъ ясачномъ холопствѣ на-вѣки неотступными. [3] Конечно невсегда могли быть выполняемы столь благонамѣренные наказы, но и нарушавшіе ихъ не оставались безъ наказанія. Съ одной стороны, за несправедливость, удальцы нерѣдко платились жизнію; съ другой, правительство предписывало «ясачнымъ людямъ во всемъ на тѣхъ, кто ихъ чѣмъ изобидилъ или посулы и поминки имали, давати судъ и сыскъ праведный [4].

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича признали верховную власть всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца Калмыки, прикочевавшіе къ степямъ Астраханскимъ. Въ 1655 году дали они первую присягу на вѣрность: «Государю били челомъ въ вѣчное холопство и на томъ шерть дали». [5] Впослѣдствіи присяга нѣсколько разъ возобновлялась. Тайши Калмыцкіе (въ числѣ ихъ 1673 г.

ской должности.» Подобные наказы давали отъ себя и воеводы начальникамъ отрядовъ (Доп. III, № 98).

1. Доп. III, № 83 и IV, № 46: «въ тѣхъ угожихъ мѣстехъ крестьянъ въ пашню строити, и называти на пашню во крестьяне вольныхъ гулящихъ людей изъ подмоги и изо лготы, и ссуда и подмога имъ давати противъ прежнего государева указа и какъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу.»

2. Акты ист. IV, № 27.

3 Акты ист. IV, № 207 и т. д.

4. Доп. III, № 83.

5. Дв. Разр. стр. 468.

Аюкай) «шертовали, за себя и за своихъ родственниковъ и улусныхъ людей, по своей Калмыцкой вѣрѣ и поклонялися и цѣловали бога своего Бурхана и молитвенную книгу бичикъ, и чотки, и саблю на свою голову и къ горлу прикладывали», обязываясь быть въ вѣчномъ подданствѣ и послушаньѣ и ходить, по повелѣнію Великаго Государя, войною на его враговъ [1]. Согласно этому условію, они неоднократно употреблялись въ дѣйствіяхъ противъ Крымцевъ и, вмѣстѣ съ Донцами, ходили подъ Азовъ. [2] Нельзя было только ожидать, чтобъ полудикіе кочевники строго выполняли другое обязательство: воздерживаться отъ грабежей въ царскихъ земляхъ. Оно казалось тогда еще несовмѣстимымъ съ ихъ образомъ жизни.

Отношенія къ странамъ Кавказскимъ оставались въ прежнемъ положеніи. Грузія считалась страною, подвластною Московскому Государю: какъ нѣкогда при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, искала она его покровительства. Грузинскій Царь Теймуразъ самъ пріѣзжалъ, 1658 года, въ Москву для изъявленія покорности. [3] Впослѣдствіи жилъ долго при Дворѣ Московскомъ внукъ его Николай Давидовичъ; и въ 1673 году дана ему новая жалованная грамота, которою подтверждались прежнія отношенія владѣтелей Грузіи къ Россіи. Алексѣй Михайловичъ обѣщаетъ держать его и наслѣдниковъ его и всю Иверскую землю подъ своею Царскою высокою рукою въ милостивомъ жалованьѣ и береганьѣ, смотря по ихъ службѣ и правдѣ» [4]. Царь Имеретинскій Александръ также искалъ покровительства Россіи. По желанію его,

---

1. П. С. Зак. № 316 и 430: подъ послѣднимъ шертная запись Калмыцкаго тайши Аюкая Мончакова. Также: собр. гос. гр. и дог. № 21.

2. Акты ист. IV, № 134 и 229. Подъ 1661 г. читаемъ: «Калмыцкіе тайши съ Калмыцкими своими людьми ходили войною на его Великаго Государя недруговъ, на Крымцевъ и подъ Азовъ и подъ Казыевъ улусъ и улусы повоевали... и тѣмъ къ В. Государю службу свою и правду и радѣнье показали.» Въ слѣдующее царствованіе, Калмыцкій отрядъ ходилъ уже подъ Чигиринъ въ подкрѣпленіе нашимъ войскамъ.

3. Дв. Разр. стр. 498.

4. П. С. Зак. № 568.

дворянинъ Н. М. Толчаниновъ и дьякъ Алексѣй Іевлевъ были отправлены (1650 г.) для приведенія его къ присягѣ. Александръ цѣловалъ крестъ «быть въ повелѣньѣ Великаго Государя съ наслѣдниками и всею землею своею на вѣки неотступными [1]. «Впослѣдствіи (1658 г.) донесъ онъ Алексѣю Михайловичу и о приведеніи имъ «Дадіанской земли подъ Россійскую Державу обще съ Имеретіею, Одешами и Гурьялами.» [2] Конечно владычество наше въ странахъ Закавказскихъ существовало тогда только по имени, а не на самомъ дѣлѣ. Покровительство, оказываемое Московскими Государями ихъ присяжникамъ, ограничивалось слабыми представленіями, которыя послы ихъ иногда дѣлали при Персидскомъ Дворѣ. [3] О владѣтелѣ Грузіи говоритъ Котошихинъ: «Землею его Царь не владѣетъ, толко по его послушенству Грузинскимъ пишется въ титлѣ къ Христіянскимъ потентатомъ, а къ бусурманскимъ не пишется» [4]. Не смотря однакожъ на все это, связь между Закавказьемъ и единовѣрною Россіею болѣе и болѣе скрѣплялась [5].

Вслѣдствіе тайной просьбы — по словесному челобитью Молдавскихъ пословъ митрополита Гедеона и логоѳета Григорія — дана была и Молдавскому воеводѣ Стефану

---

1. П. С. З № 98. В. Государь Московскій, съ своей стороны, обѣщалъ: «землю Меретійскую оберегать и держати въ своемъ милостивомъ призрѣніи, чтобъ славная Христіанская вѣра отъ невѣрныхъ въ поруганіи не была.»

2. П. С. З. № 244.

3. Мейербъ. стр. 287.

4. О причинѣ, побуждавшей Царя не писаться къ бусурманскимъ владѣтелямъ «Государемъ Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли», Котошихинъ сообщаетъ слѣдующее: «Иверское, Карталинское, Грузинское государствы лежатъ подъ властію и наболшимъ послушенствомъ подъ Персидскимъ шахомъ.... и тѣхъ государствъ владѣтели живутъ такимъ обычаемъ, какъ межъ границъ королевского (Шведскаго) величества и короля Польского и Царя Московского живетъ Курлянской князь.... а какъ бы онъ писался тѣми титлами всѣми, что пишется въ Христіянскіе государства, и на него бъ за то всѣ бусурманскіе государства подняли войну» (стр. 21).

5. Для отраженія нападеній Кумыковъ построенъ, въ это царствованіе, острогъ на р. Сунжѣ (Акты. ист. IV, № 52).

жалованная грамота на принятіе его со всею землею въ подданство Россіи [1]: явный вызовъ на брань для Турціи, если бъ грамота сдѣлалась ей извѣстною, и, въ то же время, новое доказательство, что господство Россіи въ странахъ Нижнедунайскихъ было бъ только результатомъ давно высказавшихся потребностей того края.

Что касается до отношеній къ Крыму, то они представляютъ такую же неопредѣленность, какою отличались въ предшествовавшія царствованія. Лишенные возможности проникать глубоко во внутреннія области Московскаго государства, Крымцы все еще продолжали держать въ постоянномъ страхѣ жителей Украинскихъ городовъ, показываясь то тамъ, то сямъ на нашей границѣ. Иногда обманывали бдительность станичниковъ; являлись столь внезапно, что успѣвали ограбить сѣленія, отогнать скотъ, увести жителей въ плѣнъ; подступали даже къ городамъ. Такъ зимою 1645 года два царевича Крымскіе (Калга и Нурадинъ) подступали къ Курску [2], а Татары ихъ воевали Курскія и Рыльскія мѣста и Комарицкую волость; вторгались въ окрестности Орла и Карачева. Выдержавъ битву съ Московскими воеводами при Городенскѣ (въ Рыльскомъ уѣздѣ), они были однакожъ принуждены поспѣшно удалиться. Вслѣдъ за тѣмъ Крымцы подступали къ Черкаску; но и отсюда были отбиты. Казаки, съ Московскими воеводами и вольными ратными людьми, въ свою очередь, напали на ихъ станъ и возвратились съ большею добычею [3]. Въ 1661 году самъ ханъ сдѣлалъ сильное нападеніе на Украйну; проникъ въ Комарицкую волость, хотя и потерпѣлъ значительный уронъ отъ царскихъ воеводъ [4]. Менѣе важныя набѣги возобновлялись часто. Но несравненно болѣе вреда наносили намъ Крымцы, помогая, во время продолжительной борьбы за Малороссію,

---

1. П. С. З. № 180.
2. Дв. Разр. стр. 22.
3. Арцыб. VI, стр. 91.
4. Др. Росс. Вивл. XVI: описаніе Кр. хановъ. Стр. 241: «бояре и воеводы и ратные люди въ то время многихъ Татаръ побили.»

мятежнымъ гетманамъ и Польскимъ военачальникамъ, потомъ поддерживая Турецкія войска, опустошавшія Заднѣпровскую Украйну.

При такомъ положеніи дѣлъ, Московское правительство придерживалось прежней политики въ отношеніи къ хищной кочевой ордѣ. Украинская линія, получившая полное развитіе при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, не только всегда содержалась въ исправности, но еще была усилена построеніемъ новыхъ городовъ, въ числѣ ихъ Оскола и Воронежа [1]. Многія мѣста продолжали заселяться выходцами изъ Малороссіи, оставлявшими свою родину въ періодъ притѣсненій со стороны Польши. Возникли казацкія слободы: Ахтырка, Сумы, Харьковъ, Острогожскъ, отъ которыхъ получили названіе такъ называемые Слободскіе полки. На каждый годъ назначались воеводы въ Украйну «для Крымскихъ людей приходу» [2]; предписывалось, особенно Донскимъ атаманамъ, есауламъ и казакамъ, провѣдывать: «куда чаять Крымскаго царя и царевичей съ ратными людьми походу, и не чаять ли ихъ приходу подъ Астрахань или подъ Теркъ или подъ иные которые Государевы украинные города?» [3] Отнимая, нѣкоторымъ образомъ, у Татаръ самую возможность наносить значительный вредъ, не пренебрегали, въ то же время, и мирными сношеніями. Посредствомъ договоровъ и подарковъ старались удержать хищную орду отъ набѣговъ на Московское государство, дать зловредной дѣятельности ея иное направленіе. — Такъ, въ 1670 году, Крымскій ханъ шертною грамотою обязался «соблюдать миръ, не чинить никакія шкоды и убытковъ

---

1. Акты Арх. Эксп. IV, № 16. Кромѣ этихъ городовъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, возобновлены укрѣпленія въ Алексинѣ, Каширѣ, Орлѣ (А. ист. IV, № 206, 216; П. С. З. № 49, 48); основаны, для наблюденія за Башкирцами и другими инородцами, Уфа, Сергіевскъ, Кунгуръ и т. д. На противоположной сторонѣ государства, но также съ цѣлью обезопасить границу, построенъ сильно-укрѣпленный Оловецъ (Доп. III, № 64).

2. См. Дв. Разр. стр. 91 и т. д.

3. Акты ист. IV, № 80.

городамъ и подданнымъ Московскаго государства, на Украинскіе города не ходить и ратныхъ людей не посылать, отпустить на обмѣнъ или на выкупъ плѣнныхъ, построить особый домъ для Русскихъ пословъ въ Бахчисараѣ» [1]. Чрезъ два года (1672) новый ханъ Селимъ-Гирей подтвердилъ этотъ договоръ: обязался «для брата своего В. Государя Царя и В. Князя воинскую мысль отставити, съ тѣмъ, чтобъ казну т. е. дары ежегодъ по прежнему обычаю по росписи давать, а *шубы бъ недомѣрки и узки не были*» [2]. Но извѣстно, какъ ненадежны были подобные договоры. За предлогомъ для нарушенія ихъ дѣло не могло стать: хану стоило только объявить, что казна прислана не по прежнему обычаю, не по условленной росписи. Потому Котошихинъ говоритъ объ отношеніяхъ къ Крымцамъ: «Къ Крымскому хану, и къ его царицѣ, и къ царевичамъ, и къ ихъ женамъ и къ дѣтемъ ихъ, и къ пашамъ и къ князямъ и къ мурзамъ, и къ ближнимъ людемъ, посылаютъ ежегодные подарки, а что годъ передъ годомъ съ прибавкою. А посылаютъ къ нимъ тѣ поминки для того, чтобъ они на украинные городы войною не ходили и городовъ и мѣстъ не разоряли; однако они такіе дары беручи на то не смотрятъ, чинятъ что хотятъ. А будетъ тѣхъ поминковъ на годъ болши 20,000 рублевъ» [3]. Удовлетворяли и корыстолюбію Крымскихъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ Москву, избѣгая впрочемъ всякой расточительности въ сношеніяхъ съ варварами: ибо излишняя щедрость часто побуждала ихъ только къ новымъ, безстыднымъ требованіямъ [4]. «Самъ Царь войною на Крымъ не

1. П. С. З. № 479. 2. П. С. З. № 518. 3. Котош. стр. 45.

2. Котошихинъ подробно описываетъ пріемъ этихъ пословъ. «А сколко ихъ пословъ будетъ и съ ними людей, и на тѣхъ пословъ и на людей ихъ, въ чемъ имъ быти у Царя на пріѣздѣ и на отпускѣ, готовятъ платье: на пословъ шубы отласные золотные на куницахъ и на бѣлкахъ, да однорядки суконные красные съ кружевы, кафтаны камчатые исподніе, шапки, сапоги. А которого дни укажетъ Царь быти тѣмъ посломъ у себя, пошлютъ къ нимъ платье однорядки и кафтаны и шапки и сапоги и велятъ имъ быти въ городъ. И послы нарядясь въ царское платье, пріѣдутъ съ приставомъ въ

наступаетъ — продолжаетъ Котошихинъ — а окупается такими дарами ежегодь; а когда и войска свои противъ Крымскихъ людей посылаетъ, и тогда Московскіе войска на Крымскіе войска поиску сыскати не могутъ никакого, потому что Московскіе войска ни которыхъ людей такъ нестрашны, какъ Крымскихъ.» Вообще правительство наше продолжало, въ отношеніи къ Крыму, дѣйствовать съ такою осторожностью, что политика его, въ самомъ дѣлѣ, могла казаться робкою. Только въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича замѣтно какое-то отступленіе отъ этой системы. Не одни казаки, смѣлыми набѣгами, мстили Крымцамъ за ихъ вторженія. Осенью 1675 года участвовалъ въ походѣ противъ Крыма и Русскій отрядъ подъ предводительствомъ малолѣтнаго князя Каспулата Муцаловича Черкасскаго. Поддерживаемый Донскимъ атаманомъ Флоромъ Миняевымъ и 1000 Калмыковъ, онъ соединился въ Запорожьи съ кошевымъ Сѣркомъ: проникнулъ, чрезъ Гнилое море, во внутренность полуострова, побилъ многихъ Татаръ и опустошилъ ихъ улусы [1]. Послѣднимъ дѣломъ Алексѣя Михайловича было распоряженіе, отправленное къ кн. Ромодановскому и гетману Самойловичу относительно

посольскій приказъ... потомъ Царь велитъ имъ быть къ себѣ... и принявъ грамоту, велитъ съ пословъ однорядки снять, а взложить на нихъ золотые шубы при себѣ, а однорядки отошлютъ къ нимъ на дворъ; и потомъ Царь велитъ посломъ итти къ своей рукѣ, и какъ они къ рукѣ придутъ, и Царь кладетъ руку свою на ихъ головы, а цѣловать не даетъ; и потомъ Царь даетъ посламъ пити кубками романеи, да по ковшю меду вишневого; и потомъ отпущаютъ ихъ къ себѣ на дворъ. И иные изъ тѣхъ пословъ, выпивъ романею и медъ, суды берутъ къ себѣ и кладутъ за пазуху; а говорятъ они послы: «когда де Царь пожаловалъ ихъ платьемъ и питьемъ, и тѣмъ судамъ годится быти у нихъ же;» и у нихъ тѣхъ судовъ Царь отнимати не велитъ, потому что спороваться съ бусурманомъ въ стыдъ. И для такихъ безстыдныхъ пословъ дѣлаютъ нарочно въ Аглинской землѣ сосуды мѣдные, посеребряные и позолочены» (стр. 55).

1. Собр. гос. гр. и дог. IV, № 100 («похвальная грамота Донскимъ атаманамъ и казакамъ»): «ходили на нашу Великаго Государя службу для промысла въ Крымъ чрезъ Гнилое море за Перекопь и были у Каменнаго мосту, и заставы, которыя поставили провѣдавъ о приходѣ ихъ Крымскіе

предполагаемаго Крымскаго похода [1]. Но время рѣшительныхъ дѣйствій противъ хищной орды еще не наступило: надлежало сперва ослабнуть причинамъ, задерживавшимъ ихъ.

салтаны, сбили и Крымскихъ людей побили многихъ... и многія села и деревни пожгли, и воинскіе признаки бунчуки и шатры взяли».

1. Собр. гос. гр. и дог. IV, № 101 и 102; у Арцыб. VI, стр. 173.

ГЛАВА VIII.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЯ СНОШЕНІЯ.

Являясь достойнымъ продолжателемъ государственной дѣятельности своихъ предшественниковъ, Алексѣй Михайловичъ не могъ не обратить вниманія на важность дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными Державами.

Сношенія эти, во второй половинѣ XVII вѣка, становятся все многочисленнѣе и многозначительнѣе. Европейскія государства, преслѣдуя каждое свои интересы, искали нашего союза; Московское правительство, съ своей стороны, болѣе и болѣе обнаруживало желаніе ближе ознакомиться съ положеніемъ политическихъ дѣлъ Европы. Почти при каждомъ статейномъ спискѣ нашихъ посольствъ, начиная съ 1667 года, находимъ дополнительныя статьи о томъ, «съ какимъ государствомъ короли въ дружбѣ, съ кѣмъ ссылаются и какихъ государствъ резиденты и по скольку живутъ»[1]. Цѣль эта проявляется и въ учрежденіи постоянной почты: оно способствовало своевременному полученію извѣстій изъ другихъ странъ[2]. Самыя отношенія къ ближайшимъ сосѣ-

1. М. Н. Капустина: «Дипл. сн. Росс. съ З. Д.» стр. 51.
2. Тамъ же, стр. 77.

дамъ, Швеціи и Польшѣ, имѣя постоянною задачею возвращеніе древне-Русскихъ земель на Западѣ, должны были, по мѣрѣ того какъ страны, составлявшія черту разъединенія, входили въ составъ Россіи, вести къ одному результату: къ болѣе тѣсному сближенію ея съ Европою. Россія готовилась быть участницею въ общей политической жизни Европейскихъ Державъ. Она принимала участіе, хотя и посредственное, въ первомъ обще-Европейскомъ трактатѣ — актѣ Вестфальскаго мира: Швеція включила въ него Государя Московскаго, какъ своего союзника (allié et adherant) [1]. При самомъ началѣ своего царствованія, Алексѣй Михайловичъ, по обычаю, уже установившемуся, обвѣстилъ о вступленіи на престолъ всѣхъ «братьевъ своихъ любительныхъ», всѣхъ вѣнценосцевъ Европы, съ которыми его предшественники имѣли ссылки: отправлены были гонцы въ Польшу, Данію, Швецію, Англію, Австрію, Францію [2]. Иностранные Государи не замедлили отвѣчать поздравленіями. За посольствами церемоніальными вскорѣ послѣдовали посольства и по другимъ дѣламъ; и почти ни одно изъ нихъ не осталось безъ отвѣта со стороны Московскаго правительства. Иногда съѣзжались въ Москвѣ послы изъ разныхъ государствъ; въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича образовался, при его Дворѣ, даже родъ дипломатическаго корпуса, члены котораго вели дѣятельные переговоры между собою [3]. Живали у насъ и постоянные иностранные резиденты [4], но преимущественно по дѣламъ тор-

1. Дипл. сн. Росс. съ З. Держ. стр. 51.

2. Дв. Разр. III, стр. 5 и 6. Даже въ Турцію и Персію были отправлены посольства съ извѣстіемъ о воцареніи: въ первую посланникъ Степанъ Телепневъ, во вторую гонецъ Яковъ Родіоновъ.

3. Relation de trois ambassades, p. 112. — Древн. Росс. Вивл. V, 430. Въ 1675 году съѣхалось въ Москвѣ восемь дипломатическихъ агентовъ: находились тамъ резиденты Датскій, Польскій, Персидскій; прибыли послы Императорскіе, Бранденбургскій и Голландскій. Они, съ согласія Моск. правительства, не только посѣщали другъ друга, но и вели переговоры.

4. «Розгингенты», какъ ихъ иногда у насъ называли, см. Дв. Разр. III, стр. 1555.

говымъ. Вообще подобныя явленія выходили изъ сферы обыкновенныхъ: съ одной стороны, для каждаго дѣла почти всегда назначалось и особое посольство, которое, по окончаніи его, возвращалось въ отечество; съ другой, Московское правительство, наблюдая величайшую осторожность въ отношеніи къ иностраннымъ дипломатическимъ агентамъ [1], не благопріятствовало постояннымъ миссіямъ. Чтобъ побѣдить эту недовѣрчивость, надлежало еще сдѣлать значительный шагъ на пути сближенія съ Западно-Европейскою политикою.

Въ дипломатическихъ сношеніяхъ своихъ, Россія, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, преслѣдовала, большею частію, прежнія цѣли. Она допускала посредничество другихъ Державъ, иногда и сама искала его въ борьбѣ съ Польшею, долженствовавшею утвердить возсоединеніе съ нею Малороссіи: такъ въ трактатѣ Андрусовскомъ постановлено, въ случаѣ безуспѣшности переговоровъ о вѣчномъ мирѣ, «призвати Государей Христіанскихъ за посредники» [2]. Она вела дружественные переговоры съ Австріею, Даніею, Голландіею, чтобъ, пользуясь ихъ непріязненными отношеніями къ Швеціи, возвратить Прибалтійскія земли. Не упускались изъ виду и выгоды торговли: почти въ каждый трактатъ съ иностранною Державою включалось нѣсколько статей о торговыхъ сношеніяхъ, какъ источникѣ обогащенія государствъ [3]. Частыя сношенія съ странами образо-

1. Такъ Русскимъ приставамъ, находившимся при иностранныхъ посланникахъ, предписывалось: «буде посланники учнутъ спрашивать про какія вѣсти, и имъ говорить краткимъ обычаемъ, а больше отговариваться невѣдѣніемъ — что онъ былъ въ отъѣздѣ и слышать ему не случилось. А о чемъ послы съ ними поговорятъ, о томъ сказывать въ посольскомъ приказѣ». См. Г. Попова: «Росс. въ отн. къ Держ. ин. при к. Ц. А. М.» Наши послы, въ случаѣ распросовъ при другихъ Дворахъ, также должны были отговариваться невѣдѣніемъ: «мы люди молодые, почему намъ вѣдати» и т. п.

2. Ст. 12. При самомъ началѣ войны съ Польшею, Царь, извѣщая Французскаго короля объ открытіи военныхъ дѣйствій, просилъ о посредничествѣ (М. Н. Капуст. стр. 44).

3. М. Н. Кап: «Дипл. сн. Росс.» стр. 117.

ванными должны были также способствовать вызову ремесленниковъ, художниковъ и особенно людей искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ, на усовершенствованіе котораго такъ много обращали тогда вниманія. Къ этому времени относится и окончательное рѣшеніе вопроса о признаніи титула царскаго — вопроса, который всегда находился на первомъ планѣ въ дипломатическихъ переговорахъ нашихъ съ иностранными Державами. Россія постоянно настаивала на такомъ признаніи: ибо въ титулѣ ея Царей изображалась ея исторія, выражалось сознаніе о ея государственномъ достоинствѣ. Во второй половинѣ XVII вѣка, всѣ Державы, въ числѣ ихъ Польша и Швеція, которыхъ собственные интересы были замѣшаны въ это дѣло, окончательно признали Царскій титулъ Государя Московскаго, какъ освященный и правомъ, и долгимъ употребленіемъ [1]. Австрія, по настоятельному требованію, придала также Алексѣю Михайловичу титулъ Величества [2], который Карлъ V нѣкогда считалъ исключительнымъ достояніемъ Императорскаго сана. Въ 1675 году подтверждено это формальнымъ договоромъ [3].

Но, вмѣстѣ съ прежними потребностями, стали проявляться и новыя, какъ необходимое слѣдствіе дальнѣйшаго развитія государственной жизни Россіи и самаго сближенія ея съ Европою: 1) потребность составить общій союзъ противъ Турціи, вызванная не домогательствомъ другихъ Державъ, но современнымъ положеніемъ Московскаго государства, сознанная его правительствомъ; 2) потребность вмѣшательства въ дѣла обще-Европейскія.

Давно главные представители обще-Христіанскихъ ополченій противъ страшныхъ Турокъ, Дворы Римскій и Вѣнскій, приглашали Московскихъ Государей принять участіе въ предпріятіяхъ, которыя хотя и не осуществлялись, од-

1. М. Н. Кап: «Дипл. сн. Росс.», гл. II, 1.
2. Пут. Мейерб. изд. Аделунгомъ, стр. 46, пр. 26.
3. П. С. З. № 610 и соч. Г. Попова: «Россія въ отн. къ Держ. Евр. при к. Ал. Мих.»

нако тѣмъ не менѣе, въ свое время, волновали всю Европу [1]. Но Россія, еще не укрѣпившаяся и занятая иными, ближайшими вопросами, постоянно уклонялась отъ принятія подобныхъ предложеній. Прямое участіе въ борьбѣ противъ Турціи еще не соотвѣтствовало ни силамъ ея, ни ближайшимъ интересамъ государственнымъ. Таково было положеніе дѣлъ въ XVI-мъ и въ первой половинѣ XVII вѣка. Между тѣмъ присоединилась Малороссія. Московское государство пришло въ прямое враждебное столкновеніе съ Турціею вслѣдствіе отношеній къ Польшѣ, установившихся послѣ Андрусовскаго мира, и желанія устранить притязанія Турціи на господство въ Заднѣпровской Украйнѣ. По договору 1672 года обязалось оно помогать Польшѣ въ войнѣ съ султаномъ. Отсюда проистекало стремленіе вооружить противъ общихъ враговъ Христіанства другія Державы. Посолъ нашъ, маіоръ сухопутныхъ войскъ Павелъ Менезіусъ является, 1673 г., къ курфирсту Бранденбургскому съ просьбою о вспомоществованіи Польшѣ, угрожаемой Турками, и обѣщаніемъ содѣйствія Московскаго Двора для примиренія Англіи и Франціи съ Голландіею. Съ тою же цѣлью посѣщаетъ онъ Вѣну, Венецію и Римъ [2]. Вмѣстѣ съ желаніемъ составить союзъ противъ Турціи, проявляются здѣсь и первые слѣды другаго начала: начала посредничества, вмѣшательства въ отношенія между Европейскими государствами. Въ прежнія времена, вмѣшательство Россіи въ дѣла другихъ Державъ ограничивалось заступничествомъ за послѣдователей Православнаго исповѣданія, для которыхъ Царь Московскій, какъ единый подъ солнцемъ единовѣрный имъ Государь, всегда былъ природнымъ покровителемъ. Въ дѣлахъ политическихъ обнаруживалось оно только при избраніи королей Польскихъ: но въ этомъ слу-

---

1. См. Пам дипл. снош. Росс. съ иностр. Держ. Т. I и Hist. Russ. Monumenta.

2. Берхъ: царств. Ал. Мих. I, стр. 273. По возвращеніи своемъ, Менезіусъ былъ пожалованъ въ Генералъ-Маіоры.

чаѣ сама Польша постоянно допускала вмѣшательство всѣхъ сосѣднихъ Державъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича впервые проявляется участіе Россіи въ дѣлахъ отдаленнаго Запада; вмѣстѣ съ тѣмъ, высказывается то консервативное начало, котораго она и впослѣдствіи постоянно придерживалась, какъ покровительница всякоіі законной власти. Узнавъ о несчастной судьбѣ Карла I Англійскаго, Царь Алексій не хотѣлъ принять посольства отъ Кромвеля, между тѣмъ какъ прочіе Европейскіе Государи наперерывъ спѣшили вступить въ сношенія съ восторжествовавшимъ властолюбцемъ. Когда посольство прибыло къ Архангельску, оно получило повелѣніе немедленно оставить Московское царство. Алексѣй Михайловичъ послалъ даже протестъ къ другимъ Дворамъ, представляя, что въ лицѣ погибшаго Карла I, котораго онъ называлъ славнымъ мученикомъ, нанесена обида всѣмъ Государямъ. Одною изъ главныхъ причинъ отнятія у Англичанъ торговыхъ преимуществъ выставилъ онъ ихъ преступленіе противъ короля: что они «всею землею учинили большое злое дѣло, Государя своего, Карлуса короля убили до смерти»; вступился за Карла II и, какъ видно изъ описанія посольства графа Карлиля, посылалъ денежное вспомоществованіе этому державному изгнаннику [1].

Наиболѣе замѣчательныя сношенія наши, кромѣ Польши и Швеціи, въ мирное время часто обсылавшихся посольствами съ Россіею, были съ Австріею, Бранденбургіею, Голландіею, Англіею, Даніею. Въ сношеніяхъ своихъ съ Московскимъ Дворомъ, Австрія, какъ мы видѣли, являлась, съ одной стороны, посредницею въ дѣлахъ Польскихъ; съ другой, искала помощи противъ Турціи, съ которою должна была, во второй половинѣ XVII вѣка, выдержать трудную борьбу. Но въ отношеніи къ Польшѣ, она часто играла какую-то двусмысленную роль. Обнадеживъ Царя касательно избранія въ Польскіе короли, вовлекла его въ войну со

1. Rel. de trois amb. de Carlisle, p. 67.

Швеціею; между тѣмъ искала короны Ягеллоновъ для одного изъ своихъ принцевъ. Впослѣдствіи, предъ открытіемъ мирнаго конгресса въ Оливѣ, по свидѣтельству Пуфендорфа, опять вела съ Московскимъ Дворомъ переговоры о раздѣлѣ Польши [1]. Изъ Австрійскихъ посольствъ замѣчательнѣйшее было въ 1661 году, во главѣ котораго находился знаменитый Мейербергъ. Цѣль посольства: получить помощь противъ Турціи и способствовать примиренію между Россіею и Польшею—не была достигнута. Но плодомъ путешествія Мейерберга, цѣлый годъ жившаго въ Москвѣ, отлично принимаемаго и честимаго Царемъ, былъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ источниковъ для нашей исторіи въ XVII вѣкѣ: описаніе Россіи съ чертежами и изображеніями предметовъ, которые наиболѣе обратили на себя вниманіе образованнаго иноземца-наблюдателя. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича прибыли отъ Императора Леопольда послы Францискъ Боттони и Іоаннъ Карлъ Терлингеръ Гусманъ. Находившіеся тогда въ Москвѣ дипломатическіе агенты другихъ Державъ ожидали, что они примутъ дѣятельныя мѣры для убѣжденія Россіи вмѣшаться въ войну противъ союзницы Людовика XIV—Швеціи [2]: но Австрійскіе послы обошли наиболѣе важные вопросы. Они подписали только тайный трактатъ, по которому имперія и Россія, до заключенія окончательнаго союза между ними, обязались не вступать въ дружественные переговоры съ обоюдными врагами [3]. Сношенія съ Бранденбургіею касались дѣлъ Польши и Швеціи. Бранденбургскій посолъ Скультетъ два раза пріѣзжалъ въ Москву: во второй разъ въ 1675 году, чтобъ

1. Pufend. de r. gest. Car. Gust. VII, § 4: «Inter Caesarem et Moscum convenisse dicebatur, ut iste Poloniam usque ad Vistulam, hic quae ultra id flumen sita sunt haberet».

2. Цѣль посольства выражена въ вѣрительной грамотѣ. Она помѣщена въ «сказаніи Адольфа Лизека», который былъ секретаремъ при этомъ посольствѣ (см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1837, стр. 331). Здѣсь подробно описаны и переговоры пословъ съ нашими боярами, преимущественно съ А. С. Матвѣевымъ.

3. П. С. Зак. № 610.

побудить Царя ко вторженію въ Шведскія земли [1]. Если въ 1673 году, Московскій Дворъ, чрезъ посланника своего Менезіуса, убѣждалъ курфирста подать помощь Польскому правительству противъ Турціи: то теперь послѣдній, въ свою очередь, заботился о томъ же, старался самаго Царя вооружить въ пользу Польши. Сношенія съ Нидерландами, при преобладаніи интересовъ торговыхъ, касались и дѣлъ политическихъ. Изъ дипломатическихъ агентовъ, пріѣзжавшихъ къ намъ, замѣчательны Яковъ Борель и, особенно, чрезвычайный посолъ фанъ-Кленкъ. Первый былъ въ Москвѣ, въ 1665 году, для устраненія разныхъ недоразумѣній, возникшихъ по торговлѣ [2]. Второй прибылъ, въ 1675 году, благодарить Царя за стараніе его примирить Голландію съ Франціею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обвѣстить, что соединенные штаты возвели принца Оранскаго въ достоинство потомственнаго штатгалтера и вручили ему начальство надъ войсками и флотомъ. Впрочемъ главною цѣлью посольства было желаніе, при содѣйствіи Бранденбургіи, Даніи и Австріи, вооружить Россію противъ Швеціи [3]. Съ нашей стороны также отправлялись посольства въ Голландію, промышленная дѣятельность которой, и въ періодъ, предшествовавшій преобразованіямъ Петра Великаго, обращала на себя особенное вниманіе Московскаго правительства. Оттуда преимущественно вызывались полезные иноземцы въ отдаленную Московію. Такъ порученіе вывести мастеровъ, искусныхъ офицеровъ и солдатъ было, между прочимъ, дано И. Д. Милослав-

---

1. П. С. Зак. № 565: «Отвѣтныя статьи изъ посольскаго приказа Бранденбургскому посланнику Скультету относительно помощи Польшѣ противъ Турціи». Также: Büsching's Magazin, гдѣ находится: «Beschreibung der zwoten Gesandschaft, welche Joachim Scultetus etc. 1675 nach Russland angetreten».

2. О пріемѣ его Дв. Разр. III, 586 и Берхъ I, стр. 185.

3. О посольствѣ этомъ см. отрывокъ Г. Попова въ Москв. 1853, № 10. Фанъ-Кленкъ составилъ любопытное описаніе своего посольства, изд. въ Амстердамѣ 1677 г: «Historisch Verhael of Beschriving van de Voyagie gedaen on der de suite van den Heere Konrad van Klenk».

скому, ѣздившему, въ 1647 году, посломъ къ «ихъ Высокомочнымъ Господамъ Штатамъ Генералъ славныхъ единовладѣтельствующихъ вольныхъ соединенныхъ Нидерландовъ», — титулъ, которымъ пользовалось у насъ правительство этой республики [1].

Частыя дипломатическія сношенія съ Англіею были пріостановлены переворотомъ, происшедшимъ въ половинѣ XVII столѣтія. Они возобновились только по возвращеніи Стюартовъ на престолъ Великобританіи и Ирландіи. Въ 1663 г. князь Прозоровскій и Ордынъ-Нащокинъ были отправлены въ Лондонъ къ Карлу II съ поздравленіемъ и богатыми дарами; «а посланы такіе великіе дары для подкрѣпленія старые ихъ государскіе братскіе дружбы и любви [2]. Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ въ Москву, съ блестящею свитою, Англійскій посолъ графъ Карлиль [3]. Но посольства эти не могли возстановить прежняго дружественнаго характера сношеній нашихъ съ Англіею: послѣдняя, всегда вѣрная своекорыстному направленію политики своей, не могла забыть, что Царь Русскій, внявъ справедливымъ жалобамъ своихъ подданныхъ, указомъ 1649 года, ограничилъ привилегіи ея купцовъ, отнялъ у нихъ возможность подавлять развитіе нашей промышленности, набивать свои карманы въ ущербъ нашему торговому сословію. Тщетно Карлиль домогался возстановленія прежнихъ правъ своихъ единоземцевъ. Не получивъ желаемаго, гордый, дерзкій посолъ не принялъ царскихъ подарковъ и, своими выходками, возбудилъ общее негодованіе Московскихъ бояръ.

Что касается до отношеній къ Даніи, то, казалось, они, при началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, также должны были утратить дружественный характеръ. Еще при жизни Царя Михаила прибылъ въ Москву сынъ Датскаго короля Христіана IV, принцъ Вольдемаръ (графъ

1. Др. Росс. Вивл. XVI, стр. 182.
2. Тамъ же, стр. 161.
3. Relation de trois ambassades. — О пріемѣ Карлиля также въ Дв. Разр. III, 553 — 584.

Гильденлеве), изъявившій желаніе вступить въ бракъ съ царевною Ириною Михайловною. Но брачные переговоры затянулись. Вольдемаръ не хотѣлъ присоединиться къ Греко-Россійской Церкви; Государь, не смотря на искреннее желаніе устроить дѣло, не соглашался выдать дочери за иновѣрца [1]. Между тѣмъ скончался Михаилъ Ѳеодоровичъ. Преемникъ его, по вступленіи своемъ на престолъ, велѣлъ объявить принцу, что онъ несогласенъ на предполагаемый бракъ, и немедленно принялъ мѣры для отпуска изъ Москвы какъ его, такъ и прибывшаго по этому дѣлу Датскаго посольства [2]. Обстоятельство это не имѣло однакожь продолжительнаго вліянія на отношенія наши къ Даніи: отецъ Вольдемара, Христіанъ IV, скоро скончался. При преемникахъ его Россія находилась въ дружественныхъ связяхъ съ нею. Въ числѣ многихъ дипломатическихъ агентовъ, бывшихъ при нашемъ Дворѣ въ 1675 году, является постоянный резидентъ со стороны Даніи, Магнусъ Гоэ (Монсъ Гей — какъ его у насъ называли) [3]. Кромѣ этихъ державъ, Россія обсылалась посольствами съ Франціею, Испаніею, Венеціею, Тосканою; слѣдовательно почти со всѣми Европейскими государствами. Во Францію и Испанію ѣздилъ посломъ стольникъ Петръ Ив. Потемкинъ, составившій подробные статейные списки своихъ посольствъ [4]; въ Венецію (1657 г.) стольникъ И. И. Чемодановъ, во Флорен-

---

1. Büschings Mag: «Nachricht von Woldemar Christian Güldenlöwe Graf v. Schleswig-Holstein Reise nach Russland» (B. X). — Въ выпискѣ изъ рукописнаго хронографа у Арцыб. VI, пр. 512: «и тотъ Королевичь не крестился вправославную истинную христианскую вѣру и Государь за то не изволилъ за него невѣрного дать дщери своей, и много синмъ прѣнія было о вѣре христіянской, и онъ не послушалъ, понеже ослепленъ невѣріемъ, да у него же былъ Немчинъ еретикъ именемъ Мартьяшь» (т. е. пасторъ по имени Матвѣй).

2. Дв. Разр. III, стр. 7. — Берхъ I, стр. 24.

3. «Россія въ отн. къ Держ. Евр.» Попова.

4. Др. Росс. Вивл. IV: «Статейный списокъ посольства стольника и намѣстника Боровскаго Петра Ивановича Потемкина въ Испанію 7175 (1667 г.)» и такой же списокъ посольства его во Францію.

цію (1659 г.) дворянинъ Лихачевъ [1], въ Римъ Менезіусъ. Изъ Венеціи пріѣзжалъ (1657 г.) посланникъ Вименъ да Ченеда.

Сближаясь съ Западомъ, Россія, въ то же время, поддерживала связи свои съ Востокомъ. Такъ, въ самомъ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, были отправлены посольства въ Турцію и Персію съ извѣстіемъ о его воцареніи. Если впослѣдствіи отношенія къ первой Державѣ стали принимать болѣе и болѣе непріязненный характеръ, то, напротивъ того, съ Персіею Россія, во все продолженіе этого царствованія, оставалась въ дружественныхъ связяхъ и часто обсылалась посольствами [2]. Ссылки эти касались преимущественно дѣлъ торговли: «были о торговыхъ людехъ, чтобъ торговымъ людемъ на обѣ стороны дорога была отворена». Положено также начало сношеніямъ нашимъ съ Богдыханскимъ Дворомъ, которыя сдѣлались необходимыми со времени сближенія границъ Россіи съ Китаемъ. Первымъ посланникомъ въ Китай ѣздилъ (1654 г.) боярскій сынъ Байковъ [3]. Но посольство его не имѣло большаго успѣха. Передавъ подарки, Байковъ не могъ доставить царской грамоты, которую долженъ былъ лично поднести Богдыхану: ибо отказался отъ унизительныхъ обрядовъ, сопряженныхъ съ пріемомъ пословъ въ Пекинѣ [4]. Послѣ него отправленъ былъ (1658 г.) бояр-

1. Др. Росс. Вивл. IV: «Статейные списки посольствъ стольника и намѣстника Переяславскаго Ив. Ив. Чемоданова въ Венецію, 7164 (1656) г. и дворянина и Боровскаго намѣстника Вас. Лихачева во Флоренцію 7167 (1659) г.».

2. Такъ въ 1645 г. отправленъ былъ въ Персію гонецъ Яковъ Родіоновъ, въ 1653-мъ гонецъ Клементій Іевлевъ (Акты ист. IV, № 68), въ 1654 г. посолъ окольничій князь Лобановъ-Ростовскій, въ 1670-мъ гонецъ Наумъ Колесниковъ (Арц. VI, 161); изъ Персіи пріѣзжалъ 1645 г. посолъ Аги-Асанъ (Акты ист. IV, № 2) и т. д.

3. Еще прежде посылки Байкова было посольство въ Китай: дворянинъ Зиновьевъ, по прибытіи на Амуръ, отправилъ туда, въ качествѣ гонца, казака Чечигина. Но Чечигинъ не достигъ цѣли своего назначенія: онъ былъ убитъ на дорогѣ; притомъ и посланъ былъ, кажется, только къ правителю Манчжуріи.

4. Др. Росс. Вивл. IV: «Путешествіе Росс. посланника Ѳед. Исак.

скій сынъ Перфильевъ: онъ возвратился уже съ отвѣтною грамотою и дарами отъ владѣтеля Поднебесной имперіи[1]. Но потомъ, въ продолженіе почти 20 лѣтъ, сношенія наши съ Китаемъ производились только отъ Сибирскихъ начальниковъ[2]. Не прежде 1675 года, въ управленіе посольскими дѣлами боярина Матвѣева и при усилившейся потребности оградить поселенія на Амурѣ отъ частыхъ нападеній, отправлено было новое посольство къ Пекинскому Двору съ предложеніемъ установить постоянныя мирныя сношенія. Во главѣ его находился переводчикъ посольскаго приказа Спафарій (родомъ изъ Молдавіи); съ нимъ десять Грековъ, двое молодыхъ подъячихъ, 40 ратныхъ людей и священникъ[3].

Была попытка вступить въ сношенія даже съ отдален-

Байкова въ Китай 7162 (1654) года». Въ грамотѣ Алексѣй Михайловичъ, изобразивъ славу и величіе своихъ предковъ и свой «милостію и благоволеніемъ Бога Единаго, Безначальнаго и Безконечнаго, Невидимаго и Неописаннаго, Страшнаго, Неприступнаго, превыше небесъ пребывающаго, въ тріехъ лицахъ славимаго и во единствѣ поклоняемаго».. всея В. и М. и Б. Россіи Самодержца полный титулъ, проситъ Богдохана «Царя города *Камбулака* и всего Китайскаго государства владѣтеля» также сказать свой полный титулъ и изъявляетъ желаніе быть съ нимъ въ крѣпкой дружбѣ и пересылкѣ. Но о столкновеніяхъ на Амурѣ здѣсь еще ничего не упоминается (Берхъ II, стр. 172).

1. Дары состояли въ нѣсколькихъ шелковыхъ тканяхъ и 10 пуд. чаю; и въ отвѣтной грамотѣ Богдыханъ писалъ: «Дань, отъ тебя посланную, мы приняли, и противъ сего посылаемъ тебѣ жалованье и милость» (Берхъ, стр. 285 и прим. 190).

2. Такъ въ 1670 г. боярскій сынъ Данило Аршинскій, воеводствовавшій въ Нерчинскѣ, доносилъ (Акты ист. IV, № 211) о прибытіи туда Богдыханскихъ пословъ зайсана именемъ Манчунчея, подъячаго и человѣкъ 40 рядовыхъ и о переговорахъ съ ними. «И Данило посылалъ въ Китай къ Царю Великаго Государя посланцовъ, служивыхъ людей Игнатья Милованова, да Григорья Кобякова съ товарищи 50 человѣкъ. И они въ Китайскомъ были, и Царя видали, и кормъ имъ съ честію, и дары были отъ Царя имъ и листъ съ ними къ Великому Государю, къ Москвѣ» (Арцыб. VI, пр. 1004).

3. Арцыб. 1004: «1675 г. пріѣхалъ съ Москвы въ Тобольскъ... Государской посолъ Николай, Гавриловъ сынъ, Спафарій сирѣчь мудрый человѣкъ или философъ, родиною Волошанинъ.. А велѣно ему итти въ Китайское царство, къ Китайскому царю посольствовать».

ною Индiею: отправленъ, въ 1675 году, посланникъ Мамети Касимовъ къ Великому Моголу «Евреинъ-Зепу» (т. е. Ауренгъ-Зебу, послѣднему замѣчательному властителю Индiи изъ рода Тимура, почти полвѣка царствовавшему надъ нею), съ изъявленiемъ желанiя быть съ нимъ въ дружбѣ и просьбою прислать въ Россiю Индiйскихъ пословъ [1].

Таковы важнѣйшiя дипломатическiя сношенiя Россiи въ царствованiе Алексѣя Михайловича. Но кто жъ были главные дѣятели на этомъ многозначительномъ поприщѣ, главныя орудiя сближенiя Московскаго государства съ Западною Европою? — Первое мѣсто безспорно принадлежитъ Ордыну-Нащокину, второе А. С. Матвѣеву.

Аѳанасiй Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ былъ сынъ небогатаго Псковскаго дворянина: но, получивъ замѣчательное по своему времени воспитанiе [2], возвысился личными достоинствами до первыхъ степеней въ государствѣ. По свидѣтельству иностранцевъ [3], не уступалъ онъ, въ знанiи государственныхъ дѣлъ, ни одному изъ современныхъ ему Европейскихъ министровъ; мудрый политикъ, неутомимый въ дѣлахъ, неподкупный, строго воздержный, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, образцемъ Христiанскихъ добродѣтелей [4]. Въ качествѣ сперва члена, потомъ главы замѣчательнѣйшихъ посольствъ нашихъ, Ордынъ-Нащокинъ посѣтилъ

---

1. П. С. Зак. № 596.

2. Онъ былъ обученъ языкамъ Латинскому и Нѣмецкому (см. Тр. общ. ист. и др. Росс. 1833, ч. VI, стр. 177, статью Малиновскаго).

3. Коллинсъ: «нын. состоянiе Россiи», стр. 33 и 34.

4. О высокихъ подвигахъ Христiанскихъ Ордына-Нащокина свидѣтельствуетъ царская грамота 1658 г. Апр. 28 о пожалованiи его Думнымъ дворяниномъ (Акты ист. IV, № 118): «Пожаловали мы Великiй Государь тебя Аѳанасья, за твои къ намъ Великому Государю многiя службы и радѣнье, что ты, *помня Бога и его святыя заповѣди, алчныхъ кормишъ, жадныхъ поишъ, нагихъ одѣваешъ, странныхъ въ кровы вводишъ, болныхъ посѣщаешъ, въ темницы приходишъ, еще и ноги умываешъ*», и наше Великого Государя крестное цѣлованье исполняешъ, намъ В. Государю служишъ, о нашихъ В. Г. дѣлѣхъ радѣешъ мужественно и храбро, и до ратныхъ людей ласковъ, а воромъ не спущаешъ, и противъ Свѣйскаго короля славныхъ городовъ стоишъ съ нашими людми смѣлымъ сердцемъ».

Швецію, Пруссію, Польшу, Саксонію, Данію, Австрію, Англію; является главнымъ представителемъ стремленія утвердить владычество Россіи при Балтійскомъ морѣ и оживить ея торговлю. Онъ велъ всѣ переговоры со Швеціею и заключилъ Валіесарское перемиріе [1]. Но славнѣйшимъ изъ его подвиговъ на поприщѣ дипломатическомъ было, безъ сомнѣнія, заключеніе мира Андрусовскаго съ Польшею, воздвигшаго ему, по словамъ современника, благороднѣйшій памятникъ въ сердцахъ потомковъ. Виновникъ этого мира былъ пожалованъ (1667 г.) въ бояре и осыпанъ другими наградами [2]. Съ того времени управлялъ Посольскимъ приказомъ, переименованнымъ въ «Государственный Приказъ Посольскія печати», пользуясь титуломъ: «Царственныя Большія печати и государственныхъ великихъ и посольскихъ дѣлъ оберегателя». Кромѣ другихъ важныхъ дѣлъ, ввѣрены были также его завѣдыванію почта, учрежденная, по его же плану, для своевременнаго сообщенія извѣстій, равно какъ построеніе перваго корабля нашего. Между тѣмъ (въ 1668 г.) долженъ былъ онъ отправиться во главѣ новаго посольства въ Польшу, чтобъ способствовать избранію въ преемники Яна Казимира царевича Алексія, или самаго Царя, какъ желалъ послѣдній, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключить вѣчный миръ на основаніи Андрусовскаго. Но неохотно принялъ на себя дальновидный дипломатъ порученіе, которое не могло имѣть успѣха. По возвращеніи, онъ уже недолго оставался въ столицѣ. Въ 1672 году удалился онъ отъ дѣлъ и постригся, подъ

---

1. Если въ трактатахъ кн. Прозоровскій и является на первомъ мѣстѣ между уполномоченными, то однакожь всѣ переговоры велъ Ордынъ-Нащокинъ. О немъ исключительно говорятъ, въ этихъ случаяхъ, иностранные писатели, на пр. Пуфендорфъ.

2. Ордынъ-Нащокинъ не имѣлъ наслѣдственнаго богатства; но въ числѣ наградъ, полученныхъ имъ въ продолженіе его государственной дѣятельности, были и значительныя помѣстья. «За его къ великому Государю и всему Московскому государству многую службу и раденіе», пожалованы ему въ вѣчное потомственное владѣніе Порѣцкая волость и 500 дворовъ въ Костромскомъ уѣздѣ.

именемъ Антонія, въ одномъ изъ Псковскихъ монастырей (въ обители Св. Іоанна Богослова, именуемой Крыпецкою, въ 20 в. отъ Пскова), чтобъ остальные дни жизни вполнѣ посвятить подвигамъ Христіанскаго благочестія и смиренія: завелъ больницу и, вмѣстѣ съ другими иноками, самъ служилъ страждущимъ. Впрочемъ какъ Царь Алексій, такъ и преемникъ его Θеодоръ еще неоднократно прибѣгали письменно къ совѣтамъ мужа, умудреннаго долговременною опытностью. При послѣднемъ пріѣзжалъ онъ даже въ Москву для переговоровъ съ Польскимъ посольствомъ. Онъ скончался въ 1680 году [1].

Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, уже съ первыхъ лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича, участвовалъ во многихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Въ 1654 году, въ званіи головы Московскихъ стрѣльцовъ, былъ онъ отправленъ въ Малороссію съ знаменитымъ посольствомъ, назначеннымъ для приведенія къ присягѣ Хмельницкаго; и первый возвратился съ донесеніемъ объ успѣшномъ окончаніи порученія [2]. Пожалованный въ стольники и полковники, участвовалъ въ войнѣ съ Польшею, отличился особенно во время приступа къ Смоленску; потомъ продолжалъ свое служеніе на поприщѣ дипломатическомъ, на которомъ преимущественно суждено было ему пріобрѣсти знаменитость; оказалъ много услугъ по дѣламъ Малороссіи, и получилъ въ управленіе Малороссійскій приказъ. Постепенно приближаемый Царемъ за личныя достоинства свои, онъ наконецъ сдѣлался его первымъ совѣтникомъ и другомъ; пользовался неограниченною довѣренностію добраго Государя, всегда нуждавшагося въ человѣкѣ, которому могъ бы откровенно сообщить задушевныя мысли

---

1. Объ Ордынѣ-Нащокинѣ см. жизнеописаніе его, соч. Малиновскимъ, въ Трудахъ общ. ист. и др. 1833, ч. VI; также: Терещенко: опытъ обозр. жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, Спб. 1837, ч. I, и статью г. Соловьева въ Спб. вѣдомостяхъ 1850, № 70: «А. Л. Ордынъ-Нащокинъ».

2. Собр. гос. гр. и дог. III, № 164.

свои, раздѣлить съ нимъ время, свободное отъ другихъ занятій. «Пріѣзжай скорѣй — писалъ однажды къ Матвѣеву Алексѣй Михайловичъ — мои дѣти осиротѣли безъ тебя; мнѣ не съ кѣмъ посовѣтоваться» [1]. Такое значеніе имѣлъ этотъ образованный мужъ, котораго народъ называлъ своимъ отцемъ, который, по свидѣтельству иностранцевъ, былъ выше всякой похвалы [2]. По удаленіи Ордына-Нащокина въ монастырь, Матвѣевъ, въ званіи окольничаго, заступилъ (1672 г.) его мѣсто, какъ Царскія большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель; и, въ послѣдній годъ царствованія Алексѣя Михайловича, былъ пожалованъ въ бояре [3]. Сохраняя дружественныя сношенія со всѣми Европейскими Державами, умѣлъ онъ однакожь, какъ мы видѣли, искусно устранить (1675 г.) домогательство многихъ изъ нихъ, чтобъ Россія вмѣшалась въ войну со Швеціею, не обѣщавшую ей существенныхъ выгодъ. Кромѣ завѣдыванія дипломатическими дѣлами, Матвѣевъ оказалъ многія важныя услуги въ качествѣ начальника Монетнаго двора, приказовъ Стрѣлецкаго, Казанскаго, Малороссійскаго и т. д. [4]. Но какія отношенія были между нимъ и его знаменитымъ предшественникомъ? почему Ордынъ-Нащокинъ удалился отъ дѣлъ въ эпоху рѣшительнаго возвышенія Матвѣева — касательно этого мы не находимъ положительныхъ указаній. Самъ Матвѣевъ, по-видимому, не принадлежалъ къ противникамъ Ордына-Нащокина; уважалъ мужа, знаменитаго заслугами. Но послѣдній имѣлъ завистниковъ между другими царедворцами: достоинства его слишкомъ рѣзко выдавались предъ ихъ ничтожествомъ [5]. Такъ, по свидѣ-

1. Словарь достоп. людей Русск. земли Бантышъ-Каменскаго, III, стр. 292.

2. Сказаніе Лизека, стр. 368.

3. Только въ 1671 г. былъ онъ произведенъ въ думные дворяне; въ 1672 г., въ день рожденія царевича Петра, въ окольничіе.

4. Древн. Росс. Вивл. Ч. XX. — Бант. Кам: Словарь дост. люд. Р. з. III. — Терещенко: Оп. обозр. ж. сановниковъ. I.

5. Какъ сильны были эти завистники, успѣвшіе уже во время посольства

тельству Коллинса, былъ онъ не въ ладу съ Б. М. Хитрово, пользовавшимся особеннымъ расположеніемъ Царя во второй половинѣ его царствованія [1].

Между другими дѣльцами на поприщѣ дипломатическихъ сношеній особенно замѣчателенъ думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, котораго Мейербергъ называетъ опытнымъ въ дѣлахъ посольскихъ, ловкимъ и хитрымъ [2]. Ему недоставало только знатнаго происхожденія, чтобъ играть первостепенную роль въ дипломатическихъ переговорахъ; но являясь и въ качествѣ втораго посла, онъ, знаніемъ дѣлъ, долженъ былъ затмѣвать значеніе старшаго товарища своего. Кромѣ того немаловажную роль какъ въ посольскихъ, такъ и въ другихъ дѣлахъ играютъ думные дьяки Ларіонъ Лопухинъ, Лукьянъ Голосовъ, Герасимъ Доктуровъ, Артемій Козловъ и нѣкоторые другіе. Самымъ Посольскимъ приказомъ управлялъ до 1667 года думный дьякъ съ 2 дьяками и 14 подъячими [3]. Преобразованіе его въ «Государственный приказъ Посольскія печати» и ввѣреніе управленія имъ высшимъ сановникамъ было, безъ сомнѣнія, слѣдствіемъ возраставшей обширности и сложности нашихъ дипломатическихъ сношеній, можетъ быть, и особеннаго довѣрія Царя къ Ордыну-Нащокину и Матвѣеву [4].

1668 - 1670 года въ Польшу охладить расположеніе Алексѣя Михайловича къ знаменитому дипломату, видно изъ слѣдующаго письма Ордына-Нащокина къ Царю: «Прибѣгаю къ тебѣ, Великій Государь, со слезами. Я уже лишенъ милости быть въ твоей оборонѣ, несу гнѣвъ твой и если достойно, то, ради самой смерти, вели меня уволить отъ дѣлъ, чтобы государственная польза не пострадала изъ-за меня. Ни думнымъ людямъ и никому я ненуженъ. Въ Московскомъ государствѣ искони вѣдали посольскія дѣла правотою и разумомъ извѣданные, а я недостоинъ болѣе и не нуженъ.— Посольскимъ приказомъ свойственно править однимъ боярамъ со многочисленными ихъ друзьями, знатнымъ по роду и по силѣ: они не страшась никого, никѣмъ и поруганы не будутъ». (Терещенко: опытъ обозр. ж. сановн. I, стр. 60).

1. Нын. сост. Росс. стр. 37.
2. Стр. 128 (во Фр. пер. 1688).
3. М. Н. Капустина, стр. 74.
4. Тамъ же, стр. 75.

ГЛАВА X.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЕГО ВЛІЯНІЕ НА РАЗВИТІЕ ВНУТРЕННЯГО УПРАВЛЕНІЯ; ПЕРЕМѢНЫ ВЪ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМѢ; МѢРЫ КЪ РАЗВИТІЮ ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВООБЩЕ; ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ВОЙСКѢ; ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ЗАВЕСТИ ФЛОТЪ; ПОСТОЯННАЯ ПОЧТА.

Присоединеніе Малороссіи и другія внѣшнія предпріятія, навсегда увѣковѣчившія память о родителѣ Великаго Преобразователя, не были единственными явленіями, характеризующими его царствованіе: оно замѣчательно и по учрежденіямъ внутреннимъ, представляя одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ развитіи нашего законодательства. Соборное уложеніе 1649 года не только довершило зданіе, созидаемое многими вѣками юридической жизни древней Руси, но и было замѣчательнѣйшимъ памятникомъ нашего законодательства до самаго изданія общаго свода законовъ Россійской имперіи въ 1832 году.

Желая оградить права каждаго изъ подданныхъ своихъ положительными законами, Алексѣй Михайловичъ, по совѣту съ патріархомъ Іосифомъ и всѣмъ освященнымъ Соборомъ, боярами, окольничими и думными людьми, повелѣлъ разсмотрѣть существовавшіе до него источники права:

выписать изъ правилъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ и изъ Градскихъ законовъ Греческихъ Царей статьи, пристойныя къ государственнымъ и земскимъ дѣламъ; равно собрать указы прежнихъ Великихъ Государей и боярскіе приговоры на всякія государственныя и земскія дѣла и справить ихъ съ Судебниками; а на которыя статьи въ прежніе годы не послѣдовало ни Царскаго указа, ни боярскаго приговора, тѣ вновь «написати и изложити по Его Государеву указу, общимъ совѣтомъ» [1]. Онъ имѣлъ въ виду составить новое, полнѣйшее законоположеніе, въ основаніи котораго лежала мысль: «чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровна» [2]. Редакція была ввѣрена боярамъ князьямъ Никитѣ Ивановичу Одоевскому и Семену Васильевичу Прозоровскому, окольничему князю Θедору Θедоровичу Волконскому, и дьякамъ Гаврилу Леонтьеву и Θедору Грибоѣдову. Чрезъ три мѣсяца уложеніе было готово [3]. Оно читано и одобрено на соборѣ, созванномъ Царемъ «для того Своего Государева и земскаго великаго царственнаго дѣла» изъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ и выборныхъ отъ сословій и городовъ; напечатано и разослано во всѣ приказы и къ областнымъ намѣстникамъ, «чтобъ всякія дѣла дѣлать по тому уложенію» [4]. Подлинное уложеніе подписано патріархомъ, двумя митрополитами, прочими святителями и другими духовными лицами, боярами, окольничими и думными людьми, выборными изъ дворянъ,

---

1. П. С. З. I, стр. 1.

2. П. С. З. I, стр. 1.

3. Такую скорость (3 мѣс. и 6 дней) Г. Забѣлинъ (см. «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича» въ Архивѣ истор.-юрид. свѣдѣній, относ. до России, изд. Г. Калачевымъ) объясняетъ тѣмъ, что уложеніе было составлено изъ готовыхъ матеріаловъ, вписанныхъ въ него, большею частію, изъ слова въ слово. Каждый приказъ имѣлъ особую книгу для вновь-выходящихъ законовъ: потому такія книги, нѣкоторымъ образомъ, уже представляли готовыя уложенія по разнымъ частямъ.

4. П. С. З. I, стр. 2.

дѣтей боярскихъ, гостей и торговыхъ посадскихъ людей, всего 315 членами Собора [1]. Оно состоитъ изъ 25 главъ и 967 статей. Большая часть изъ прежнихъ постановленій въ немъ сохранена, но съ многими дополненіями и полнѣйшимъ развитіемъ первоначальной мысли. Нѣсколько статей заимствовано изъ Моисеева закона, Стоглава и Земскаго приказа; гораздо больше изъ Литовскаго статута и градскихъ законовъ Греческихъ царей т. е. сокращеннаго свода постановленій Римскаго права, дополненныхъ и измѣненныхъ преемниками Юстиніана [2]. Всѣ узаконенія: государственныя, гражданскія, уголовныя расположены искусно, изложены ясно, естественно, просто; опредѣлены всѣ роды и степени преступленій съ назначеніемъ соразмѣрнаго имъ наказанія [3]. Если нѣкоторыя уголовныя положенія носятъ на себѣ отпечатокъ чрезмѣрной строгости, даже жестокости: то это объясняется духомъ времени, предшествовавшимъ положеніемъ Россіи, вообще отрицательнымъ развитіемъ нравственности народа, неразлучнымъ съ каждою переходною эпохою.

Но уложеніе было только первымъ и важнѣйшимъ памятникомъ законодательства того времени: законодательная дѣятельность Алексѣя Михайловича не ограничивалась его изданіемъ. Съ одной стороны, онъ продолжалъ дополнять и исправлять его такъ называемыми новоуказными статьями; съ другой, въ продолженіе царствованія его, изданы многія законоположенія, не входившія въ составъ уложенія. Такъ, въ 1669 году, вышли новоуказныя статьи о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ въ весьма подробныхъ пунктахъ [4]; вслѣдъ за тѣмъ постановленія, «учиненныя по совѣту съ Святѣйшими патріархами Вселенскими и со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ о слѣдствіи, судѣ и наказаніи людей духовнаго чина, которые объявятся въ

1. Свѣдѣнія о подл. Улож. Г. Забѣлина. 2. Тамъ же.
3. Подробн. свѣдѣнія въ Рѣчи Проф. Ѳ. Л. Морошкина: «Объ Уложеніи и его послѣдующемъ развитіи», М. 1839.
4. П. С. З. № 441.

церковныхъ или мірскихъ татьбахъ, разбояхъ, въ дѣланіи фальшивой монеты» [1]. Изданы уставы: ратный, торговый, полицейскій (для водворенія безопасности и предотвращенія пожаровъ въ столицѣ), корабельный, писцовый, о мытахъ и перевозахъ и т. д. Ознакомивъ подданныхъ съ ихъ правами и обязанностями, оградивъ ихъ собственность, Алексѣй Михайловичъ приказалъ дѣлать всякія Государевы дѣла, «не стыдяся лица сильныхъ»; и самъ, какъ верховный блюститель правосудія, наблюдалъ за точнымъ выполненіемъ законовъ. Каждый недовольный рѣшеніемъ судебныхъ мѣстъ имѣлъ къ нему свободный доступъ. Сохранилось преданіе, что въ селѣ Коломенскомъ, любимомъ мѣстопребываніи Царя, передъ дворцемъ, противъ царской спальни, поставленъ былъ ящикъ, въ который дозволялось всѣмъ опускать челобитныя. Всякій вечеръ ящикъ этотъ приносили къ Государю, который самъ разбиралъ дѣла и на каждую челобитную давалъ скорое рѣшеніе [2].

Уложеніе, какъ въ основаніи, такъ и при дальнѣйшемъ развитіи своемъ, не могло остаться безъ вліянія на современное ему образованіе внутренняго управленія. Нѣкоторыми изъ статей его съ точностію опредѣленъ образъ дѣйствія разныхъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ; статьею 153-ею главы 10-й постановлено «несудимыхъ грамотъ никому болѣе не давать и тѣ, которыя были даны въ прежніе годы, отставить.» Если, по замѣчанію К. Д. Кавелина, это постановленіе и относилось только къ отдѣльнымъ лицамъ, а не къ сословіямъ [3], то, и въ этомъ случаѣ, оно болѣе или менѣе способствовало достиженію основной мысли уложе-

---

1. П. С. З. № 442.

2. У Коллинса (стр. 35) находимъ еще извѣстіе, что Царь былъ намѣренъ самъ ходить и осматривать бумаги дьяковъ своихъ, чтобъ видѣть, какія дѣла рѣшены и какія просьбы остались безъ отвѣта.

3. Иначе нельзя объяснить, почему исключенія изъ подсудимости оставались и послѣ уложенія, даже давались вновь. См. Устройство гражданскихъ судовъ отъ уложенія Царя Алексѣя Михайловича до Петра В., въ Юридич. запискахъ, изд. Проф. Рѣдкинымъ, Т. II, М. 1842.

нія: уравненію суда и расправы между «всѣми людьми Московскаго государства.» Многія мѣры были приняты для предотвращенія злоупотребленій воеводъ. Такъ, въ 1661 году, велѣно вездѣ перемѣнить воеводъ и приказныхъ людей и быть во всѣхъ городахъ губнымъ старостамъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, дѣтямъ боярскимъ и отставнымъ дворянамъ [1]; въ 1672-мъ запрещено опредѣлять воеводами дворянъ въ тѣ города, гдѣ у нихъ находятся помѣстья и отчины [2]. Подтверждено Сибирскимъ воеводамъ запрещеніе вѣдать торговыхъ и промышленныхъ людей въ проѣздахъ и пошлинахъ мимо таможенныхъ чиновъ и цѣловальниковъ [3]. За исключеніемъ мѣстъ отдаленныхъ, Сибири, Астрахани и Терека, воеводы не имѣли права никого казнить смертію безъ указу царскаго и «не описався къ нему» [4]. Но если вообще раздѣленіе судопроизводства между воеводами и приказными людьми, съ одной, старостами, цѣловальниками — этими вѣщателями народныхъ обычаевъ, органами обычнаго права, по выраженію Ѳ. Л. Морошкина [5] — съ другой стороны, и сохранилось отъ временъ судебника въ дѣлахъ уголовныхъ и сборѣ царскихъ доходовъ, то оно почти исчезло въ дѣлахъ гражданскихъ. Въ этомъ отношеніи, судебная власть воеводъ простиралась на всѣхъ жителей подвѣдомственнаго имъ города и уѣзда; освобождались отъ нея одни тѣ сословія и лица, которыя еще пользовались дарованными имъ несудимыми грамотами [6]. Только въ сельскомъ судопроизводствѣ удержались старосты и цѣловальники неизмѣнно до позд-

1. П. С. З. № 313.

2. П. С. З. № 508.

3. Акты ист. IV, № 8; Доп. къ Акт. III, № 9.

4. Котош. стр. 98. Въ Сибири, Астрахани и на Терекѣ воеводы имѣли право казнить за преступленія Русскихъ среднихъ людей, Татаръ, Чувашу и Черемису, донося обо всемъ въ Москву; но право это не простиралось на мурзъ, дворянъ и другія высшія сословія.

5. См. «Объ Уложеніи и его посл. разв.» стр. 16.

6. Не подлежали судебной власти воеводъ: именитые люди Строгоновы; гости, ихъ дѣти, племянники и прикащики; патріаршихъ домовыхъ монастырей архимандриты, старцы, крестьяне и т. д; нѣкоторые монастыри.

нѣйшихъ временъ [1]. Въ самомъ устройствѣ уголовныхъ судовъ произошла, къ концу царствованія Алексѣя Михайловича, перемѣна. Такъ называемая Губная изба составлялась прежде изъ Губнаго старосты и опредѣленнаго числа цѣловальниковъ, его помощниковъ: въ 1669 году главнымъ членомъ ея, главнымъ судьею по дѣламъ уголовнымъ сдѣланъ сыщикъ. Губной староста, по прежнему избираемый мѣстными жителями, сталъ въ отношеніи къ нему только товарищемъ; цѣловальники вовсе отмѣнены [2].

Воеводы, управлявшіе городами и областями, подчинялись центральнымъ правительственнымъ мѣстамъ. Это подчиненіе, въ періодъ уложенія, имѣло уже чисто-юридическій характеръ: образовались инстанціи, хотя еще и не достигшія надлежащей правильности. Высшею изъ нихъ, по-прежнему центральнымъ судомъ для цѣлой Россіи, была Государева большая Дума, которая состояла изъ бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ, и въ которой засѣдалъ самъ Государь. Въ нее переносились на судъ Царя и бояръ тѣ дѣла, «которыхъ за чѣмъ въ приказахъ вершити было не мочно» [3]. Но Алексѣй Михайловичъ учредилъ еще новое высшее правительственное мѣсто: Приказъ Тайныхъ дѣлъ, «чтобъ его царская мысль и дѣла — говоритъ Котошихинъ — исполнялися всѣ по его хотѣнію, а бояре бъ и думные люди о томъ ни о чемъ не

---

1. Кот. гл. XI, ст. 1: «А въ иныхъ царскихъ черныхъ волостяхъ, гдѣ прикащиковъ не бываетъ, учинены *судейки*, человѣкъ съ 10, выборные люди, тѣхъ волостей крестьяне: а судятъ межъ себя по царскимъ грамотамъ и безъ грамотъ» (кромѣ уголовныхъ дѣлъ). Въ уложеніи упоминается о старостахъ и цѣловальникахъ дворцовыхъ селъ (гл. X, ст. 161); тамъ же и въ другихъ узаконеніяхъ о старостахъ и цѣловальникахъ въ вотчинниковыхъ и помѣщичьихъ деревняхъ и селахъ. По свидѣтельству Котошихина, устройство судовъ крестьянъ патріаршихъ, святительскихъ, монастырскихъ было одинаково съ судами дворцовыхъ крестьянъ. См. К. Д. Кавелина: Устройство гражд. судовъ отъ Улож. Царя А. М. до Петра В. стр. 102.

2. П. С. Зак. № 441 и Г. Неволина: «управленіе въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В., стр. 133.

3. Улож. гл. X, ст. 2.

вѣдали.» Въ немъ засѣдалъ «дьякъ, да подъячихъ съ 10 человѣкъ, которые вѣдали и дѣлали дѣла всякія царскія, тайныя и явныя»[1]. Учрежденіе это было слѣдствіемъ стремленія къ большей централизаціи верховной власти, желанія, по многимъ дѣламъ, обходить самую Думу, наполненную членами однихъ знатныхъ родовъ, которые все еще любили преслѣдовать частные интересы, притязанія которыхъ все еще могли служить препятствіемъ для такой централизаціи, Надлежало приготовить древнюю Русь съ ея закоренѣлыми обычаями къ крутому перелому, которому, по мановенію желѣзной длани Петра, должны были подчиниться столь многія формы ея быта. Кромѣ приказа Тайныхъ дѣлъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, вновь возникли приказы: Хлѣбный, Панихидный, Рейтарскій, Счетныхъ дѣлъ, Строенія богадѣленъ, Монастырскій, Смоленскій, Малороссійскій[2]. Московскіе приказы того времени представляютъ еще раздѣленіе на два вида: одни завѣдывали извѣстнымъ родомъ дѣлъ во всемъ вообще государствѣ или, по крайней мѣрѣ, въ значительной части его; въ вѣдомствѣ другихъ находились только извѣстныя области по разнымъ вѣтвямъ управленія или только по судопроизводству. Однако перевѣсъ по числу былъ уже далеко на сторонѣ первыхъ. Начало управленія областями мало-по-малу вытѣсняется и уступаетъ мѣсто управленію отдѣльными отраслями администраціи; дѣла однородныя

---

1. Котош. стр. 67.

2. «Управленіе въ Россіи отъ І. III до П. В.» проф. Неволина (въ Ж. Мин. Нар. Пр. 1844, стр. 50). Временно существовали еще приказы: Столовыхъ и Счетныхъ дѣлъ, Полоняничный, Денежной Раздачи, Литовскій, Лифляндскихъ дѣлъ, изъ которыхъ большая часть возникла по требованію военныхъ обстоятельствъ и, съ перемѣною ихъ, должна была прекратиться. Малороссійскій и Смоленскій приказы остались: ибо присоединеніе областей, для которыхъ они учреждены, было прочно. О первомъ читаемъ у Котошихина: «а вѣдомо въ томъ приказѣ Малая Росія, войско Запорожское казаки, и городы Кіевъ и Черниговъ съ товарищи.» О приказахъ въ Моск. гос. см. Котошихина гл. VI и VII; также: статьи Новикова въ Т. XX Др. Росс. Вивл, и у Голикова въ Т. III Дополненій къ Дѣяніямъ Петра В.

более и более сосредоточиваются въ одномъ приказѣ [1]. Появляется и зародышъ будущаго коллегіальнаго устройства: въ царствованіе Алексѣя Михайловича Московскими приказами, областями и уѣздами завѣдываетъ не одно, а многія лица; дѣла предписывается вершить «судьямъ всѣмъ вообще»; грамоты пишутся на имя всѣхъ членовъ управленія [2]. Но зародышъ слабый: товарищи боярина, завѣдывавшаго приказомъ, или воеводы, управлявшаго областью, были только его помощниками, совѣтниками, а не самостоятельными членами управленія; притомъ нѣсколько лицъ назначалось лишь тамъ, гдѣ ввѣряемая имъ часть была обширна и многосложна [3].

Вообще тогдашняя администрація не имѣла еще надлежащей правильности: не было принято въ основаніе единаго твердаго начала для распредѣленія вѣтвей ея между самыми приказами. Правильное отдѣленіе отъ другихъ представляютъ часть военная, финансовая, полицейская и уголовная; судебное же управленіе по дѣламъ гражданскимъ, болѣе или менѣе, сливается съ прочими частями государственнаго управленія. Особенно проявлялась эта неправильность въ областномъ устройствѣ. Многіе малые города вѣдались «воеводскими отпуски и судомъ» непосредственно въ Московскихъ приказахъ; другіе, напротивъ, воеводами городовъ, къ которымъ были приписаны, и въ числѣ приписныхъ городовъ находились иногда большіе и средніе. Приказы областные (на пр. Сибирскій, Смоленскій) подчинялись Посольскому приказу, потому что тѣ области были нѣкогда чужеземными въ отношеніи къ Московскому государству. Недостатокъ въ надлежащемъ разграниченіи между управленіемъ центральнымъ всей Россіи и областнымъ былъ еще слишкомъ очевиденъ.

Стремясь къ утвержденію строгаго порядка во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни, Алексѣй Михайловичъ

1. «Устройство гражд. судовъ», К. Д. Кавел. стр. 99.
2. «Устройство гражд. судовъ», К. Д. Кавел. стр. 86.
3. Тамъ же, стр. 95.

не шелъ однакожь наперекоръ обычаямъ, которые издавна утвердились, были освящены временемъ. Потому мѣстничество, по-видимому, сохраняло еще при немъ свою неподвижность и заключенность, свои притязанія подчинять всякое распредѣленіе государственныхъ должностей строгому закону родоваго и служебнаго старшинства. Оно, нѣкоторымъ образомъ, даже достигло въ XVII вѣкѣ своего окончательнаго результата: сдѣлало высшія должности достояніемъ немногихъ родовъ [1]; провело и между этими послѣдними извѣстныя границы относительно достиженія степеней. По свидѣтельству Котошихина, одни изъ нихъ бывали въ боярахъ, а въ окольничихъ не бывали; другіе бывали въ окольничихъ и въ боярахъ; третьи только въ думныхъ дворянахъ и окольничихъ, «а больши тоѣ чести не доходили.» Между тѣмъ, не смотря на столь рѣзко высказавшійся результатъ, путь къ уничтоженію самаго обычая считаться мѣстами былъ уже проложенъ. Частое противодѣйствіе ему правительства, преимущественно въ области военной службы, постоянное объявленіе ея невмѣстною не могло остаться безъ слѣдствій: мѣстничество постепенно теряло прежнюю крѣпость обычая. Нерѣдко сами мѣстники ссылались на царскіе уставы и приговоры, противорѣчившіе прежнимъ понятіямъ [2]. Особенно рѣзко высказывается это въ царствованіе Алексѣя Михайловича. При немъ лица незнатнаго происхожденія, на пр. Матвѣевъ, Хитрово, достигаютъ высшихъ степеней въ государствѣ. Хотя на подобныя явленія должно еще смотрѣть какъ на исключенія изъ общаго правила: однако понятіе о высотѣ своею степенью видимо начинаетъ одерживать верхъ надъ понятіями старинныхъ мѣстниковъ. Вообще, для противодѣйствія мѣстничеству, царь Алексій прибѣгаетъ къ тѣмъ же средствамъ, къ какимъ прибѣгали его предшественники: объявляетъ почти всѣ походы безъ мѣстъ [3], запрещаетъ считаться мѣ-

1. «О мѣстничествѣ» ст. С. М. Соловьева (въ Моск. сборникѣ, стр. 293).
2. Тамъ же.
3. П. С. З. № 106 и т. д. и Дв. Разр. III.

стами въ дѣлахъ посольскихъ [1], часто и во время царскихъ выходовъ [2]. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что мѣстничество, почти изгнанное изъ другихъ служебныхъ отправленій, въ придворной службѣ находило еще послѣднее убѣжище свое. Споры и челобитья по случаю царскихъ обѣдовъ и придворныхъ церемоній нерѣдко возобновлялись; и сановники, съ упорствомъ отстаивая высшее мѣсто за царскимъ столомъ, на царской скамьѣ, за ослушаніе, подвергались денежному штрафу [3], заключенію въ тюрьму [4], наказанію батогами [5]. Но здѣсь мѣстничество представляло явленія болѣе смѣшныя, нежели вредныя. Описывая упрямство мѣстниковъ, Котошихинъ говоритъ: «Царь велитъ посадить за столъ сильно, и онъ подъ нимъ не сидитъ, а выбивается изъ-за стола вонъ.... и кричитъ, хотя де Царь велитъ ему голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть, и спустится подъ столъ.» Принимая такимъ образомъ комическій видъ, оно уже носило явные признаки близкаго вымиранія: нужно было только нанести послѣдній ударъ обычаю запоздалому.

Замѣчательны нѣкоторыя перемѣны, послѣдовавшія, въ это царствованіе, въ нашемъ древнемъ финансовомъ управленіи. Въ основаніи сбора податей лежала у насъ кадастрація — оцѣнка имущества, притомъ самими общинами, облагаемыми налогомъ [6]. Довѣренныя лица, которыя избирались послѣдними изъ среды себя, распредѣляли повинности между своими согражданами по силѣ, по богатству. Поголовный сборъ дани, введенный Татарами, былъ только временнымъ нарушеніемъ древняго порядка и прекратился вмѣстѣ съ ихъ господствомъ. Но, по водвореніи единодержавія, обнаружилась и потребность въ общихъ переписяхъ для приве-

1. П. С. Зак. № 169. 2. Дворц. Разр. Т. III.
3. П. С. З. № 60, 93 и т. д. 4. П. С. З. № 37, 38, 75 и т. д.
5. П. С З. № 29, 74, 218 и т. д.
6. Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи со времени основанія государства до кончины Императрицы Екатерины II, соч. Гр. Толстаго, Спб. 1848.

денія въ извѣстность поземельной собственности. Первая была при Іоаннѣ III, вторая при Іоаннѣ IV; третья, вызванная неизбѣжными слѣдствіями эпохи смутъ — замѣшательствомъ во владѣніи землями и сборѣ податей — произведена при Михаилѣ Θеодоровичѣ. Переписи эти основывались на правилахъ сошнаго письма. Только въ царствованіе Алексѣя Михайловича послѣдовала перемѣна. Вмѣсто сошнаго развода введено распредѣленіе подворное. Такъ для удовлетворенія военныхъ потребностей взималось со 100 дворовъ по 20 рублей, или иногда со двора по полтинѣ. Такое же распредѣленіе употреблялось относительно ямщины или сбора, который производился въ пользу ямщиковъ, въ видѣ вознагражденія за отправленіе ими ямской повинности, равно какъ полоняничнаго сбора, назначаемаго на выкупъ плѣнныхъ [1]: вмѣсто прежняго посошнаго письма введены особо составленныя переписныя книги. Кромѣ того, были приняты разныя другія мѣры для точнѣйшаго опредѣленія правъ собственности и уничтоженія несоразмѣрности въ раскладкѣ налоговъ. Возвращены законнымъ владѣльцамъ многія земли, неправильно присвоенныя частными лицами и монастырями. Людямъ, жившимъ въ посадахъ и, для уклоненія отъ повинностей, записавшимся за духовными и свѣтскими лицами, велѣно нести тягло и подати наравнѣ съ прочими [2]; уничтожена значительная часть тарханныхъ грамотъ, которыми, къ подрыву общаго благосостоянія, предоставлялись исключительныя льготы немногимъ лицамъ и монастырямъ [3]. Вторая изъ этихъ мѣръ замѣчательна не только въ финансовомъ, но и въ другомъ отношеніи: ею городское сословіе окончательно изъято изъ владѣнія большихъ собственниковъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Но еще важнѣе преобразованіе, послѣдовавшее въ сборѣ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, кото-

1. О половяничномъ сборѣ и производствѣ его не по сошному письму, а по новымъ переписнымъ книгамъ акты ист. IV, № 43 (1651 г.).

2. Акты Арх. Эксп. IV, № 35.

3. П. С. З. № 507 и т. д.

рыя, подъ названіемъ мыта, вѣсчаго, торговаго и т. д., существовали уже въ древнѣйшіе періоды государственной жизни Россіи, и особенно умножились въ періодъ господства Монголовъ [1]. При чрезвычайномъ разнообразіи и многихъ формальностяхъ, сопряженныхъ съ ихъ взиманіемъ, онѣ имѣли пагубное вліяніе на развитіе нашей внутренней торговли: потому ограниченіе ихъ, одно изъ замѣчательныхъ распоряженій Московскаго правительства въ XVII вѣкѣ, находится въ тѣсной связи съ другими мѣрами, принятыми для поощренія народной промышленности.

Съ тѣхъ поръ, какъ, по выраженію нашихъ торговыхъ людей [2], «Аглинскихъ Нѣмецъ въ кораблехъ съ товары погодою занесло къ Двинскому устью», внѣшняя торговля пользовалась особымъ покровительствомъ Московскаго правительства. Но нѣкоторыя крайности въ ея развитіи должны были вызвать измѣненія. Стѣснительны для Русскихъ промышленниковъ были привилегіи націй, благопріятствуемыхъ по дѣламъ торговымъ, особенно Англичанъ. Пользуясь льготами, предоставляемыми имъ со временъ Іоанна Грознаго, еще болѣе правомъ повсемѣстной безпошлинной торговли, дарованнымъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, они завели конторы въ важнѣйшихъ городахъ нашихъ. Посредствомъ дѣятельныхъ агентовъ и огромныхъ капиталовъ забрали въ свои руки всѣ торговые промыслы въ Россіи;

1. «Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи», соч. Проф. Осокина, Каз. 1850.

2. Акты Арх. Эксп. IV, № 7: «Челобитная торговыхъ людей разныхъ городовъ о притѣсненіяхъ иноземныхъ купцевъ: «Агличанъ и Голанцовъ, *Бараборцовъ* и Анбурцовъ.» Она начинается словами: «Бьютъ челомъ холопи и сироты твои Государевы — гостишка и гостиныя и суконныя сотни и черныхъ сотенъ и многихъ твоихъ Государевыхъ разныхъ городовъ торговые людишки.» Челобитчики, выведенные изъ терпѣнія Англичанами, которые и тогда своему верховному божеству — золоту — нерѣдко приносили въ жертву священнѣйшія обязанности нравственности и справедливости, выставляютъ на видъ, что «Аглинскіе Нѣмцы, вымысля чѣмъ бы себѣ большую корысть получить, *ложно* били челомъ блаженныя памяти Государю Царю Ѳеодору Ивановичу, будто они компаніею своею сыскали то двинское устье и почали будто сами собою кораблями туда приставать.»

сырыя произведенія ея покупали за самую ничтожную цѣну, свои продавали непомѣрно дорого. «Почали жить въ Московскомъ государствѣ безъ съѣзду, будто какъ и въ своей землѣ» — жаловались наши торговые люди — «и сами свои товары въ Москву и иные городы привозятъ и покупаютъ сами Рускіе товары своимъ *заговоромъ*, и разсылаютъ покупать по городамъ и въ уѣзды, закабаля и задолжа многихъ бѣдныхъ и должныхъ Рускихъ людей; продаютъ товары тайно, въ выписяхъ не пишутъ и десятой доли, Государеву пошлину крадутъ... провозятъ въ свою землю безпошлинно.» Какъ прямое слѣдствіе такихъ дѣйствій, челобитчики выставили то, что иноземцы «ихъ Рускихъ людей безъ промысловъ учинили и все Московское государство оголодили»[1]. Они просятъ «не дать имъ сиротамъ отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчной нищетѣ и велѣть послѣднимъ торговать только у Архангельскаго города, а къ Москвѣ и въ иные города ихъ не пущать.» Жалобы эти, въ главныхъ чертахъ, были справедливы[2]. Русскіе торговые люди, ни въ какомъ случаѣ, не могли соперничествовать съ иноземцами. Между тѣмъ какъ Англичане освобождались отъ платежа пошлинъ, первые должны были платить ихъ не только на мѣстѣ продажи (за складку, вѣсъ и пр.), но и на каждомъ шагу дорогою, при выѣздѣ изъ одного мѣста и въѣздѣ въ другое, на мостахъ и т. п. Вездѣ существовали таможни и заставы, учрежденныя въ пользу казны, монастырей, помѣщиковъ и отдававшіяся на откупъ[3]. Еще болѣе

1. Акты Арх. Эксп. IV, № 7. Челобитчики прибавляютъ: «Похваляются Аглинскіе Нѣмцы — мы де учинимъ то, что купцы Московскіе гости настоятся въ деньгахъ на провежѣ, да и впредь де ихъ заставимъ торговать одними лаптями: забудутъ де у насъ перекупаться всякими товары.»

2. Есть конечно и такія обвиненія, которыя обнаруживаютъ только ограниченность взгляда нашихъ промышленниковъ на сущность торговли. Такъ на пр: «и какъ какой товаръ будетъ подороже и они тотъ товаръ будутъ продавать, а который товаръ подешевле и на который товаръ походу нѣтъ и они тотъ товаръ держатъ у себя въ домѣхъ года по два, и по три, да какъ тотъ товаръ подымется цѣною, такъ и продавать учнутъ.»

3. Къ этимъ сборамъ принадлежали: мытъ, мостовщина, посаженное, по-

обременительны, нежели самыя пошлины, были формальности, сопряженныя съ ихъ сборомъ, остановки въ промыслахъ, прижимки сборщиковъ и откупщиковъ, особенно стѣснительныя для мелкихъ торговцевъ.

Такія противорѣчія въ правахъ вызвали наконецъ существенныя измѣненія въ распоряженіяхъ правительства. Убѣдившись, что путь къ предѣламъ Россіи уже слишкомъ извѣстенъ иноземцамъ и опасаться за торговыя сношенія съ ними нечего, оно рѣшилось нѣсколько стѣснить иностранную торговлю для усиленія внутренней. Сперва вообще наложены пошлины на иностранные товары [1]; потомъ, 1649 года, послѣдовалъ именный указъ Англійскимъ купцамъ о высылкѣ ихъ «за многія неправды» изъ Россіи и о пріѣздѣ имъ токмо къ Архангельску. Какъ неправды выставлены на видъ: тайный привозъ табаку и иныхъ запрещенныхъ предметовъ, вывозъ шелку сырцу съ другими заповѣдными товарами, подлоги при объявленіи чужихъ товаровъ за свои и продажа ихъ безъ пошлинъ; жалобы Русскихъ купцевъ на поднятіе Англичанами цѣнъ на свои товары и пониженіе на Русскіе; наконецъ преступленіе всей націи ихъ противъ несчастнаго короля Карла I [2].

дужное, привальное, свальное, грузовое, анбарное, отъѣзжее, вѣнечное, дровяное, печатное, поворотное, явчее, статейное, гостинное, тепловое, приворотное, сотое, тридцатое, десятое. См. «Взглядъ на финансовую систему и финансовыя учрежденія Петра В.» Проф. Кранихфельда (въ Ж. Мин. Нар. Пр. 1845 г. § 22).

1. Берхъ I, стр. 37 и ссылки у него на Theatrum Europæum 1646 и Олеарія, кн. III, гл. 1.

2. П. С. З. № 9. «Да и потому вамъ, Агличаномъ, въ Московскомъ государствѣ быть не довелось, что прежъ сего торговали вы въ М. гос. по Государевымъ жаловалнымъ грамотамъ, каковы даны вамъ по прошенью Государя вашего Аглинскаго Карлуса Короля, для братскія дружбы и любви, а нынѣ... его Царскому Величеству вѣдомо учинилось, что Агличане всею землею учинили большое злое дѣло, Государя своего Карлуса Короля убили до смерти... и за такое злое дѣло въ М. г. вамъ быть не довелось. И вы̂бъ, Агличане, Царскаго Величества указъ вѣдали и изъ Моск. Гос., со всѣми своими животы, ѣхали за море.»—Неправды и подлоги Англичанъ вычислены также подробно въ «Наказѣ гостю Василью Ѳедотову и головамъ Мѣльцову и Петрову о сборѣ таможенныхъ пошлинъ въ Архангельскѣ» и т. д. (Доп. III, № 55). Замѣчательны слова: «и имъ было Ан-

Со времени изданія этого указа, Англичане должны были отказаться отъ производства въ Россіи внутренней торговли. Имъ дозволялось «съ Государевыми людьми торговати только, изъ-за моря пріѣзжая, у Архангельскаго города»; притомъ съ платежемъ установленной пошлины наравнѣ съ другими иноземцами [1]. Если впослѣдствіи монополія Голландцевъ, успѣвшихъ распространить свою торговую дѣятельность доставленіемъ военныхъ снарядовъ и предметовъ, необходимыхъ для Двора, возбуждала еще и зависть Англичанъ [2], и опасенія Русскихъ торговцевъ [3], то однако Голландцы не пользовались правомъ безпошлинной торговли. Вообще исключительныя привилегіи постепенно уничтожены распространеніемъ одинаковыхъ правъ на всѣ націи. Такъ въ 1652 г. дано и Любчанамъ право торговать съ платежемъ обыкновенныхъ пошлинъ [4]. Количество этихъ пошлинъ опредѣлено точнѣе сперва указомъ 1653-го (Окт. 25) [5], потомъ новоторговымъ уставомъ 1667 года.

гличаномъ надобно великого государя милость и жалованье помнить, отъ чего они себѣ такое великое богатство пріобрѣли, толко бъ не въ Московскомъ государствѣ: и царское величество за такую свою государскую великую милость и жалованье, хотя бъ изволилъ на нихъ Агличанъ пошлинъ наложить и болши того, и имъ Агличаномъ его царскаго величества указу надобно послушнымъ быть.»

1. Тщетно, по возвращеніи Стюартовъ, Карлъ II, чрезъ посла своего Карлиля, домогался уничтоженія ограниченій 1649 года и возвращенія Англичанамъ прежнихъ торговыхъ преимуществъ. Ему отвѣчали, что тѣ, которымъ они были дарованы, давно умерли; что самъ Карлъ I присылалъ къ Царю посла Никтингала съ просьбою объ уничтоженіи привилегій мятежныхъ подданныхъ; да и казна нуждается въ деньгахъ. (Rel. de trois amb. p.125).

2. Колл. стр. 38: «Голландцы, какъ саранча, напали на Москву и отбиваютъ у Англичанъ хлѣбъ... стараются также унизить и осмѣять Англичанъ; рисуютъ каррикатуры, сочиняютъ пасквили, и тѣмъ даютъ Русскимъ невыгодное о насъ понятіе.»

3. Когда правительство пожелало знать мнѣніе Русскихъ гостей относительно торговли шелкомъ, послѣдніе выразили опасеніе, чтобъ весь промыселъ этотъ не перешелъ въ руки Голландцевъ: «они въ Россіи только оставляютъ тѣхъ прибылей цвѣтъ, а плоды тѣхъ цвѣтовъ хотятъ привлещи въ свою Галанскую землю.» (Собр. гос. гр. IV, № 56).

4. П. С. З. № 80.

5. П. С. З. № 107. Съ торговыхъ иноземцевъ, съ привозныхъ ихъ то-

По послѣднему съ продажи товаровъ вѣсчихъ назначался окладъ пошлинъ въ 10 денегъ съ рубля, а съ невѣсчихъ въ 8-мь; сверхъ того, проѣзжихъ пошлинъ (за привозъ во внутренніе города) гривна съ рубля, на томъ основаніи, что «Русскіе люди и Московскіе иноземцы пятину и десятину и всякія подати платятъ и службы служатъ, отъ которыхъ иноземцы свободны»[1].

Вслѣдъ за уничтоженіемъ стѣснительныхъ привилегій иноземцевъ состоялось постановленіе, которымъ по всему государству отмѣнялись многообразныя мелкія проѣзжія пошлины и мыты[2]. Ихъ велѣно «приложить въ торговую рублевую пошлину» или сборъ, состоявшій изъ 10 денегъ съ рубля продажной цѣны всякихъ товаровъ: «почему который товаръ цѣною на деньги въ продажѣ будетъ.»[3] Впрочемъ въ эту пошлину не вошли нѣкоторые сборы, именно анбарщина, пятно и вѣсчее (переименованное въ перекупную т. е. пошлину, которая взималась съ людей, покупавшихъ для перепродажи): они, и по изданіи торговаго устава, остались отдѣльными. Мостовщина и перевозы удержались также на прежнихъ основаніяхъ. Послѣдовали только распоряженія для ограниченія произвола при сборѣ ихъ частными лицами; назначена такса[4]. Въ 1667 г. вышелъ новоторговый уставъ, которымъ еще бо-

---

варовъ, опредѣленъ былъ сборъ въ два алтына съ рубля или 6 проц. съ продажной цѣны, сверхъ двухпроцентныхъ проѣзжихъ отъявочныхъ пошлинъ за привозъ товаровъ отъ пограничныхъ городовъ во внутренніе.

1. П. С. З. № 408: Новоторг. уст. ст. 12 и 56.

2. Заведеніе вновь, безъ указа, мытовъ на мостахъ, плотинахъ, рѣкахъ перевозахъ и торгахъ, гдѣ мыта изстари не было, запрещалось частнымъ лицамъ уже по Уложенію (гл. IX, ст. 9, 10), подъ опасеніемъ отобранія сбора въ казну, а по уставной грамотѣ 1654 г. (Апр. 30) подъ смертною казнію.

3. Уставн. грамота 1654 г. (Апр. 30) въ П. С. З. № 122. Эта рублевая пошлина, въ сущности, сходна съ прежнею тамгою, которая также взималась съ продажи товаровъ соразмѣрно цѣнѣ: но сфера предметовъ, облагаемыхъ первою, обширнѣе. См. Внутр. таможенныя пошлины въ Россіи» соч. Проф. Осокина.

4. Вн. т. п. пр. Осокина.

лѣе обезпечены обороты Русскихъ купцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ точнѣе опредѣлены права и обязанности иностранцевъ. Между прочимъ запрещена послѣднимъ розничная торговля; приняты мѣры для предупрежденія поддѣлки и продажи товаровъ дурнаго качества [1].

Постановленія эти не могли не имѣть благодѣтельнаго вліянія на развитіе промысловъ и торговъ внутри государства: однако они были еще далеки отъ того, чтобъ освободить нашу внутреннюю торговлю отъ всѣхъ стѣснительныхъ условій. Продолжали существовать нѣкоторыя монополіи, болѣе или менѣе, ограничивавшія промышленную дѣятельность Русскихъ торговцевъ, и безъ того не слишкомъ предпріимчивыхъ [2]. На самое учрежденіе Гостиной сотни (1662 г.) должно смотрѣть не какъ на противодѣйствіе невыгоднымъ для Русскихъ спекуляціямъ иностранцевъ [3], а какъ на чисто финансовую мѣру, имѣвшую въ виду увеличить доходы казны. Казенными товарами объявлены: юфть, пенька ленъ, сало, воскъ, поташъ, смола, мягкая рухлядь. Частнымъ лицамъ было запрещено продавать ихъ иноземцамъ; онѝ могли быть сбываемы только членамъ гостиной сотни, имѣвшимъ порученіе покупать на Государя, притомъ прямою, настоящею цѣною. Нельзя также не замѣтить, что, и по удаленіи Англичанъ къ Архангельску, внѣшняя тор-

---

1. П. С. Зак. № 408 и Собр. гос. гр. и д. IV, № 55. «А будетъ станутъ они иноземцы товары свои продавать врозвь, или учнутъ ѣздить съ товары и съ деньгами по ярмонкамъ, и тѣ товары и деньги имать на Великаго Государя» (Новоторг. уст. ст. 84),

2. Такъ исключительное право на отвозъ икры за границу было отдано на откупъ отъ казны иноземнымъ купцамъ. См. «Взглядъ на фин. сист. и фин. учр. Петра В.» проф. Краникфельда, § 11.

3. Берхъ (I, стр. 151) полагаетъ, что поводомъ къ этому учрежденію послужила неправильная торговля иностранцевъ, скупавшихъ вещи по разнымъ городамъ и уѣздамъ и производившихъ мелочную торговлю: но взглядъ его невѣренъ. Для предупрежденія подобныхъ дѣйствій со стороны иностранцевъ были уже приняты другія мѣры. Самъ же онъ приводитъ свидѣтельство Кильбургера, что учрежденіе гостиной сотни не нравилось народу: могло ли бъ это быть, если бъ оно было направлено только противъ спекуляцій иноземцевъ?

говля Россіи осталась чисто-пассивною: потому вліяніе ея на развитіе народной промышленности не могло быть значительно. На наши сырыя произведенія вымѣнивались, по большой части, предметы роскоши, употреблявшіеся только высшими сословіями. Ордынъ-Нащокинъ думалъ вывести Русскую торговлю изъ пассивнаго состоянія: открыть чрезъ наше отечество настоящій торговый путь между Азіею и Европою. Уже въ предшествовавшее царствованіе, имѣлъ это въ виду герцогъ Голштинскій, дѣйствовавшій въ интересахъ какъ своихъ владѣній, такъ и союзныхъ съ нимъ тогда Испаніи и Даніи: но предпріятіе не удалось [1]. Ордынъ-Нащокинъ возобновилъ почти тотъ же самый планъ, примѣнивъ его къ интересамъ Россіи. Въ 1667 году заключилъ онъ съ подданными Персидскаго шаха, уполномоченными отъ Армянской торговой кампаніи, договоръ, по которому они обязались весь шелкъ, собираемый въ Персидскихъ областяхъ, доставлять исключительно на Русскіе рынки [2]. Хотя договоръ этотъ, по причинѣ небезопасности пути между обоими государствами и другимъ обстоятельствамъ, не могъ быть скоро осуществленъ [3], однако Московское правительство вполнѣ сознало важность предпріятія: договоръ съ Армянами, по указу Царскому и письму шаха Сулеймана, возобновленъ въ 1672 году, уже въ управленіе Посольскимъ приказомъ А. С. Матвѣева [4]. При этомъ правительство постоянно имѣло въ виду благосостояніе Русскихъ торговыхъ людей; заключая договоръ, оно обращалось къ нимъ съ запросомъ: не произойдетъ ли отъ того какого подрыва для ихъ промысловъ [5].

Попеченія его не ограничивались одною торговлею: они

1. См. путешествіе Олеарія.
2. П. С. З. № 410.
3. Арцыб. VI, пр. 968.
4. П. С. З. № 539. Къ прежнимъ статьямъ прибавлено нѣсколько новыхъ: такъ о невывозѣ товаровъ въ государства, непріязненныя Россіи; въ случаѣ нераскупки, о промѣнѣ или продажѣ, по назначенной цѣнѣ, въ казну.
5. П. С. З. № 539; С. г. гр. и д. IV, № 81.

простирались также на другія отрасли промышленности, особенно на винодѣліе, горное дѣло, мануфактурную часть, тогда еще почти совершенно чуждую Россіи.

Въ царствованіе Михаила Θеодоровича началось винодѣліе въ Астрахани [1]. Преемникъ его заботился не только объ усиленіи его здѣсь [2], но и о водвореніи на Терекѣ: въ 1652 г. предписано было Астраханскимъ воеводамъ отправить туда для опыта « Русскихъ людей, бывшихъ питейнаго дѣла у нѣмецкихъ мастеровъ въ ученьи » [3]. Опытъ вполнѣ удался.— Несравненно важнѣе были однако мѣры, касавшіяся горнаго дѣла и мануфактурной промышленности. Уже Михаилъ Θеодоровичъ вызывалъ свѣдущихъ по этимъ частямъ иностранцевъ, давалъ льготы и преимущества учреждавшимъ фабрики въ Россіи; Алексѣй Михайловичъ усилилъ мѣры, принимаемыя его родителемъ. При немъ не одни иноземцы отыскивали руду въ Россіи, но являются и собственныя попытки въ этомъ родѣ. Такъ въ 1648 г. дѣти воеводы Стрѣшнева открыли мѣдную руду въ Верхотурьѣ [4]; впослѣдствіи разработывались въ Верхотурскомъ и Тобольскомъ уѣздахъ мѣдная и желѣзная руды, пріискивались драгоцѣнные каменья [5]. Посылались знающіе люди въ разныя другія мѣста (въ Кузнецкъ, Красноярскъ, Мезень, Олонецкую область и т. д.) для отысканія золотой, серебряной и прочихъ рудъ [6]. Полковникъ Кам-

---

1. Берхъ: царств. Мих. Θеод. стр. 253.

2. Акты ист. IV, № 138.

3. Акты ист. IV, № 63. Русскіе люди, которымъ «питейное дѣло было за обычай,» стали дѣлать вино изъ тамошняго винограда. Чрезъ нѣсколько лѣтъ (1659 г.) встрѣчаемъ уже извѣстіе о полученіи въ Москвѣ съ Терека (въ 48 бочкахъ) 1379 ведръ вина.

4. Акты ист. IV, № 7: «и тое руды каменье прислалъ воевода къ Царю въ двухъ коженныхъ мѣшкахъ, да опытъ, что опытывали его дѣти сами, безъ мастера.» Государь велѣлъ воеводѣ самому, одноличво, не дожидаясь особыхъ указовъ, сыскивать мѣдную руду всякими мѣрами.

5. См. цѣлый рядъ документовъ въ V Т. Доп. къ акт. ист. подъ № 10.

6. Такъ въ 1666 г. князья Богданъ и Степанъ Милорадовы съ сотникомъ стрѣлецкимъ Некрасовымъ посылались на Мезень для открытія серебряной

пенъ, ѣздившій въ 1665 г. на С. Двину, кромѣ этой цѣли, долженъ былъ обозрѣть алебастровыя горы, рѣки, удобныя для устроенія мельницъ, пріискать соляные разсолы, средства для выварки соли изъ морской воды и т. п. [1]. Выплавлялась мѣдь въ Олонцѣ и недалеко отъ Мезени. Желѣзные заводы имѣли Миллеръ и Розенбушъ; но особенно замѣчательны заводы Петра Марселиса. Получивъ жалованную грамоту на нихъ, онъ обязался снабжать казну разнаго рода оружіемъ (пушками, мушкетами, бердышами, ядрами и т. д.) [2]. Подобная грамота была дана и Голландцу Филимону Акемѣ съ племянниками на желѣзные заводы въ Малоярославскомъ и Обонежскомъ уѣздахъ [3]. Изъ Русскихъ имѣли горные заводы кн. Черкасскіе [4]. Что касается до другихъ мануфактурныхъ заведеній, то существовали уже фабрики суконныя, полотняная (назначенная исключительно для Двора); устроенъ новый стеклянный заводъ, доставлявшій довольно хорошія издѣлія. Въ Москвѣ приготовляли штофы, бархаты, ленты, кушаки; усиленіе шелковой фабрикаціи имѣлось въ виду при заключеніи договора съ Армянами. Бояринъ Морозовъ завелъ въ Сибири поташные заводы. Заботясь о заготовленіи на желѣзныхъ заводахъ оружія, необходимаго для огражденія безопасности государства, правительство не упускало изъ виду и усовершенствованія орудій для земледѣлія, этого главнаго источника благосостоянія нашего отечества. Въ 1663 году Алексѣй Михайловичъ велѣлъ разослать по волостямъ лучшія земледѣльческія орудія: сохи, сошники,

---

и другихъ рудъ (П. С. З. № 392); съ тою же цѣлью отправленъ жилецъ солдатскаго строю майоръ Мамкѣевъ съ рудознатными серебренниками въ отчину Бѣлозерскаго Кириллова монастыря Умбу (Акты ист. IV, № 221).

1. П. С. З. № 391; Собр. г. гр. и дог. IV, № 49.

2. См. акты, отн. къ жел. заводамъ въ Тульск. и Каширск. уѣздахъ. Доп. Т. V, № 77. Марселисъ подалъ и роспись, почему поставлять издѣлія въ Желѣзный приказъ.

3. Доп. V, № 9 и 85.

4. Берхъ II, 14.

косули, сдѣланныя на желѣзныхъ заводахъ [1]. Бояринъ Матвѣевъ имѣлъ даже иностранныхъ овецъ [2].

Другимъ, важнѣйшимъ предметомъ попеченій Царя Алексія были улучшенія въ устройствѣ ратныхъ силъ. Въ этомъ отношеніи, кромѣ болѣе равномѣрнаго распредѣленія помѣстьевъ между служивыми людьми, обязанными содержать себя на собственный счетъ, увеличенія числа стрѣльцовъ и усиленія огнестрѣльнаго снаряда [3], особенно замѣчательны мѣры, принятыя для образованія регулярныхъ войскъ.

Превосходство въ устройствѣ армій Западной Европы предъ нашими давно было сознано Московскимъ правительствомъ. Въ царствованіе Михаила Θеодоровича появились у насъ наемные регулярные полки изъ иноземцевъ. Но содержаніе послѣднихъ, привлекаемыхъ въ Россію только видами корысти, надеждою поправить разстроенное состояніе [4], обходилось слишкомъ дорого. Правительство рѣшилось завести Русскіе полки, обученные по образцу иноземныхъ. Начальниками въ нихъ назначались опытные иностранные офицеры, отчасти удержанные изъ распущенныхъ наемныхъ дружинъ [5], отчасти вновь пріѣзжавшіе въ Россію по вызову [6] и безъ вызова со стороны правитель-

1. Акты Арх. Эксп. IV, № 138. 2. Берхъ II, стр. 12.

3. См. роспись, представленную Марселисомъ, и другіе акты въ Доп. Т. V (на пр. № 51).

4. Значительное содержаніе, которое иноземцы получали въ Россіи, служило постоянною приманкою для нихъ. Они сами сознавались въ этомъ. Весьма наивно выразилось, между прочимъ, подобное признаніе у Коллинса, восемь лѣтъ служившаго врачемъ при Дворѣ Алексѣя Михайловича. Разсказывая, что, послѣ извѣстнаго обряда шествія на осляти, патріархъ посылаетъ Царю мѣшокъ съ деньгами, въ которомъ находится сто рублей, онъ не могъ удержаться, чтобъ не воскликнуть: «Если бъ его святѣйшество ежедневно давалъ мнѣ такое жалованье, то я бы охотно сталъ ему служить.»

5. Въ числѣ лицъ, оставшихся въ Русской службѣ, находился и извѣстный Леслій: 82 лѣтній генералъ этотъ участвовалъ въ осадѣ Риги. Но какъ нѣкогда осада Смоленска, такъ и предпріятіе подъ Ригою были неудачны.

6. Такъ И. Д. Милославскому, отправленному 1646 г. посланникомъ въ Голландію, было поручено вызвать «капитановъ, которые солдатскому строю навычны, да солдатовъ добрыхъ самыхъ ученыхъ 20 человѣкъ» (Арц. VI,

ства. Вообще приливъ служилыхъ иноземцевъ увеличивался съ каждымъ годомъ. При началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, когда въ нихъ имѣли еще нужду, допускались они почти безъ разбора; напротивъ того, впослѣдствіи, когда число ихъ возрасло, дозволеніе остаться въ Россіи сопровождалось уже извѣстными формальностями. Каждаго распрашивали порознь о его прежней службѣ; требовали доказательствъ въ его свѣдѣніяхъ и опытности; хотѣли напередъ увѣриться, что онъ будетъ небезполезенъ для службы Царскаго Величества [1]. Въ 1662 году, по свидѣтельству Мейерберга [2], находилось у насъ, кромѣ нѣсколькихъ генераловъ, болѣе 100 иностранныхъ полковниковъ, значительное число подполковниковъ и маіоровъ, множество капитановъ и поручиковъ. Надѣляемые, по большой части, помѣстьями, они были обязаны являться на службу по первому призыву; употреблялись для формированія полковъ новаго строя не только въ мѣстахъ, ближайшихъ къ столицѣ, но и въ отдаленныхъ городахъ [3]. Преобразованные полки были конные и пѣшіе. Конные назывались рейтарскими и состояли изъ копейщиковъ, рейтаръ и драгуновъ новаго строя. Они набирались изъ дѣтей

пр. 567). Изъ отписки 1658 г. Милославскаго къ полковнику Францу Траферту (Доп. къ акт. ист. IV, № 49) видно, что правительство особенно заботилось о пріисканіи хорошихъ инженеровъ: «Писалъ еси ко мнѣ, что ты нынѣ ѣдешь въ Галанскую землю и великаго Государя нашего въ службу хочешь приговаривать инженеровъ такихъ, что во всей Европіи другихъ такихъ не будетъ. И ты бы тѣхъ инженеровъ всячески промыслилъ и приговорилъ и Царскаго Величества жалованьемъ обнадежилъ не малымъ.»

1. См. о затрудненіяхъ, которымъ подверглись служилые иноземцы (въ числѣ ихъ Лефортъ), прибывшіе въ 1675 г. къ Архангельску, отрывокъ изъ I-го тома «Исторіи царств. Петра В.» Н. Г. Устрялова въ Ж. М. Н. Пр. 1831, Генв.

2. Стр. 314.

3. Такъ въ грамотѣ 1663 г. къ Томскимъ воеводамъ (Доп. IV, № 128) «Велѣно вамъ прибрать рейтаръ двѣсти человѣкъ; а къ тѣмъ рейтарамъ для ученья, указали послать съ Москвы начальныхъ людей, полковника Ягана Фандергейдена, да съ нимъ брата его двоюроднаго Индрика Людерсона, да сына его Яганова Петра, да зятя его Юлеюса Ирика Цымермана въ порутчики.» — Подъ 1649 г. (Доп. III, № 49) находится длинная рос-

боярскихъ, новокрещеновъ, казаковъ и всякихъ вольныхъ охочихъ людей, не бывшихъ ни въ тяглѣ, ни въ службѣ [1], впослѣдствіи также изъ даточныхъ съ помѣстьевъ боярскихъ, патріаршихъ, монастырскихъ, обязанныхъ выставлять по одному рейтару съ каждыхъ 100 дворовъ [2]. Основу этихъ войскъ составляли рейтары. Изъ копейщиковъ только иногда формировались особые полки подъ названіемъ копейныхъ ротъ гусарскаго строю; драгуны же особыхъ полковъ не составляли, но командами присоединялись къ рейтарскимъ. Пѣшіе преобразованные полки носили наименованіе солдатскихъ полковъ новаго строя и формировались преимущественно изъ даточныхъ крестьянъ, не приписанныхъ къ помѣстьямъ и отчинамъ. Поступали въ нихъ также люди изъ другихъ сословій: но вообще служба въ солдатскихъ полкахъ считалась ниже рейтарской [3]. Является, въ это царствованіе, и особый родъ военныхъ поселеній на Шведской границѣ: цѣлые погосты крестьянъ и бобылей въ Новгородскомъ и Старорусскомъ уѣздахъ были назначены въ драгунскую и солдатскую службу. Для обученія ихъ хитростямъ ратнаго строенія посылались иноземные офицеры [4].

Полки новаго строя, подъ конецъ царствованія Алексѣя Михайловича, почти замѣнили пѣшія ополченія прежнихъ временъ. Но и они собирались только въ случаѣ войны, и, по окончаніи походовъ, опять распускались по домамъ. Въ обыкновенное время одни очередные изъ нихъ несли полугодичную службу. Для ученья ратному дѣлу, служилые люди новаго строя одинъ разъ въ годъ, въ Ноябрѣ и въ

пись иностраннымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, назначеннымъ «быти на Государевѣ службѣ съ полковники съ Олександромъ Гамолтовымъ да съ Мунгою Кормихелемъ, для ученья салдатцкого строю въ Заонѣжскихъ погостѣхъ.»

1. «О Русскомъ войскѣ въ ц. Мих. Θеод. и послѣ него до преобр. сдѣл. Петромъ В.» соч. И. Бѣляева, стр. 31. 2. Кош. гл. IX.

3. «Военно-историческій обзоръ Сѣверной войны,» Ген. шт. полковника Карцева.

4. А. Арх. Э. IV, № 38; Доп. къ акт. ист. III, № 65.

Декабрѣ, сходились на опредѣленныя сборныя мѣста; туда съѣзжались и ихъ начальники. Такимъ образомъ они имѣли слишкомъ мало времени, чтобъ изучить, какъ должно, военное искусство; не привыкали и къ надлежащей дисциплинѣ. Самое вооруженіе часто было очень неисправно тѣмъ болѣе, что половина пріобрѣтала его на свой счетъ; продовольствіе не было выдаваемо отъ казны, но покупалось самими ратными людьми. Главное преимущество предъ прежними ополченіями заключалось лишь въ правильномъ раздѣленіи на части и выборѣ начальниковъ изъ иноземцевъ или Русскихъ дворянъ, служившихъ уже въ иноземныхъ полкахъ, потому болѣе или менѣе знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ [1].

Въ 1647 г. вышелъ строевой уставъ подъ заглавіемъ: « Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей,» переведенный съ Нѣмецкаго (съ тактики Леонарда Фронеберга, которая издана еще при Карлѣ V). Въ немъ всѣ

1. «Военно-истор. обзоръ Сѣв. войны», стр. 13. Какъ разнороденъ былъ составъ тогдашнихъ армій нашихъ, въ которыхъ на ряду съ полками новаго строя являются прежнія ополченія, лучше всего видно изъ разсказа стольника Чемоданова, ѣздившаго (въ 1657 г.) посланникомъ въ Венецію: «У В. Государя нашего, у Е. Ц. В., противъ его Государевыхъ недруговъ, рать сбирается многая и несчетная, и строенье многое, различными ученьи и строеньемъ. Перво устроены многія тысячи Копейныхъ ротъ Гусарскаго строю, а иныя многія тысячи устроены конныя съ огненнымъ боемъ, Рейтарскаго строю; а иныя многія тысячи устроены Драгунскимъ строемъ съ большими мушкеты: а иныя многія тысячи устроены солдатскимъ строемъ... А низовая сила, Казанская, Астраханская и Сибирская, и иныхъ многихъ государствъ его Ц. В., сбирается многая, несчетная рать; и бьются конныя лучнымъ боемъ; а Большаго и Меньшаго Ногаю Татарове и Башкирцы и Калмыки бьются лучнымъ же боемъ; а Стрѣльцовъ Московскихъ устроено на Москвѣ сорокъ тысящь, опричь городовыхъ; а бои у нихъ солдатскаго строенья. А Донскіе и Терскіе и Яицкіе казаки бьются огненнымъ боемъ; а Запорожскіе Черкасы бьются лучнымъ и огненнымъ боемъ. Государевыхъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе, и всякихъ чиновъ люди, тѣ бьются разными обычаи: лучнымъ и огненнымъ боемъ, и кто къ которому бою навыченъ. А Его Ц. Величества полку спальники, и стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе и жильцы: тѣ бьются своимъ обычаемъ; только у нихъ бою, что подъ ними Аргамаки рѣзвы, да сабли у нихъ востры, на которое мѣсто не пріѣдутъ, никакіе полки противъ нихъ не стоятъ.» (Др. Росс. Вивл. Ч. VIII).

роды движеній и пріемовъ описаны и изображены въ чертежахъ. Но во многихъ отношеніяхъ онъ былъ неопредѣлителенъ и сложенъ до неудобоисполнимости [1]; притомъ не соотвѣтствовалъ современному состоянію военнаго искусства, не заключая въ себѣ преобразованій, которыя были совершены Густавомъ Адольфомъ.

Не смотря однакожь на всѣ недостатки введенныхъ улучшеній, важный шагъ былъ сдѣланъ: многое приготовлено для будущаго окончательнаго, всесторонняго преобразованія нашей военной системы.

Къ этому царствованію относится и первая попытка построить флотъ. Ордынъ-Нащокинъ, управляя покоренною частью Ливоніи, завелъ его на р. Двинѣ. Хотя условія Кардисскаго мира и заставили уничтожить Двинскій флотъ, но предпріятіе было впослѣдствіи возобновлено для Каспійскаго моря. Въ 1667 году, въ селѣ Дѣдиловѣ (Дѣдновѣ), Коломенскаго уѣзда, Царь Алексѣй Михайловичъ «указалъ для посылокъ изъ Астрахани на Хвалынское море дѣлать корабли, и то корабельное дѣло вѣдать боярину А. Л. Ордыну-Нащокину, да думнымъ дьякамъ Герасиму Дохтурову и Лукьяну Голосову, да дьяку Ефиму Юрьеву.» [2] Голландскими мастерами построенъ первый корабль о трехъ мачтахъ: «Орелъ» съ небольшою яхтою объ одной мачтѣ, и (1669 г.), подъ командою капитана Давида Бутлера [3], спущенъ по Окѣ въ Волгу и оттуда въ Каспійское море. На пути ученый капитанъ занимался опредѣленіемъ географическаго положенія нашихъ Приволжскихъ

1. Таково было построеніе терцій, употребляемыхъ Тилліемъ и Валленштейномъ; построенія въ видѣ штерншанцевъ, теналъныхъ фронтовъ и другихъ фигуръ, которыми думали усилить огнестрѣльное дѣйствіе пѣхоты. (В. ист. обз. Сѣв. в. стр. 14).

2. Доп. къ акт. ист. Т. V, № 46: «Выписка изъ подлиннаго дѣла о строеніи въ селѣ Дѣдиловѣ корабля Орла и другихъ мореходныхъ судовъ.» Тамъ же подъ № 47: «Перечень дѣла о стр. въ с. Дѣд. кор. Орла и др. мор. судовъ и объ отправленіи ихъ въ Астрахань.»

3. У Берха (I, стр. 250), который слѣдуетъ Стрюйсу (Les voyages de Jean Struys, 1681 и на Нѣм: «Denkwürdige Reisen»), корабельный капи-

городовъ [1]. Къ сожалѣнію предпріятіе кончилось несчастіемъ: Орелъ сожженъ Стенькою Разинымъ. Переводчикъ Посольскаго приказа Андрей Виніюсъ представилъ, вслѣдъ за тѣмъ, проэктъ о постройкѣ катаргъ или весельныхъ судовъ, какъ болѣе удобныхъ для плаванія по Каспійскому морю, и объ употребленіи для гребли «всякихъ воровъ и бусурманскихъ плѣнниковъ на цѣпяхъ»: но онъ остался безъ выполненія [2].

Около того же времени послѣдовало учрежденіе постоянныхъ почтъ. Первое заведеніе поручено было иноземцу Ивану фонъ-Свендену, содержавшему почтовую гоньбу съ подряда: письма отправлялись въ Курляндію и Польшу. Существовало также постоянное сообщеніе съ Украинскими городами посредствомъ гонцевъ, разставленныхъ по станамъ [3]. Но замѣчательнѣе регулярная почтовая пересылка, учрежденная (1668 г.) между Москвою, Новгородомъ, Псковомъ, Ригою и другими Ливонскими городами. Ее содержалъ Леонтій Марселисъ, заключившій договоръ «съ Рижскимъ почтаремъ (почтмейстеромъ), который изо всѣхъ государствъ всякія вѣстовыя и торговыя письма принимаетъ и отпущаетъ.» [4] Казенныя бумаги раздавались безъ платы; съ частныхъ грамотокъ (писемъ) назначено взимать отъ 1½ до 2¼ алтынъ; за пересылку золота и серебра отъ 2 до 3 процентовъ. Половина дохода шла въ пользу почтмейстера; другая доставлялась Марселису въ Москву [5].

танъ является подъ именемъ Бухговена; но въ подлинныхъ актахъ онъ вездѣ названъ Давидомъ Бутлеромъ.

1. Берхъ I, стр. 251. 2. Доп. V, № 80.

3. Берхъ I, стр. 238. По завоеваніи Вильны была учреждена почта между этимъ городомъ и Москвою: она каждую недѣлю отправлялась чрезъ Смоленскъ.

4. Собр. госуд. грам. и дог. IV, № 64. и Арц. VI, пр. 932.

5. Когда вышелъ срокъ подряду иноземцевъ на почтовую гоньбу, смотрѣніе за исправностію почты было ввѣрено дьяку Андрею Виніюсу: онъ долженъ былъ вести счетъ пересылкамъ и взимать установленныя за нихъ деньги.

ГЛАВА X.

ИСПРАВЛЕНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ КНИГЪ; ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ И ЕГО ОТНОШЕНІЯ КЪ ЦАРЮ; НЕОБХОДИМОСТЬ БЛИЖАЙШАГО ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ ВЛАСТІЮ ДУХОВНОЮ И СВѢТСКОЮ; СУДЪ ВСЕЛЕНСКИХЪ ПАТРІАРХОВЪ; НАЧАЛО СМУТЪ ОТЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ царствованія Алексѣя Михайловича было рѣшеніе вопроса объ освобожденіи церковныхъ книгъ и нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядовъ отъ искаженій, внесенныхъ въ нихъ недостаткомъ образованія въ древней Руси.

Дѣятельность на этомъ поприщѣ приняла уже довольно широкіе размѣры въ управленіе Церковью патріарха Іосифа. Но къ сожалѣнію, отъ вмѣшательства невѣжества и злонамѣренія, получила она пагубное направленіе; подала главный поводъ къ заблужденіямъ донынѣ существующихъ у насъ раскольниковъ. Не имѣя достаточнаго образованія, Іосифъ, при всемъ усердіи своемъ, не могъ отличить истиннаго отъ ложнаго. Онъ удалилъ искуснаго въ дѣлѣ исправленія іеромонаха Грека Арсенія, и подвергся вліянію недостойныхъ лицъ. Членами коммиссіи, созванной для надзора за печатаніемъ новаго, исправленнаго изданія церковныхъ

книгъ, были назначены протопопы Аввакумъ (изъ Юрьевца Повольскаго) и Михаилъ Роговъ, попы Лазарь, Никита Пустосвятъ и Стефанъ Вонифатьевъ, дьяконы Θедоръ и Григорій Нероновы. Пользуясь покровительствомъ единомышленника своего кн. Львова, завѣдывавшаго типографіею, и довѣренностью самаго патріарха, престарѣлаго и слабаго, люди эти запятнали свое имя не однимъ невѣжествомъ, но и явнымъ изувѣрствомъ. Новоиздаваемыя книги наполнили они не только самыми грубыми ошибками, но и нелѣпыми толкованіями; вносили въ нихъ, кстати и некстати, ложное ученіе свое о сложеніи перстовъ, о сугубой аллилуіа и т. п[1]. Особенно посѣяно сѣмя заблужденій въ книгѣ «о Вѣрѣ единой, истинной, православной и о Св. Церкви» (изд. 1648 г.) и въ «Соборникѣ Кирилловѣ», разосланныхъ тогда по Россіи въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ и донынѣ находящихся въ великомъ уваженіи у всѣхъ приверженцевъ раскола. Невѣжды-издатели исказили также сокращенный катихизисъ Петра Могилы, предисловіе учебной псалтыри; старались внести свои ложныя мнѣнія и въ Кормчую книгу, бо̀льшая часть которой была отпечатана при жизни Іосифа. Но выпустить въ свѣтъ не успѣли всѣхъ экземпляровъ: Никонъ приостановилъ изданіе и подвергъ его новому пересмотру. Подобныя дѣйствія распространителей раскола не могли не обнаружиться въ истинномъ своемъ свѣтѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, по вліянію митрополита Никона, были смѣнены еще при жизни Іосифа. Послѣдній, сознавъ наконецъ неосторожно допущенные имъ безпорядки, сталъ опасаться, чтобъ его самаго не заставили отказаться отъ патріаршества[2]. Въ такомъ положеніи находилось дѣло исправленія, когда знаменитый Никонъ занялъ первосвятительскій престолъ.

Сынъ крестьянина Нижегородской области, Никонъ (по

1. «Словарь духовныхъ писателей» митроп. Евгенія; «Всероссійскіе патріархи» въ Чт. общ. ист. и др: «Іосифъ».
2. Чт. общ. ист. и др. при М. У. Г. III, № 4.

мірскому имени Никита), изучивъ при обители Преподобнаго Макарія Желтоводскаго Священное писаніе, церковную и монастырскую службы, еще въ юности почувствовалъ наклонность къ иноческой жизни[1]. Если убѣжденія родственниковъ и заставили его сочетаться бракомъ, то однакожь, увлекаемый желаніемъ посвятить себя служенію Церкви, онъ вскорѣ вступилъ въ бѣлое духовенство; былъ нѣсколько времени причетникомъ, потомъ священникомъ на родинѣ и въ Москвѣ. Лишившись дѣтей, онъ, послѣ десятилѣтняго супружества, убѣдилъ жену постричься въ одномъ изъ Московскихъ монастырей, а самъ, пренебрегши всѣми выгодами столичной жизни, удалился на дикій, пустынный островъ Бѣлаго моря, въ Анзерскій скитъ. Тамъ, среди сподвижниковъ, которые жили въ разбросанныхъ на дальнемъ разстояніи хижинахъ, питались подаяніемъ отъ рыболововъ, видѣлись только во время Богослуженія, принялъ онъ иноческій санъ и провелъ первые годы своей отшельнической жизни. Несогласія съ настоятелемъ побудили его, чрезъ нѣсколько лѣтъ, искать другаго мѣста жительства: въ утлой лодкѣ пустился онъ по морю, и едва не погибъ отъ бури. Приписывая свое спасеніе особому промыслу Божію, Никонъ водрузилъ крестъ на островѣ, къ которому присталъ, а впослѣдствіи построилъ здѣсь Крестный монастырь[2]. Между тѣмъ, поселившись въ Кожеезерской обители, изумилъ, суровыми подвигами поста, молитвы, затворничества, самыхъ строгихъ отшельниковъ, достигъ званія ихъ игумена. Въ этомъ санѣ пріѣзжалъ (1646 г.) въ Москву за милостынею и былъ допущенъ ко Двору. Молва о добродѣтеляхъ суроваго инока сопрово-

---

1. «Житіе святѣйшаго патріарха Никона, писанное бывшимъ при немъ клирикомъ» (Ив. Шушеринымъ). — «Прибавленіе къ жизнеописанію патріарха Никона» Іоанна Бакмейстера, Рига 1788 (на Нѣм. яз.). — «Начертаніе житія и дѣяній Никона, патріарха Московскаго и всея Россіи», соч. Архим. Аполлоса, изд. 4-е, 1845. — Исторія Русской Церкви Преосв. Филарета: Періодъ Патріаршества, Рига 1847. — «Никонъ» въ Чт. общ. ист. и др. при Моск. Ун. 1848.

2. Крестный монастырь находится въ 15 в. отъ г. Онеги.

ждала Никона въ столицу. Его необыкновенный умъ, свѣтлый взглядъ на предметы, природное краснорѣчіе довершили впечатлѣніе, произведенное имъ при Дворѣ. Юный Царь полюбилъ его съ перваго свиданія, велѣлъ поставить въ архимандриты Новоспасскаго монастыря; часто призывалъ во дворецъ для бесѣды, поручалъ принимать прошенія отъ бѣдныхъ, сиротъ, утѣсняемыхъ и докладывать себѣ. Вліяніе Никона возрастало такъ замѣтно, что даже Морозовъ, достигшій тогда высшей степени значенія, могъ опасаться встрѣтить въ немъ соперника. Чрезъ два года Новоспасскій архимандритъ былъ посвященъ въ митрополиты Новгородскіе. Но довѣренность Государя сопровождала его и на новое мѣсто служенія: кромѣ полной власти въ дѣлахъ духовныхъ, на него возложено было порученіе имѣть надзоръ за судопроизводствомъ; дано право освобождать изъ темницъ всѣхъ несправедливо заключенныхъ. Въ Новгородѣ Никонъ прославился многими благодѣяніями: во время бывшаго тамъ голода каждодневно питалъ на архіерейскомъ подворьѣ нѣсколько сотъ неимущихъ, устроилъ богадѣльни для престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Еще болѣе возвысился онъ во мнѣніи Государя, когда, съ опасностью собственной жизни, укротилъ мятежъ. Алексѣй Михайловичъ осыпалъ его новыми знаками милости; велъ съ нимъ частую переписку, каждую зиму призывалъ въ Москву для свиданія и совѣщанія о дѣлахъ Церкви и государства. Въ 1652 году, набожный Царь, желая «разрѣшити согрѣшеніе прадѣда, Царя и В. Князя Іоанна, нанесенное неразсудно завистію и неудержаніемъ ярости», рѣшился перенести изъ Соловецкаго монастыря въ «царствующій градъ Москву, во святую, великую и преименитую соборную Апостольскую церковь Пресвятыя чистыя и Преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и присно-Дѣвы Маріи, Святаго ея Успенія» мощи «Христова подражателя, небеснаго жителя, преизящнаго и премудраго духовнаго учителя, пастыря и молитвенника, Преосвященнаго Филиппа Митрополита», изгнаннаго и пострадавшаго «по ненависти обаянія неправед-

ныхъ мужей.[1] Выполненіе благочестиваго дѣла было возложено на митрополита Новгородскаго и князя И. Н. Хованскаго, которые отправились въ Соловецкій монастырь въ сопровожденіи многихъ архимандритовъ, игуменовъ и иныхъ лицъ отъ священническаго сана, равно какъ стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ Московскихъ[2]. По возвращеніи оттуда, Никонъ уже не засталъ въ живыхъ патріарха Іосифа: онъ самъ былъ возведенъ на упразднившійся престолъ первосвятителя Московскаго.

Еще будучи митрополитомъ въ Новгородѣ, Никонъ приступилъ къ полезнымъ преобразованіямъ. Онъ старался истребить укоренившійся въ церквахъ обычай читать и пѣть поспѣшно и во многіе голоса, такъ что за всенощной каѳизмы и каноны, за литургіею эктеніи и возгласы сливались съ пѣніемъ клира; вводилъ благолѣпіе въ священныхъ одѣяніяхъ и утвари; совершалъ службу съ особеннымъ благоговѣніемъ, часто и умилительно поучалъ свою паству отъ священнаго писанія. Вступленіе на патріаршій престолъ доставило ему средства еще болѣе развить свой преобразовательный духъ на поприщѣ служенія истинѣ и благу Церкви и отечества. Онъ установилъ партесное пѣніе Греческое и Кіевское, примѣняясь къ древнимъ напѣвамъ; ввелъ болѣе разнообразія въ иконной живописи; вообще заботился о благолѣпіи церквей Московскихъ. Собственнымъ примѣромъ строгой жизни внушалъ духовенству имѣть бдительный надзоръ надъ нравственностью мірянъ; въ отношеніи къ нерадивымъ былъ взыскателенъ, строго наказывалъ за

---

1. См. «Молебное посланіе царя Алексія ко Св. Мощамъ Филиппа митрополита», нах. въ с о б р. г о с. г р. и д. III, № 147, и шесть отписокъ къ Царю митрополита Никона и князя Хованскаго, писанныхъ ими во время путешествія изъ Сол. мон. въ Москву. Кромѣ св. мощей Филиппа, были, около того же времени, перенесены въ Успенскій соборъ мощи патріарховъ Іова и Гермогена.

2. Д в. Р а з р. III, 301 и 320. Въ этомъ посольствѣ находился и дьякъ Леонтьевъ, одинъ изъ редакторовъ Уложенія: къ сожалѣнію онъ утонулъ во время бури, поднявшейся на Бѣломъ морѣ.

всякое нарушеніе церковнаго чина. При самомъ назначеніи въ духовныя должности, подвергалъ ставленниковъ строгому испытанію въ знаніи обязанностей: посвящалъ въ священники и діаконы только людей, имѣвшихъ достаточныя познанія, по крайней мѣрѣ, въ чтеніи и письмѣ; въ существовавшихъ въ Москвѣ духовныхъ училищахъ старался распространить изученіе Греческаго и Латинскаго языковъ. Но важнѣйшій подвигъ патріаршаго служенія Никона заключался въ исправленіи церковныхъ книгъ.

Первымъ дѣломъ его было разогнать остальныхъ справщиковъ Іосифа, посѣявшихъ столько плевелъ въ нѣдрахъ Русской Церкви, и замѣнить ихъ людьми свѣдущими и благонамѣренными. Самъ не получивъ ученаго образованія, но руководимый любовью къ истинѣ и свѣтлымъ, проницательнымъ взглядомъ на каждый предметъ, онъ умѣлъ, для своихъ предначертаній, найти достойныхъ исполнителей. Іеромонахъ Епифаній Славинецкій, «мужъ мудрости внѣшнія и духовныя исполненный», былъ назначенъ главнымъ справщикомъ Московскаго печатнаго двора; помощниками къ нему опредѣлены возвращенный изъ заточенія Арсеній Грекъ и другіе ученые иноки. Нѣкоторые изъ нихъ, по вліянію Никона были вызваны изъ Кіева еще при жизни патріарха Іосифа [1]. Въ 1654 году созванъ въ Москву Соборъ изъ многихъ святителей и другихъ членовъ Русскаго духовенства: на немъ опредѣлено приступить къ окончательному исправленію печатныхъ книгъ посредствомъ сличенія ихъ съ древними Греческими и Славянскими рукописями. Вселенскіе патріархи одобрили благое дѣло; въ братскомъ посланіи къ первосвятителю Московскому убѣждали слѣдовать во всемъ Православному писанію Восточныхъ Учителей и препроводили, для непреложнаго образца, Никейскій Символъ Вѣры. Между тѣмъ келарь Сергіевскаго монастыря Арсеній Сухановъ, ѣздившій (еще при Іосифѣ) въ Святыя мѣста для наблюденія церковнаго Устава четырехъ

1. П. С. З. I, № 7.

Вселенскихъ іерарховъ, списалъ подробно весь чинъ Богослуженія Греческаго и, вмѣстѣ съ отвѣтами патріарховъ на предложенныя имъ недоумѣнія, изложилъ его въ изданномъ имъ «Проскинитаріи [1].» Отправленный Никономъ вторично, онъ собралъ въ разныхъ монастыряхъ около пятисотъ древнихъ рукописей Греческихъ, изъ которыхъ многія были писаны за 600 и болѣе, а одно Евангеліе за 1050 лѣтъ до того времени; кромѣ того, до 200 рукописей отпустили съ нимъ сами патріархи и другіе святители Востока. Собраны были также въ Россіи древнѣйшіе Славянскіе списки, и найдены согласными съ Греческими. Въ 1655 году Никонъ началъ печатать исправленныя книги. Прежде всего вышелъ Служебникъ, издававшійся впослѣдствіи неоднократно: за нимъ Скрижаль и другія книги. Положено также начало исправнѣйшему преложенію съ Греческаго языка на Славяно-Русскій Св. Евангелія, Апостола, многихъ церковныхъ, отчасти и гражданскихъ полезныхъ сочиненій [2]. Новоизданныя книги разсылались по церквамъ; старыя вездѣ отбирались. Къ сожалѣнію, при этомъ, дѣйствовали съ чрезмѣрною поспѣшностію и излишнею строгостью. Возникъ ропотъ невѣждъ. Имъ воспользовались люди неблагонамѣренные, ненавидѣвшіе Никона. Распустили о немъ самые нелѣпые слухи; называли его отступникомъ, исказившимъ священныя книги, антихристомъ. Особенно дѣйствовали уставщики патріарха Іосифа, пострадавшіе за неправильное изданіе Кормчей: протопопъ Аввакумъ, попы Лазарь, Никита Пустосвятъ и другіе. Расколъ распространился не въ одномъ простомъ народѣ, но и въ высшихъ сословіяхъ. Для его приверженцевъ имя Никоніанцевъ стало означать всѣхъ принявшихъ исправленныя книги.

---

1. Впрочемъ Арсеній Сухановъ, можетъ быть, слишкомъ выставилъ на видъ мелочныя уклоненія отъ Устава и тѣмъ усилилъ мнѣніе о замѣченномъ имъ различіи въ обрядахъ. Раскольники, съ своей стороны, нашли новый предлогъ для оправданія заблужденій своихъ; утверждали, будто Греческая Церковь, подъ игомъ Магометанъ, утратила древнюю чистоту.

2. «Никонъ» въ Чт. общ. ист. и др. 1848, стр. 29.

Между тѣмъ Алексѣй Михайловичъ, вполнѣ оцѣнивая заслуги Никона, продолжалъ оказывать ему отличное благоволеніе и довѣренность. Во время Польскаго похода и моровой язвы, поручалъ онъ его попеченіямъ Царское семейство, бралъ всегда въ воспріемники при крещеніи дѣтей своихъ; находясь въ отсутствіи, подчинялъ ему бояръ, которые каждое утро должны были являться къ патріарху съ докладами [1]. Онъ даровалъ ему и титулъ «Великаго Государя», которымъ именовался Филаретъ Никитичъ [2]; подтвердилъ жалованную патріаршему престолу грамоту Царя Бориса о неподсудимости Государевымъ намѣстникамъ и волостнымъ начальникамъ лицъ духовнаго вѣдомства отчинъ патріаршихъ и монастырскихъ, равно какъ объ освобожденіи жившихъ на нихъ крестьянъ отъ земскихъ повинностей. [3] Соединяя, по свидѣтельству даже иностранцевъ [4], необыкновенный умъ съ возвышеннымъ духомъ и непоколебимою твердостью воли, Никонъ обнаруживалъ чудную нравственную силу, вліянію которой невольно подчинялось все окружающее его. Доказательствомъ служатъ, съ одной стороны, безусловная къ нему преданность большей части его приближенныхъ, любовь народа, привязанность и неограниченная довѣренность Царя, нерѣшительность послѣд-

1. При входѣ въ церковь, Никонъ принималъ челобитныя. По свидѣтельству очевидца (Арабскаго писателя Павла Алепскаго), онъ имѣлъ семь палатъ, въ которыхъ сидѣли семь судей-со множествомъ дьяковъ. Въ назначенный часъ сходились туда и бояре. Опаздывавшіе между ними подвергались замѣчанію. («Никонъ» въ Чт. общ. ист. и др.).

2. Многіе полагаютъ (см. «Исторію Русской Церкви» Преосв. Филарета), что Никонъ получилъ титулъ Великаго Государя за сбереженіе Царскаго семейства во время моровой язвы, притомъ противъ желанія: но акты того времени доказываютъ, что онъ гораздо прежде пользовался имъ. Такъ въ указѣ отъ 9 Іюля 1654 г. (А. Арх. Э. IV, № 71) Никонъ уже именуетъ себя Великимъ Государемъ. Полный титулъ этого патріарха былъ: «Великій Государь, Святѣйшій Никонъ, Архіепископъ Царствующаго града Москвы и всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи и всея Сѣверныя страны и Поморія и многихъ государствъ патріархъ».

3. П. С. З. № 402.

4. Stephanus Razin, § 12: «Nikon autoritate et prudentia... egregius».

няго даже послѣ размолвки; съ другой, мелкія интриги царедворцевъ, не находившихъ средствъ дѣйствовать прямо противъ колоссальной личности, предъ которою всѣ враги являются какими-то пигмеями. Но значеніе, которымъ облекалъ его Государь, возбуждало зависть въ боярахъ: Никонъ имѣлъ многочисленныхъ враговъ при Дворѣ. Вполнѣ сознавая свое превосходство предъ другими, онъ любилъ пользоваться имъ; старался еще болѣе возвысить патріаршую власть, вооружался противъ всякаго нарушенія ея правъ [1]. Суровый до излишества нравъ, взыскательный надзоръ за поступками не только духовныхъ, но и свѣтскихъ сановниковъ, высокомѣріе патріарха оскорбляли многихъ. Громко укорялъ онъ въ церкви, въ присутствіи самаго Государя, бояръ, подражавшихъ нѣкоторымъ обычаямъ Запада. Къ духовенству былъ неумолимо строгъ, не щадилъ даже святителей: такъ Коломенскаго епископа Павла, дерзнувшаго противиться исправленію церковныхъ книгъ, отрѣшилъ, безъ суда соборнаго, отъ епархіи и подвергъ заключенію. Онъ возставалъ и противъ монастырскаго приказа, учрежденіе котораго казалось стѣснительнымъ для патріаршей власти, особенно, когда распоряженія его стали касаться не однихъ церковныхъ имѣній, но и духовныхъ лицъ [2];

1. Доказательствомъ постояннаго стремленія Никона къ оправданію, во что бы ни стало, власти духовной передъ свѣтскою можетъ служить извѣстный разсказъ Татищева о царскомъ духовникѣ (въ примѣчаніяхъ на судебникъ). Дворянинъ, уличенный въ ужасномъ преступленіи (убіеніи брата и невѣстки), подкупилъ духовника Государева, чтобъ онъ исходатайствовалъ ему прощеніе. Царь съ негодованіемъ отвергнулъ неумѣстную просьбу—и священникъ, изъ мщенія, воспретилъ ему причащеніе Св. Таинъ. Алексѣй Михайловичъ обратился къ патріарху; послѣдній принялъ сторону священника. Набожный Царь, избѣгавшій малѣйшаго отступленія отъ уставовъ Церкви, не рѣшался перемѣнить духовника, который продолжалъ упорствовать до тѣхъ поръ, пока князь Ю. А. Долгоруковъ, угрозами немедленно сковать и сослать на заточеніе въ Соловецкій монастырь, не побудилъ его къ уступчивости. Тотъ же разсказъ повторенъ у Бакмейстера, въ Словарѣ митр. Евгенія и у Берха. Но авторъ «исторіи Русской Церкви» считаетъ этотъ анекдотъ нелѣпымъ, не смотря на то, что здѣсь и Царь, и патріархъ являются совершенно вѣрными своему характеру.

2. Такъ Полоцкій Богоявленскій монастырь, зависѣвшій непосредственно

не любя щадить враговъ своихъ, нерѣдко предавалъ ихъ проклятію [1]. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которому недоставало только папскаго престола, чтобъ сдѣлаться вторымъ Гильдебрандомъ. Но вся исторія нашей церковной іерархіи противорѣчила подобнымъ стремленіямъ. Власть духовная всегда находилась у насъ въ полной зависимости отъ свѣтской. Паденіе Никона, при его неуступчивости, было неизбѣжно. Немаловажную роль въ этомъ дѣлѣ играли, безъ сомнѣнія, и другія обстоятельства: ненависть къ смѣлому исправителю приверженцевъ раскола, между которыми находились также люди знатные; особенно же интриги царедворцевъ, которымъ самъ Никонъ приписывалъ свое низложеніе [2]. Но онѣ не были

отъ патріарха, безъ его согласія, былъ отданъ въ управленіе новопоставленному мѣстному епископу Каллисту; опредѣлялись игумены и священники именемъ Государя, помимо патріаршей власти.

1. Какъ крутъ былъ нравъ Никона, какъ онъ любилъ пользоваться духовнымъ правомъ связывать и разрѣшать — объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ собственноручная помѣтка его на лѣтописи игумена Сильвестра, принадлежавшей Новоіерусалимской библіотекѣ: «Лѣта 7169 сію книгу положилъ въ домъ святаго живоносцаго воскресенія Господа и Спаса нашего Іисуса Христа Новаго Іерусалима смиренный Никонъ Божіею милостію патріархъ, а кто восхощетъ ю усвоити яко же Ахавъ сынъ Халміевъ, или утаитъ яко же Ананія и Сапфира — да отъиметъ отъ него Господь Богъ святую свою милость и затворитъ двери святыхъ щедротъ своихъ и да пріидетъ неблагословеніе и клятва и казнь Божія душевная и тѣлесная въ нынѣшнемъ вѣцѣ, а въ будущемъ вѣчная мука, а кто сіе писаніе какимъ злымъ умышленіемъ испишитъ отъ книги сея, да испишитъ его имя Господь Богъ отъ книги животныя». (См. Старчевскаго: очеркъ литер. Русск. ист. 62). Часто прибѣгалъ онъ къ проклятіямъ святительскимъ, къ которымъ у насъ не привыкли. Такъ, узнавъ подробности дѣла о духовникѣ царскомъ, предавалъ анаѳемѣ кн. Долгорукова; имѣя тяжбу о землѣ съ стольникомъ Бабарыкинымъ, при молебнахъ примѣнялъ къ нему слова псалма: «Да будутъ дни его мали, сынове его сиры, жена его вдова, дворъ пустъ» и т. д. Когда торговый человѣкъ Иванъ Щепоткинъ, за пятьсотъ пудъ мѣди, взятые изъ его лавки для колокола, заверсталъ патріаршею мягкою рухлядью, Никонъ такъ разгнѣвался, что, по собственному выраженію его, «того ради преобидѣнія Ивана проклялъ».

2. «О Никоне!» — говорилъ онъ при отправленіи въ Ѳерапонтовъ монастырь — «все сіе тебѣ бысть сего ради, не говори правды, не теряй дружбы, аще бы еси уготовалъ трапезы драгоцѣнныя, и съ ними вечерялъ, не бы ти

главною, тѣмъ менѣе единственною причиною: интриги бояръ только подали поводъ къ первымъ несогласіямъ между Царемъ и патріархомъ и, вмѣстѣ съ неуступчивостью и раздражительностью послѣдняго, уничтожили впослѣдствіи возможность примиренія.

Враги Никона стали пользоваться частыми отлучками его въ Воскресенскій монастырь: желая создать вѣрное изображеніе храма Іерусалимскаго и въ немъ Гроба Господня, патріархъ строилъ эту обитель подъ непосредственнымъ надзоромъ своимъ. Они старались охладить сердце Царя къ бывшему другу; потомъ вооружить его противъ нѣкоторыхъ дѣйствій послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ вліяніе, которое Никонъ обнаруживалъ на все его окружающее, могло казаться тяжкимъ для Алексѣя Михайловича, не имѣвшаго, при другихъ прекрасныхъ свойствахъ, достаточной самостоятельности характера. Прежде, когда Никонъ только по-временамъ являлся ко Двору, охотно искали его совѣта; теперь, когда санъ первосвятителя упрочилъ вліяніе его колоссальной личности, перестали приглашать его въ боярскую Думу. Царь, вопреки своему обычаю, рѣже присутствовалъ при торжественныхъ обрядахъ Церкви; видимо уклонялся отъ свиданій съ патріархомъ, противъ котораго уже былъ предубѣжденъ [1]. Въ

приключишася» (Жит. Ник. соч. Шушерина). — Мейербергъ (стр. 302) причину паденія Никона приписываетъ преимущественно его нововведеніямъ; упоминаетъ также о ненависти къ нему бояръ, особенно И. Д. Милославскаго, о нерасположеніи самой царицы Маріи Ильиничны. Но какъ согласить послѣднее извѣстіе съ другимъ, будто Никонъ противился желанію Царя расторгнуть бракъ съ первою супругою (Церк. ист. Преосв. Иннокентія II, 569)? которое изъ нихъ справедливо?

1. Къ причинамъ разрыва Царя съ патріархомъ причисляютъ нѣкоторые писатели (см. Берха) и неудачный исходъ войны со Швеціею, начатой будто бы преимущественно по внушеніямъ послѣдняго. Но Валіесарское перемиріе, не смотря на безуспѣшную осаду Риги и другія неудачи въ Ливоніи, было выгодно для Россіи, а уступки, сдѣланныя въ Кардисѣ, зависѣли отъ обстоятельствъ, которыхъ не могли предвидѣть ни Никонъ, ни другіе совѣтники царскіе. Если бъ даже произошла ошибка въ разсчетахъ, то не одинъ Никонъ участвовалъ въ ней. Что касается до обвиненій, возводимыхъ на него Кельхомъ и Галебушомъ, то они не имѣютъ достаточнаго основанія.

1658 году угощали при Дворѣ Московскомъ Грузинскаго Царя Теймураза Давидовича — и на этотъ разъ не пригласили Никона. Онъ послалъ спросить о причинѣ. Чиновникъ патріаршій поссорился съ окольничимъ Хитрово: послѣдній выгналъ его изъ дворца, ударивъ палкою. Раздраженный Никонъ письменно требовалъ удовлетворенія. Царь обѣщалъ разсмотрѣть дѣло; но медлилъ, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе происковъ враговъ патріарха. Послѣдній надѣялся еще на личное свиданіе; ожидалъ Царскаго выхода въ церковь, «чтобъ доложиться о своихъ нуждахъ». Но выходъ этотъ не послѣдовалъ и въ праздникъ Положенія Ризы Господней, когда Государь всегда бывалъ въ соборѣ. Неблаговоленіе Царское высказалось уже слишкомъ рѣзко. Могъ ли его равнодушно перенести Никонъ, знавшій объ интригахъ враговъ своихъ; Никонъ, который нѣкогда пользовался неограниченною довѣренностью Алексѣя Михайловича, къ которому, какъ къ другу и отцу, добрый Царь обращался за совѣтомъ, предъ которымъ былъ готовъ излить всю душу свою, откровенно сознавался въ самыхъ слабостяхъ своихъ?[1] Нѣтъ! не таковъ былъ ха-

1. Такъ, описывая, въ письмѣ къ Никону, кончину патріарха Іосифа, юный Царь разсказываетъ, какъ испугался священникъ, читавшій псалтырь, когда у покойнаго взнесло животъ и начало пухнуть лице, и, въ то же время, съ какою-то добродушною откровенностію сознается въ собственной слабости. «И меня прости, владыко святый,» — пишетъ онъ — «отъ его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился; а се и при мнѣ грыжа то ходитъ прытко добрѣ въ животѣ, какъ есть у живого, да и мнѣ пріиде помышленіе такое отъ врага: побѣги де ты вонъ, тотчасъ де тебя вскоча удавитъ; а насъ только я да священникъ тотъ, которой Псалтырь говоритъ». Потомъ прибавляетъ: «и я перекрестясь да взялъ за руку его свѣта и сталъ цѣловать, а во умѣ держу то слово: отъ земли созданъ, и въ землю идетъ, чего боятися?» Въ другомъ посланіи проситъ онъ не покручиниться, что про *Савинское дѣло* не писалъ: «ей позабылъ; и ты меня, владыко святый, прости въ томъ: ей безъ хитрости не писалъ къ тебѣ... Да пожаловати бы тебѣ великому святителю помолитися, чтобы Господь Богъ умножилъ лѣтъ живота дочери моей, а къ тебѣ она святителю крѣпко ласкова; да за жену мою помолитися, чтобы, ради твоихъ молитвъ, разнесъ Богъ съ рабеночкомъ». (Акты Арх. Э. IV, № 57). Что могло быть дружественнѣе такихъ отношеній — и какъ они измѣнились!

рактеръ его. Когда князь Ромодановскій, пришедшій въ соборъ объявить, чтобъ не ждали Царя, сталъ еще упрекать патріарха въ надменности, послѣдній не могъ долѣе удерживаться отъ негодованія: «восхотѣ дати гнѣву мѣсто», говоритъ Шушеринъ. По окончаніи литургіи, онъ громко произнесъ, что «нынѣ уже не патріархъ Московскій, а пасомый, какъ грѣшникъ и недостойный», и поставилъ у иконы Владимірской жезлъ Св. Петра Митрополита. Снявъ съ себя, не смотря на моленія и плачъ народа и клира, одежды святительскія, облекся въ простую монашескую мантію и черный клобукъ; написалъ въ ризницѣ къ Царю письмо, «еже бы ему пожаловалъ гдѣ келію на сожитіе себѣ» и, въ ожиданіи отвѣта, сѣлъ на ступени амвона. Присланъ былъ князь Трубецкой увѣщевать патріарха: но Никонъ остался непреклоннымъ, ожидая по-видимому «пришествія царскаго». Въ третій разъ явился бояринъ и произнесъ наконецъ: «Великій Государь указалъ тебѣ сказать, гдѣ ты изволишь, тамо себѣ монастырь и келіи избери». Тогда патріархъ, имѣвшій на этотъ разъ право оскорбиться только тѣмъ, что не сбылись его ожиданія, вышелъ изъ собора, чтобъ сѣсть на телѣгу. Народъ не допустилъ его. Царь прислалъ карету; но Никонъ отвергнулъ ее, и, въ большую грязь, отправился изъ Кремля пѣшкомъ на Воскресенское подворье, а оттуда уѣхалъ въ Новый Іерусалимъ [1]. Вслѣдъ за нимъ былъ посланъ Трубецкой, чтобъ

1. Арх. Аполлосъ, разсказывая о появленіи Трубецкаго, прибавляетъ: «но увѣщатель былъ изъ числа враговъ его»; почти то же читаемъ въ біографіи Никона, помѣщенной въ Чт. общ. ист. и др. Нельзя однакожь не замѣтить, что, при этомъ случаѣ, въ рѣчахъ Трубецкаго, не обнаруживается ничего враждебнаго: три раза приходитъ онъ съ увѣщаніями, и, каждый разъ, является только вѣрнымъ исполнителемъ воли Царя. Видна, напротивъ того, непреклонность со стороны Никона, уже предубѣжденнаго. На слова увѣщателя: «почто де ты просишися въ келью; есть у тебя кельи твоего строенія на патріаршемъ дворѣ, онъ отвѣчаетъ: «Не мои суть тѣ кельи, кому Государь благоволитъ, тому и жить въ нихъ». На вопросъ: «нѣтъ ли тебѣ какой ссоры на Великаго Государя или какихъ наносныхъ рѣчей?» говоритъ: «оставляю престолъ свой, вѣдая своя къ Богу согрѣшенія многая, ибо многихъ ради грѣховъ моихъ здѣ въ царствующемъ градѣ многіе моры и войны

еще разъ, отъ имени Государя, спросить о причинѣ отшествія. Никонъ повторилъ, что « ради спасенія душевнаго ищетъ безмолвія, отрекается отъ патріаршества и проситъ себѣ въ управленіе только монастыри Воскресенскій, Иверскій и Крестный ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, благословлялъ Крутицкому митрополиту Питириму управлять церковными дѣлами, и, въ письмѣ къ Царю, смиренно молилъ о прощеніи за скорый отъѣздъ.

Поселившись въ любимой обители, онъ посвятилъ себя попеченіямъ о построеніи каменной соборной церкви; принималъ личное участіе въ работахъ; вмѣстѣ съ другими, копалъ землю, носилъ камни, известь, воду. Близъ монастыря устроилъ онъ пустыню, въ которую часто уединялся для поста и молитвы. Молва о труженической жизни добровольнаго изгнанника не могла не тронуть сердца кроткаго Царя, изъ котораго еще не изгладились слѣды привязанности къ бывшему другу. Алексѣй Михайловичъ не переставалъ осыпать его милостями; посылалъ значительныя суммы на содержаніе ему и братіи, предоставилъ въ полное распоряженіе его доходы съ трехъ основанныхъ имъ монастырей и принадлежащихъ къ нимъ селъ. Но враги удалившагося патріарха, въ числѣ ихъ многія лица духовныя (Крутицкій митрополитъ Питиримъ, Рязанскій архіепископъ Иларіонъ, Чудовской архимандритъ Іоакимъ), продолжали дѣйствовать. Стараясь сдѣлать невозможнымъ примиреніе, они, съ одной стороны, болѣе и болѣе вооружали Царя; съ другой, поддерживали раздражительность въ патріархѣ [1]. Никонъ, изнуряя свое тѣло постомъ и трудами, не смирился духомъ до той степени, чтобъ

быша и вся злая грѣхъ ради моихъ ». Продолжая упорствовать въ своемъ намѣреніи, Никонъ надѣялся, кажется, что самъ Царь прибудетъ въ соборъ: по крайней мѣрѣ, народъ, не пускавшій его изъ храма, по свидѣтельству Шушерина, « чаялъ пришествія царскаго ».

1. Stephanus Razin, § 12: «Nam qui rem eo perduxerant, ut commutaretur fortuna Patriarchae, omnes inimici ejus fuerant, et nil prius in votis habuerant, quam ut dignitate sua privaretur, cum prorsus ferre non possent, ut ejus apud Imperatorem praecipua ac summa auctoritas esset ».

совершенно отказаться отъ притязаній на власть, которая ему уже не принадлежала. Подтверждая свое отреченіе, не изъявлялъ согласія на избраніе новаго патріарха; не могъ побѣдить гнѣва и негодованія, кипѣвшихъ въ груди его; особенно громко высказалъ ихъ, когда услышалъ, что тайный архивъ его раскрытъ, что митрополитъ Крутицкій вошелъ во всѣ права патріаршія и перестал поминать его во время Богослуженія. Враговъ своихъ не щадилъ онъ ни на словахъ, ни въ письмѣ; неоднократно предавалъ проклятію. Стольникъ Романъ Бабарыкинъ, съ которымъ удалившійся патріархъ имѣлъ тяжбу о землѣ, донесъ даже, что онъ «на молебнахъ Царскую жалованную грамоту приносилъ и клалъ подъ крестъ и подъ образъ Богородицы и тое грамоту честь велѣлъ и изо псалмовъ выбирая клятвенныя слова говорилъ» [1]. Отправлены были для допроса сановники духовные и свѣтскіе, во главѣ ихъ митрополитъ Газскій Паисій Лигаридъ. Если Никонъ и отвѣчалъ, что клятвенныя слова, имъ произнесенныя, относились къ одному Бабарыкину, то однакожь вообще, въ столкновеніяхъ съ посланными отъ Царя, обнаружилъ мало умѣренности. Онъ злословилъ Паисія; не только объявилъ, что, за причиненныя ему обиды, «и нынѣ молить станетъ: приложи Господи зла славнымъ земли», но что, «дождавшись Собора, и Государя оточтетъ отъ Христіанства, и на писмѣ де у него изготовлено» [2]. Между тѣмъ въ донесеніи слѣдователей незамѣтно ничего такого, что можно бъ было назвать явною клеветою: добровольный изгнанникъ является, болѣе или менѣе, вѣрнымъ своему характеру. Собственною неуступчивостью далъ онъ просторъ козням враговъ своихъ; не умѣлъ воспользоваться мягкосердіемъ Государя.

Между тѣмъ надлежало вывести управленіе церковное изъ неопредѣленнаго состоянія, въ которое оно было по-

1. Собр. гос. гр. и дог. IV, № 34.
2. Тамъ же, № 34 и 35.

ставлено самовольнымъ отшествіемъ патріарха; положить конецъ соблазну, который могла представлять для народа небывалая на Руси распря между властью духовною и свѣтскою. Завязался процессъ церковнаго суда, тянувшійся нѣсколько лѣтъ. Алексѣй Михайловичъ очевидно уклонялся отъ прямаго участія; по крайней мѣрѣ, на первомъ планѣ вездѣ являются духовные и свѣтскіе сановники, его окружавшіе, преимущественно враги Никона. Уже въ 1660 году былъ созванъ Соборъ для сужденія о поступкахъ послѣдняго. Но благонамѣреннѣйшіе между членами и самъ Царь не видѣли возможности рѣшить дѣло безъ непосредственнаго участія Вселенскихъ патріарховъ. Съ этимъ согласился и Газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, вскорѣ прибывшій въ Москву съ одобрительною о своихъ свѣдѣніяхъ въ церковныхъ уставахъ грамотою Константинопольскаго патріарха и назначенный предсѣдательствующимъ членомъ Собора. Положено было обратиться къ первосвятителямъ Греческимъ съ требованіемъ ихъ рѣшенія относительно предѣловъ Царской и патріаршей власти, поступковъ Никона и суда надъ нимъ. Паисій написалъ 25 вопросовъ на Греческомъ языкѣ съ изложеніемъ важнѣйшихъ обстоятельствъ дѣла, хотя и безъ поименованія подсудимаго. Они отправлены на Востокъ съ іеродіакономъ Грекомъ Мелетіемъ, которому, сверхъ того, вручены особыя жалобныя грамоты къ каждому патріарху, дано наставленіе подробно объяснить вины Никона. Отвѣты, подписанныя четырьмя Вселенскими іерархами, говорили не въ пользу преступившаго предѣлы своей власти, заключали въ себѣ, нѣкоторымъ образомъ, уже осужденіе его [1]. Но какъ они, такъ и каноническіе отвѣты, которые самъ Паисіемъ были написаны на 30 вопросовъ, предложенныхъ однимъ изъ сильнѣйшихъ враговъ Никона, бояриномъ Стрѣшневымъ, вызвали только рѣзкое возраженіе со стороны обвиняемаго: онъ рѣшительно отвергнулъ ихъ.

---

1. Собр. гос. гр. и дог. IV, № 27.

Дѣло осталось въ прежнемъ видѣ. Не было надежды и къ примиренію. Враги Никона бодрствовали. Напрасно Іерусалимскій патріархъ Нектарій, особою грамотою, просилъ Царя, для избѣжанія соблазна, кончить распрю мирнымъ образомъ и, въ случаѣ согласія удалившагося подчиниться изложеннымъ правиламъ, снова возвратить его на патріаршій престолъ [1]. Напрасно думалъ, между тѣмъ, и самъ Никонъ, неожиданнымъ появленіемъ въ Москвѣ, возстановить прежнія отношенія.

Рѣшиться на такую попытку побудило его, съ одной стороны, приглашеніе преданнаго ему боярина Зюзина, который, личнымъ объясненіемъ патріарха съ Царемъ, надѣялся положить конецъ долговременной распрѣ [2]; съ другой, видѣніе, во время котораго изгнаннику представился во снѣ сонмъ прежде почившихъ Святителей, возставшихъ изъ гробовъ въ храмѣ Успенія, и, по воззванію Св. Іоны, давшихъ ему руки. Въ Декабрѣ 1664 года, на праздникъ Св. Петра Митрополита, явился Никонъ неожиданно къ утренѣ въ Успенскій соборъ, гдѣ тогда совершалъ богослуженіе митрополитъ Ростовскій Іона. Знаменовавшись у св. иконъ и мощей, взялъ онъ посохъ Св. Петра, сталъ на патріаршее мѣсто и послалъ митрополита съ Воскресенскимъ архимандритомъ « возвѣстити Государю о себѣ яко миръ и благословеніе принесе ему и всему его царскому дому и всему царствующему граду. » Алексѣй Михайловичъ былъ въ недоумѣніи; созвалъ, для совѣта, ближнихъ бояръ и многихъ изъ духовныхъ властей. Они убѣдили Царя не принимать патріарха, а взять отъ него только грамоту съ описаніемъ его видѣнія. Явились въ соборъ митрополитъ Крутицкій Павелъ, князья Одоевскій и Долгоруковъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ съ Государевымъ повелѣніемъ Никону, чтобъ онъ ѣхалъ обратно въ

---

1. Собр. г. гр. и д. IV, № 37.

2. Зюзинъ, за самовольный поступокъ, сосланъ въ Казань; имѣніе его, за исключеніемъ дома и нѣкоторыхъ пожитковъ, отобрано въ казну. См. Собр. гос. гр. и дог. IV, № 38.

Воскресенскую обитель и ожидалъ тамъ суда Вселенскихъ патріарховъ. На возраженія, что онъ желаетъ «благословити домъ царскій, требуетъ видѣти Государя ради нуждныхъ великихъ дѣлъ», не обратили вниманія. Онъ былъ принужденъ повиноваться. Но видя явное торжество враговъ, не могъ, и при этомъ вторичномъ выѣздѣ изъ столицы, «не дати гнѣву мѣсто». Садясь въ сани, глубоко-оскорбившійся іерархъ отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ и произнесъ: «Иде же аще не пріемлютъ васъ, изходяще изъ града того, прахъ прилѣпшій къ ногамъ вашимъ оттрясите во свидѣтельство на ня, чесо ради и прахъ прилѣпшій къ ногамъ нашимъ, оттрясаемъ вамъ»[1]. Онъ хотѣлъ взять съ собою и жезлъ Петра Митрополита, но, по настоятельному требованію, вскорѣ долженъ былъ возвратить его.

До 1666 года дѣло Никона оставалось нерѣшеннымъ. Между тѣмъ было задержано письмо его къ патріарху Константинопольскому, въ которомъ, при подробномъ описаніи его положенія, заключались жалобы на самаго Царя: оно послужило новою уликою[2]. Въ Ноябрѣ 1666 года прибыли наконецъ въ Москву два первосвятителя Православной Церкви: Паисій «милостію Божіею папа и патріархъ великаго града Александріи и судія Вселенной» и Макарій «милостію Божіею патріархъ Великія Антіохіи и всего Востока»[3]. Открылся въ палатахъ Кремлевскихъ, подъ предсѣдательствомъ самаго Государя, соборный судъ надъ Никономъ, въ которомъ, кромѣ обоихъ патріарховъ, участвовали четыре митрополита Русскіе[4],

---

1. На возраженіе находившагося при этомъ стрѣлецкаго полковника: «а мы прахъ сей подметемъ» — прибавилъ онъ, указывая на явившуюся тогда комету: «Размететъ васъ сія метла, явльшаяся на небеси хвостовая звѣзда».

2. Когда Государь, во время соборнаго суда, упрекалъ Никона, въ этомъ письмѣ, послѣдній извинялся тѣмъ, что «писалъ къ брату своему господину Діонисію духовнѣ и тайнѣ».

3. О пышной встрѣчѣ и пребываніи въ Москвѣ Вселенскихъ патріарховъ см. Доп. къ акт. ист. V, № 26 и Дв. Разр. III, стр. 645 и сл. Іерархи Константинопольскій и Іерусалимскій отказались быть въ Россію за опасностями отъ Турокъ.

4. Питиримъ Новгородскій, Лаврентій Казанскій, Іона Ростовскій, Павелъ Крутицкій.

шесть Греческихъ (изъ Никеи, Амасіи, Иконіи, Трапезунта, Варны, Хіоса), одинъ Грузинскій и одинъ Сербскій, шесть нашихъ и два Греческіе архіепископа, пять епископовъ, болѣе пятидесяти архимандритовъ, игуменовъ и протоіереевъ, многіе іереи; присутствовалъ весь синклитъ Царскій. Засѣданія открылись 1 Декабря 1666 года въ столовой палатѣ Дворца. Царь сидѣлъ на высокомъ тронѣ; патріархи занимали богато-украшенныя мѣста. Торжественна была минута, въ которую Никонъ, вызванный изъ своей обители, явился на судъ, гордый и непреклонный, какъ прежде. Никакія убѣжденія не могли его заставить прибыть безъ предненесенія, по чину патріаршему, животворящаго креста. Всѣ присутствовавшіе встали. Онъ прочелъ входную молитву: «Достойно есть» и сотворилъ отпускъ; трижды поклонился Царю, потомъ патріархамъ и всему освященному собору. Но не видя для себя мѣста наравнѣ съ патріархами, не хотѣлъ сѣсть на указанное ему, которое было безъ возглавія и подножія, и стоя слушалъ обвиненія. Три засѣданія были посвящены его дѣлу. При возводимыхъ на него обвиненіяхъ, Никонъ то безмолвствовалъ, то оправдывался; но не оправдывалъ его крутой нравъ, не измѣнившій ему не только въ присутствіи Собора, но и въ самую минуту осужденія. На третьемъ засѣданіи, происходившемъ въ Благовѣщенской церкви Чудова монастыря, уже не было Государя: онъ, и въ продолженіе суда, не могъ скрыть знаковъ любви къ прежнему другу; тѣмъ менѣе былъ въ состояніи присутствовать при его осужденіи. Никону прочли обвиненія, что онъ «смутилъ Русское Царство, вмѣшавшись въ дѣла, неподобающія патріаршей власти и достоинству; самовольно оставилъ престолъ свой безъ всякаго понужденія, точію человѣческою страстію носимый и ради отмщенія за слугу своего; удаляясь отъ патріаршества, не только распоряжался въ монастыряхъ своихъ, но и продолжалъ совершати Архіерейская; препятствовалъ избранію новаго патріарха; многихъ предавалъ анаѳемѣ; самовольно низвергъ и подвергнулъ

истязанію епископа Коломенскаго Павла, погибшаго послѣ этого безъ вѣсти; былъ жестокъ къ духовенству; несправедливо жаловался на Царя, охуждалъ соборныя правила, оскорбляя своимъ высокомѣріемъ самихъ патріарховъ [1]. Вслѣдъ за тѣмъ услышалъ онъ приговоръ, которымъ, отъ имени всѣхъ патріарховъ и собора Россійскаго духовенства, былъ присужденъ къ лишенію святительскаго сана и заточенію, съ сохраненіемъ только званія простаго монаха, въ одной изъ пустынныхъ обителей «даже до послѣдняго его издыханія, яко да тамо возможетъ плакатися своихъ грѣховъ въ безмолвіи мнозѣ» [2]. Тщетно возражалъ Никонъ, что его осудили не въ соборной церкви, гдѣ онъ воспріялъ жезлъ пастырскій, а въ частной монастырской и въ присутствіи однихъ клеветниковъ его. Не удерживая своего негодованія, называлъ онъ незаконнымъ судъ, произведенный «пришельцами и наемниками». Патріархи стали снимать съ него клобукъ, «на немъ же бяше херувимъ отъ чистыхъ бисарей устроенъ», и драгоцѣнную панагію: «раздѣливъ ихъ, можете поправить ваше рабское состояніе,» произнесъ низложенный. Отправленный въ Ѳерапонтовъ Бѣлоозерскій монастырь, онъ не принялъ даровъ, присланныхъ отъ Царя для обезпеченія его во время путешествія; велѣлъ сказать, что Никонъ ничего не требуетъ. Переносивъ голодъ и холодъ на дорогѣ, остался вѣренъ своей твердости и на мѣстѣ заточенія. Только незадолго до кончины Алексѣя Михайловича непреклонный мужъ какъ бы побѣдилъ кипѣвшій дотолѣ гнѣвъ. Отвергавъ прежде поминки царскіе, онъ, въ день пасхи 1675 года, по окончаніи литургіи, созвалъ всю братію на трапезу, велѣлъ подать питье, присланное отъ Государя, и поднявъ заздравную чашу, произнесъ: «Да не до конца вражда наша со Благочестивымъ Царемъ пребудетъ, и нынѣ питіе сіе про здравіе Благочестивѣйшаго Государя Царя и со всѣми

---

1. П. С. З. № 397; собр. гос. гр. и д. IV, № 53.
2. Тамъ же.

вкушаю и впредь присланнымъ отъ него отрицатися не буду» [1].

Ударами судьбы Никонъ долженъ былъ научиться Христіанскому смиренію. Но самый приговоръ, произнесенный надъ нимъ, не былъ чуждъ пристрастія. Въ числѣ возведенныхъ на него обвиненій находимъ и такія, которыя очевидно внушены только оскорбленнымъ самолюбіемъ судей. Такъ Восточные патріархи вмѣняли ему въ преступленіе, что онъ устраивалъ новые монастыри «съ неподобающими славами и суетными именованьми, Новымъ Іерусалимомъ нарицая и Голгоѳою, Виѳлеемомъ и Іорданомъ, ругаяся Божественнымъ и глумяся святымъ, прославляя себе патріархомъ Новаго Іерусалима, похищая разбойнически; и аще была бы ему сила, отъялъ бы и третію часть царства.... и насъ осуждати не преста, глаголя: яко мы не имѣемъ своихъ древнихъ престоловъ, но кромѣ енорiи обитаемъ и скитаемся» и т. д. [2]. Приговоръ этотъ, какъ извѣстно, былъ впослѣдствіи, по желанію Царя Ѳеодора, уничтоженъ Вселенскими патріархами «да чтутъ святителя потомки не монахомъ Никономъ, но святѣйшимъ патріархомъ».

Осудивъ Никона и избравъ ему преемника въ лицѣ Іоасафа II, бывшаго архимандрита Троицко-Сергіева монастыря, Соборъ вполнѣ одобрилъ исправленныя книги и опровергнулъ ложные толки раскольниковъ, тщетно думавшихъ восторжествовать послѣ паденія смѣлаго обличителя своего. Нѣкоторые изъ самыхъ упорныхъ ересіарховъ, въ числѣ ихъ протопопъ Аввакумъ, шесть лѣтъ находившійся въ заточеніи на берегахъ Байкала, но потомъ, вѣроятно по интригамъ враговъ Никона, возвращенный въ Москву, были растрижены и, впредь до раскаянія, отлучены отъ Церкви [3]. Отвергнуты нѣкоторыя лжемудрыя правила Сто-

---

1. Жит. патр. Ник. 81.
2. П. С. З. № 397.
3. О протопопѣ Аввакумѣ въ дѣяніяхъ Собора 1666 — 1667 г: «Тѣмъ же

главаго Собора; изданы многія постановленія, касавшіяся устройства судовъ патріаршихъ и епископскихъ, имуществъ архіерейскихъ и монастырскихъ, уничтоженія разныхъ жалованныхъ монастырямъ грамотъ и особенно новаго раздѣленія епархій. Архіепископы Астраханскій, Тобольскій и Рязанскій возведены на степень митрополитовъ; основано епископство въ Бѣлгородѣ; возстановлены особыя епархіи въ Нижнемъ Новгородѣ и Владимірѣ, Пермская отдѣлена отъ Вятской; положено увеличить число ихъ въ Сибири и т. д. [1]

Не смотря однако на полезныя постановленія Собора и новаго патріарха, расколъ болѣе и болѣе распространялся. Приверженцы его упорствовали въ своихъ мнѣніяхъ; противились самымъ мѣрамъ строгости. Если, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, смуты еще не коснулись столицы, то онѣ не замедлили обнаружиться въ мѣстахъ отдаленныхъ. Такъ большая часть иноковъ Соловецкаго монастыря отвергла постановленія Собора. Исправленныя книги они побросали въ море; новаго архимандрита Іосифа не приняли, и почти 10 лѣтъ упорствовали въ своемъ сопротивленіи. Не дѣйствовали ни увѣщанія [2], ни присылки ратныхъ людей. Наконецъ, въ 1675 году, прибылъ «для промысла надъ Соловецкими мятежники» воевода Сумскаго острога Иванъ Мещериновъ съ болѣе значительнымъ отрядомъ [3]. Сперва стѣснилъ онъ ихъ построеніемъ мно-

---

правильно судися іерейства лишенъ быти и анаѳемѣ предатися». Онъ сосланъ въ Пустозерскій острогъ. Когда жъ и тамъ сталъ проповѣдывать нелѣпое ученіе о позволительности самосожженія, изрыгать хулы на пастырей церковныхъ, на самую Церковь и т. п., то, по приговору гражданскаго суда, былъ сожженъ въ срубѣ.

1. П. С. З. № 412 и Дѣянія Моск. Собора въ Доп. къ акт. ист. V, № 102.

2. Такъ въ 1674 г. ѣздили съ царскою грамотою уговаривать мятежниковъ Холмогорскаго Спасскаго собора священникъ Кириллъ и съѣзжей избы подъячій Василій Истоминъ; но монахи Соловецкіе, принявъ грамоту, посланцевъ «вонъ выслали съ безчестьемъ».

3. Акты, относ. къ осадѣ Соловецк. монастыря въ Доп. V, № 67; есть

гихъ городковъ съ деревянными раскатами и жилыми избами, и отрѣзалъ такимъ образомъ всякое сообщеніе съ окрестностями: потомъ взялъ монастырь приступомъ и безъ милосердія казнилъ мятежниковъ [1].

также нѣсколько грамотъ въ Акт. Арх. Э. IV и Акт. ист. IV, № 248 и т. д.

1. «Взялъ взятьемъ Соловецкихъ мятежниковъ черицовъ и бѣльцовъ, многихъ казнилъ смертію: за ребра вѣшалъ».

ГЛАВА XI.

СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ И НРАВСТВЕННОСТИ НАРОДНОЙ; ДВОРЪ И ДОМАШНІЙ БЫТЪ ЦАРЯ; СЕМЕЙНЫЯ ОТНОШЕНІЯ И КОНЧИНА АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ было однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ исторіи образованія древней Руси, которое, и во второй половинѣ XVII вѣка, сохранило характеръ по-преимуществу церковный. Но на этомъ поприщѣ Русь Восточная отстала отъ единовѣрной Руси Западной. Между тѣмъ какъ въ послѣдней необходимость защищать вѣру предковъ отъ нападеній Іезуитовъ и Уніатовъ подала поводъ къ основанію замѣчательныхъ училищъ и появленію ученыхъ богослововъ, достойныхъ поборниковъ Православія, въ Москвѣ, при печатаніи церковныхъ книгъ, не нашлось даже достаточно-образованныхъ справщиковъ; пришлось возлагать дѣло на людей, вовсе къ нему неспособныхъ. Два духовныя училища, учрежденныя патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ [1], одно подлѣ патріаршаго двора, другое подъ названіемъ Греко-Славянской школы

1. Чтен. общ. ист. и древн. 1847: Всероссійскіе Патріархи — Филаретъ, стр. 35.

въ Чудовѣ монастырѣ, не могли служить достаточными разсадниками просвѣщенія. Притомъ достойнѣйшій изъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, Грекъ Арсеній, по подозрѣнію въ наклонности къ ереси, былъ удаленъ (1649 г.) въ Соловецкій монастырь. Только ученое братство, возникшее при содѣйствіи молодаго любимца Царскаго, постельничаго Ѳ. М. Ртищева, поддерживало образованіе; и Никонъ, по вступленіи своемъ на патріаршій престолъ, далъ новое движеніе благороднымъ усиліямъ его. Главный сотрудникъ Епифаній Славинецкій былъ назначенъ начальникомъ патріаршаго училища и первымъ справщикомъ на Печатномъ Дворѣ; Арсеній Грекъ возвращенъ изъ изгнанія и опредѣленъ къ нему помощникомъ. Но на необходимость основанія новыхъ учебныхъ заведеній не было обращено должнаго вниманія; а по удаленіи Никона отъ дѣлъ, и существовавшія пришли еще въ большій упадокъ. Недостатокъ въ духовныхъ училищахъ сдѣлался слишкомъ ощутителенъ. На него обратилъ вниманіе Паисій Лигаридъ, митрополитъ Газскій, находившійся въ Москвѣ съ 1660 года. Какъ главную причину распространенія невѣжественныхъ мнѣній раскольниковъ, выставлялъ онъ «лишеніе и неимѣніе народныхъ училищъ, такожде скудость и недостаточество святыя книгохранительницы.» — «Училища суть, отнюдуже духъ животный чрезъ жилы во все тѣло разливается, суть крилѣ орляя, имаже слава пролетаетъ всю вселенную», говорилъ Паисій и, обращаясь къ Царю, присовокупилъ: «Ты убо, о пресвѣтлый Царю, подражай Ѳеодосіемъ, Юстиніаномъ, и созижди здѣ училища ради остроумныхъ младенецъ, ко ученію трехъ языкъ коренныхъ наипаче: Греческаго, Латинскаго и Славенскаго» [1]. Ту же потребность выставляли на видъ прибывшіе въ 1666 г. патріархи Вселенскіе. Они увѣщевали народъ и Царя «взыскать премудрости»; особенно призывали пастырей Русской Церкви къ устроенію училищъ. Не

1. «О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи» (въ Твор. Св. Отц. въ Русск. пер. 1843, кн. 2).

скоро однакожь увѣщанія эти принесли желанный плодъ. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича увеличилось только число ученыхъ богослововъ въ Москвѣ прибытіемъ Симеона Полоцкаго и другихъ лицъ, получившихъ образованіе на Западѣ; но не возникло ни одного учебнаго заведенія. Правительство было слишкомъ озабочено иными дѣлами. Не прежде царствованія преемника Алексіева основано заведеніе, преобразованное впослѣдствіи въ Славено-Греко-Латинскую академію.

Если такъ медленно осуществлялась мысль объ образованіи въ сферѣ духовной, то еще медленнѣе могла она приходить въ дѣйствительность въ сферѣ свѣтской. Въ этомъ отношеніи, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, почти ничего не сдѣлано. Хотя приливъ иностранцевъ въ Россію съ каждымъ годомъ увеличивался; хотя они, пользуясь, по свидѣтельству современниковъ [1], большею свободою въ жизни, нежели прежде, находясь въ значительномъ числѣ въ столицѣ и другихъ городахъ, служа въ войскѣ и при Дворѣ, не могли не имѣть вліянія на тогдашнее Русское общество: однако Россія, сближаясь съ Западною Европою по дѣламъ государственнымъ, по-прежнему чуждалась ея образованія. Только ремесла и искусства, прямо примѣняемыя къ матеріальнымъ потребностямъ, дѣлали успѣхи. Кромѣ Голландіи и другихъ странъ Западной Европы, художники и ремесленники вызывались, при Алексѣѣ Михайловичѣ, изъ Смоленска, Витебска, вообще изъ городовъ, завоеванныхъ отъ Литвы. Къ нимъ поступали въ науку Русскіе. Послѣдніе скоро усвоивали себѣ то, что видѣли; особенно обнаруживали, по свидѣтельству иностранцевъ [2], успѣхи въ приготовленіи суконъ, пороха и нѣкоторыхъ другихъ издѣлій. Но науки и изящныя искусства въ томъ значеніи, какое они тогда уже имѣли въ странахъ образованныхъ, не на-

---

1. Reutenfels («De rebus Moschoviticis», Patavii 1680): «Parique libertate longe quam olim liberius degere inter Moschos iisdem (exteris) permittit.

2. Tanner: «Legatio Polono-Lithuanica», Norimb. 1689, p. 70.

ходили у насъ сочувствія. «Русскіе» — пишетъ одинъ изъ иностранцевъ, преувеличивая недостатки современнаго ему общества нашего — «не имѣютъ никакого просвѣщенія, и видя въ наукахъ чудовище, боятся ихъ, какъ огня, оправдывая такимъ образомъ древнее изреченіе: Ars nullum habet inimicum præter ignorantem» [1]. «При подаркахъ, подносимыхъ отъ иностранныхъ Государей — говоритъ другой — нравится имъ только серебро и золото, а искусство ставятъ они ни во что; потому всѣ дары цѣнятъ по вѣсу, не принимая въ расчетъ искусства работы» [2]. Замѣчанія, въ сущности, болѣе или менѣе справедливыя, не смотря на предубѣжденія, вообше свойственныя иностраннымъ наблюдателямъ, и на неосновательность другихъ упрековъ, возводимыхъ на насъ тѣми же писателями. — Самая медицина не дѣлала замѣтныхъ успѣховъ. Хотя, въ числѣ медицинскихъ чиновъ при Дворѣ Алексѣя Михайловича, мы встрѣчаемъ докторовъ, аптекарей, окулистовъ, лекарей, алхимистовъ, которые, вмѣстѣ съ двумя Московскими аптеками, состояли въ вѣдомствѣ аптекарскаго приказа; но дѣятельность ихъ была незначительна, почти ограничивалась пользованіемъ Царя [3]. Даже Царская фамилія рѣдко прибѣгала къ ихъ пособію, предпочитая домашнія средства [4].

Были конечно въ высшемъ слоѣ общества представители новыхъ потребностей, люди, обнаруживавшіе сочувствіе къ Западно-Европейскому образованію. Уже Морозовъ, по-видимому, не чуждался его. Но еще болѣе замѣтно это направленіе въ Ордынѣ-Нащокинѣ, имѣвшемъ случай ознакомиться почти со всѣми Европейскими государствами. Никита Ивановичъ Романовъ и С. Л. Стрѣшневъ также

---

1. Коллинсъ, гл. 1.

2. Лизекъ, стр. 357.

3. «Медицина въ древней Россіи», статья В. Н. Лешкова (въ Москв. 1853, № 23).

4. Reutenf. p. 120: «Ubi hoc etiam novum accidit, quod Zarizam, aut ex filiis Zareis aliquem curaturi, ne inspicere quidem aegrum possint, sed ex relatu tantum Vetulae aut ministri cujusdam idiotae et morbum judicare et curationem instituere cogantur».

любили подражать иностранцамъ въ обычаяхъ и одеждѣ. А. С. Матвѣевъ, по свидѣтельству иноземныхъ наблюдателей, былъ образованнѣйшій человѣкъ изъ своихъ соотечественниковъ, и старался дать отличное воспитаніе сыну своему. Онъ, первый, украсилъ свой домъ произведеніями искусства [1]; образовалъ изъ разныхъ иностранцевъ и собственныхъ людей труппу актеровъ, представлявшихъ *комедіи* и *дѣйства* при Дворѣ. Но Матвѣевъ шелъ наперекоръ народнымъ обычаямъ [2]; рѣзко выдаваясь изъ круга своихъ соотечественниковъ, являлся, въ глазахъ ихъ, потаковникомъ иноземцевъ. Рейтенфельсъ разсказываетъ, что между знатными Русскими только начальникъ Аптекарскаго приказа Л. Т. Голосовъ и молодой Нащокинъ знали Латинскій языкъ. Послѣдній, путешествовавъ почти по всей Европѣ, говорилъ, кромѣ того, свободно по-Французски, по-Нѣмецки и на другихъ языкахъ: «но—прибавляетъ иноземецъ-наблюдатель — познанія скорѣе служили ему препятствіемъ, нежели рекомендаціею при повышеніяхъ» [3]. Что касается до другихъ лицъ, могшихъ казаться представителями новыхъ потребностей, то подражаніе ихъ иноземнымъ обычаямъ, болѣе или менѣе, ограничивалось внѣшностью. Между тѣмъ и эта внѣшность возбуждала негодованіе строгихъ приверженцевъ старины. Самъ Ордынъ-Нащокинъ говорилъ: «что намъ за дѣло до обычаевъ иноземцевъ; ихъ платье не по насъ, а наше

---

1. Сказ. Лизека, стр. 368: «Всего любопытнѣе были (въ домѣ Матвѣева) разные часы съ разнымъ исчисленіемъ времени. Такъ одни показывали часы астрономическаго дня, начиная съ полудня (какіе употребляются и въ Германіи); на другихъ означались часы отъ заката солнца, по счету Богемскому и Италіянскому; иные показывали время отъ восхода солнца, по счисленію Вавилонскому, другіе по Іудейскому; иные наконецъ начинали день съ полуночи, какъ принято Латинскою Церковію. Едва ли можно найти что нибудь подобное въ домахъ другихъ бояръ. Артамонъ.... превышаетъ всѣхъ своихъ соотчичей умомъ и опередилъ ихъ просвѣщеніемъ. Изъ всѣхъ Русскихъ бояръ и князей, одинъ его сынъ учится у иностранцевъ обхожденію языкамъ и разнымъ наукамъ».

2. Лиз. стр. 368.

3. Reutenf. p. 206: «quamquam haec eruditio in sectandis honoribus praecipitium ei potius fuerit quam gradus».

не по нихъ»[1]. Патріархъ Никонъ, который для столь многихъ являлся нововводителемъ, не только отбиралъ иконы Латинскаго письма и органы, привезенные нѣкоторыми боярами изъ Польскаго похода или выписанные изъ другихъ странъ, но и громко обличалъ этихъ бояръ въ соборѣ, предъ лицемъ самаго Государя[2]. Не осмѣливаясь дѣйствовать явно противъ Царскаго сродича Никиты Ивановича Романова, онъ выпросилъ у него Польскія и Нѣмецкія одежды, въ которыя бояринъ, любившій иноземные обычаи, одѣвался самъ и одѣвалъ иногда свою прислугу, и немедленно предалъ ихъ огню[3]. Само правительство останавливало людей, клонившихся къ Западнымъ новизнамъ. Въ 1675 году вышелъ указъ боярамъ, «чтобъ они иноземскихъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосовъ у себя на головѣ не постригали, такожъ и платьевъ, кафтановъ и шапокъ съ иноземскихъ образцовъ не носили и людемъ своимъ потомужъ носить не велѣли»[4]. Особенно вооружалось правительство противъ болѣе и болѣе распространявшагося обычая курить табакъ. Въ 1649 г. послѣдовало строгое запрещеніе сѣянія и продажи табаку въ Россіи; оставшійся у казенныхъ продавцевъ велѣно отобрать и сжечь[5]. Въ 1661 году подтверждено жившимъ въ Москвѣ иностранцамъ не торговать табакомъ подъ опасеніемъ жестокой казни и денежной пени[6]. Не смотря на то, табакъ болѣе и болѣе входилъ въ употребленіе. Куреніе его, по свидѣтельству Гюи-Мьежа, было распространено даже въ простомъ народѣ; служило для него любимымъ развлеченіемъ и средствомъ опохмѣлиться[7].

---

1. Колл. стр. 34.
2. Чт. общ. ист. и древн. 1848: «Никонъ», стр. 29.
3. Олеарій, кн. III, гл. 5 и Берхъ I, стр. 222.
4. П. С. З. I, № 607. Князь Кольцовъ-Масальскій, стригшій на головѣ волосы и носившій иноземную одежду, былъ за то пониженъ чиномъ, изъ стряпчихъ записанъ въ жильцы (Берхъ, стр. 289).
5. Уложеніе, гл. XXV, ст. 16; также собр. гос. гр. III, 443.
6 П. С. З. № 511.
7. Relat. de trois ambass. p. 44: «Car les Moscovites en sont telle-

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ появленіемъ новыхъ обычаевъ, обнаружилось и сильное противодѣйствіе имъ со стороны большинства приверженцевъ старины и самаго правительства. Борьба между двумя началами, примиреніе которыхъ могло совершиться только въ современную намъ эпоху, открылась: но до реформы Петра Великаго перевѣсъ былъ на сторонѣ старины съ ея неподвижностью и предубѣжденіями. Представители новыхъ потребностей были слишкомъ малочисленны. Между тѣмъ раздвоеніе, обнаруживавшееся въ высшихъ классахъ, частыя смуты, колебавшія низшіе слои общества: мятежи въ Москвѣ и другихъ городахъ, бунтъ Стеньки Разина, наконецъ недугъ раскола, который уже началъ волновать спокойствіе нашей Церкви — все это не могло имѣть благопріятнаго вліянія на нравственность народа. Если присоединить къ этому слѣды, оставшіеся отъ давно-пережитыхъ эпохъ, въ особенности отъ временъ самозванщины, то неудивительно, что нравы наши въ XVII столѣтіи представляли много отрицательныхъ сторонъ. Въ изображеніяхъ ихъ иностранными писателями находимъ не лестную для насъ картину. Многое конечно и здѣсь внушено предубѣжденіями, непониманіемъ нашихъ обычаевъ [1]: но между преувеличеніями нетрудно отличить и справедливые отзывы. Самая строгость, даже жестокость наказаній, свойственная уголовному законодательству XVII вѣка, могла быть вызвана не однимъ духомъ времени, а необходимостью противодѣйствовать отрицательнымъ про-

---

ment amateurs, qu'il n'y a presque rien qu'ils ne fassent ou donnent pour du tabac... Ils le fument d'une façon si brutale, que j'étois surpris de voir ceux qui servoient d'ordinaire dans notre maison le fumer comme ils faisoient quelquefois etc.»

1. Въ доказательство того, до какой степени нелѣпы были иногда описанія иностранцевъ, можно привести слѣдующее мѣсто изъ Лизека (стр. 384): «За преступленія судятъ не только людей, но и животныхъ, и даже неодушевленныя вещи. Такъ въ домѣ одного боярина ручной козелъ столкнулъ боярскаго сына съ лѣстницы; его высѣкли батогами и сослали въ Сибирь; но какъ этотъ козелъ былъ любимъ цѣлымъ семействомъ, то на пропитаніе положили ему по копейкѣ въ день. — Другая особа порѣзалась ножемъ, и его хотѣли сослать въ Сибирь» и т. д. И подобные разсказы

явленіямъ нравственности [1]. Отдавая справедливость гостепріимству и другимъ хорошимъ качествамъ [2], всѣ иноземцы, посѣщавшіе Россію въ XVII столѣтіи, рѣзко отзываются о склонности ея жителей къ пьянству, этому главному источнику разврата и нищеты. Не смотря на предписанія религіи и запрещенія законовъ, Русскій народъ какъ бы оправдывалъ завѣтныя слова любимаго князя нашихъ народныхъ пѣсенъ: «Руси есть веселье питье, не можемъ безъ того быти.» Не только простолюдины — говоритъ Олеарій— но и люди знатные, даже царскіе послы не знаютъ мѣры, когда имъ предложатъ крѣпкіе напитки; вливаютъ ихъ въ себя какъ воду, такъ что иногда приходится поступать съ ними, какъ съ лишившимися разсудка, замертво поднимать ихъ [3]. Тѣ же писатели порицаютъ и другіе недостатки: грубость бесѣды даже въ высшихъ сословіяхъ, частое употребленіе шутокъ и выраженій, оскорбительныхъ для нравственности. Мейербергъ упоминаетъ также о несовсѣмъ приличномъ устройствѣ народныхъ бань, о множествѣ нищихъ и объ обычаѣ ихъ похищать и уродовать дѣтей, чтобъ

одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Западныхъ, Германъ, включилъ въ свое сочиненіе, находя въ нихъ характеристическія черты нашего быта!!

1. Четвертованіе, сожиганіе живыхъ, отрѣзываніе языка, заливаніе горла оловомъ и свинцемъ, отсѣченіе рукъ, ногъ и пальцевъ — все это были обыкновенныя наказанія за уголовныя преступленія. До какой же степени грубы долженствовали быть нравы общества, которое, можно сказать, свыклось съ подобными явленіями. Въ 1663 г. вышелъ указъ, которымъ татямъ и разбойникамъ, находившимся въ Московскихъ тюрьмахъ, вмѣсто смертной казни, велѣно отсѣчь обѣ ноги и по лѣвой рукѣ (П. С. З. № 334).

2. Лиз. стр. 382.

3. Олеар. стр. 99. — Коллинсъ (стр. 7): «Пьянство почитается самымъ сильнымъ выраженіемъ радости на праздникахъ, и чѣмъ торжественнѣе день, тѣмъ больше неумѣренность. Мужчины и женщины не считаютъ за безчестье шататься на улицахъ». Лизекъ (стр. 381): «Простой народъ къ крѣпкимъ напиткамъ такъ пристрастенъ, что пропиваетъ обувь, верхнее, даже исподнее платье. Намъ каждый день случалось видѣть, какъ везли по три и по четыре пьяныхъ. Не разъ также мы были свидѣтелями, какъ мужья лежали пьяны безъ чувствъ, а жены садились возлѣ нихъ, и, снимая съ себя одежду за одеждою, закладывали цѣловальнику на вино, и пировали до тѣхъ поръ, пока теряли употребленіе разсудка». То же у Мейерб. стр. 138.

видомъ этихъ калякъ возбудить состраданіе въ мимопроходящихъ — обычаѣ, который, къ сожалѣнію, сохранялся въ нашей Бѣлокаменной до временъ новѣйшихъ [1].

Самъ являя высокій образецъ жизни семейной и гражданской, строгій въ соблюденіи святыхъ уставовъ и обрядовъ Церкви, Алексѣй Михайловичъ не могъ не обратить вниманія на нравственные недостатки своихъ подданныхъ. Онъ старался исправить ихъ, поддержать усердіе къ вѣрѣ, какъ основаніе всякихъ добрыхъ нравовъ. Вышли многія замѣчательныя постановленія. Неоднократно предписывалось въ воскресные и праздничные дни ходить въ церковь Божію и не заниматься работами, запирать ряды и не торговать ничѣмъ, кромѣ съѣстныхъ припасовъ и корму для скота [2]; священникамъ имѣть наблюденіе, чтобъ духовныя ихъ дѣти въ Великій и другіе посты приходили къ исповѣди и Св. причащенію [3]. Въ 1651 году изданъ указъ о воздаваніи на улицахъ должнаго благоговѣнія Св. Тайнамъ [4]. Съ цѣлью положить предѣлъ частому употребленію крѣпкихъ напитковъ, учрежденіе кружечныхъ дворовъ ограничено (1651 г.) городами и многолюдными селами (не болѣе одного въ каждомъ) [5]. Вслѣдъ за тѣмъ (1652 г.) подтверждено запрещеніе боярамъ, дворянамъ, приказнымъ и вообще частнымъ людямъ, имѣвшимъ отчины, содержать кабаки и пивоварни. Велѣно существующіе уничтожить «опричъ тѣхъ поварень, на которыхъ, по указу В. Государя, сидятъ подрядные вина уговорщики (т. е. по договору съ казною, обязанные поставлять вино для казенной продажи); кружечнымъ дворамъ быть только въ городахъ» [6]. Въ 1668 г. послѣдовало уничтоженіе откупа на карты и зернь, по крайней мѣрѣ, въ Сибири [7]. Существовали и другія поста-

1. Мейерб. стр. 151 и т. д.
2. Акты Арх. Эксп. IV, № 19 и П. С. З. № 414.
3. Акты А. Э. IV, № 113.
4. Собр. гос. гр. III, 460 и Арц. VI, пр. 618.
5. П. С. З. № 72.
6. П. С. З. № 82.
7. Арц. пр. 933; Берхъ II, 17; въ собр. гос. гр. и дог. IV, 225.

новленія, которыми виновные въ нарушеніи законовъ нравственности подвергались строгимъ наказаніямъ [7]. Но могли ли отдѣльныя постановленія пересоздать общество въ то время, когда въ немъ уже обнаруживалось начало раздвоенія? — Между тѣмъ какъ одни (конечно еще немногіе) отрицались отъ священной старины, стремились къ чему-то новому, ими самими несовсѣмъ разгаданному — другіе, съ Китайскою неподвижностью, отвергали всякое нововведеніе, смѣшивая обычаи общежитія съ предписаніями религіи, низводя иногда самую набожность на степень безсознательнаго выполненія внѣшнихъ обрядовъ. Нужно было внести въ полу-Азіатское, еще зараженное предразсудками общество науку съ ея благотворнымъ вліяніемъ; ознакомить людей, у которыхъ, подъ грубою внѣшнею оболочкою, скрывалось столько прекрасныхъ свойствъ, съ благороднѣйшими наслажденіями ума и сердца, чтобъ содѣлать сыновъ Россіи достойными великой будущности, ожидавшей ихъ отечество.

Появленіе новыхъ обычаевъ между членами высшаго сословія не осталось безъ вліянія и на бытъ нашего Двора, вліянія однакожь весьма слабаго.

Со времени утвержденія единодержавія, Государи Московскіе старались окружить себя пышностію и великолѣпіемъ, какъ внѣшними знаками недосягаемой высоты сана царскаго. Уже Іоаннъ III устроилъ Дворъ свой по образцу Византійскому; ввелъ торжественные обряды, малоизвѣстные нашимъ древнимъ князьямъ, которые, бывало, запросто устраивали «пированье, почестной столъ» для дружинниковъ своихъ, запросто судили и рядили съ ними «о строи земленѣмъ, и о ратѣхъ и уставѣ земленѣмъ.» Но никогда Дворъ Царей Московскихъ не представлялъ того великолѣпія и пышности, какими отличался при Алексѣѣ Михайловичѣ, любившемъ давать всему урядъ и чинъ. Блескъ его особенно

7. Такъ у Кошихина (стр. 92): «А которые люди *воруютъ* съ чужими женами и съ дѣвками, и какъ ихъ изыскаютъ, и тогожъ дни или и на иной день обѣихъ мужика и жонку, кто бъ таковъ ни былъ, водя по торгомъ и по улицамъ вмѣстѣ нагихъ бьютъ кнутомъ».

увеличивали продолжительное пребываніе въ Москвѣ Вселенскихъ патріарховъ, Грузинскаго царевича Николая Давидовича, частые пріѣзды пословъ почти отъ всѣхъ Европейскихъ Государей. Какою торжественностію должны были отличаться самые обряды церковные въ то время, когда во всѣхъ главныхъ храмахъ столицы, каждый праздникъ, совершали богослуженіе святители, стекавшіеся въ нее и изъ многочисленныхъ областей Россіи, и изъ отдаленныхъ странъ единовѣрнаго намъ Востока! [1] Какъ торжественны были тогдашніе церемоніальныя встрѣчи и посольскіе пріемы! Описывая ихъ, иноземцы-очевидцы не могутъ надивиться великолѣпію и богатству Двора Самодержцевъ Русской земли; единогласно сознаются, что ни одинъ Дворъ Европейскій, въ этомъ отношеніи, не могъ сравниться съ Московскимъ [2]. Какою пышностью отличаются всѣ выходы

1. Такъ на пр. на стр. 1016 Дв. Разр. читаемъ: «Сентября въ 15 день былъ ходъ со кресты къ празнику къ Никитѣ Христову мученику, въ Басманную слободу; а въ ходу были Іосифъ, Митрополитъ Резанскій и Муромскій, Симонъ, архіепископъ Вологотцкій и Бѣлоозерскій, да архимариты, и игумны, и протопопы и весь священническій чинъ... Того жъ году и числа служили власти: въ соборной и апостолской церкви: святѣйшій Іоакимъ, патріархъ Моск. и вс. Рос. да съ нимъ власти: Корнилей, митрополитъ Новг. и Великолуцкій, Іоасафъ, митрополитъ Казанскій и Свіяжской, Іона, митрополитъ Рост. и Ерославскій, Симонъ, архіеп. Волог. и Бѣл., Іона, епископъ Вятцкій и Великопермскій, да архимариты и игумны, и протопопы; а пѣли пѣвчіе и подьяки патріаршіи. Въ Вознесенскомъ монастырѣ служилъ Павелъ, митрополитъ Сарскій и Подонскій, да съ нимъ архимариты, и игумны, да протопопъ съ соборомъ; а пѣли пѣвчіе Крутицкаго митрополита. У Архангела Михаила служилъ Іоакимъ, епископъ Сербословенскій, да съ нимъ игумны, да протопопъ Архангелской съ соборомъ; а пѣли пѣвчіе и подъяки Архангелскіе. Да у празника служили въ Басманной слободѣ: Іосифъ, Митр. Резанскій и Мур., Стефанъ. Архіепископъ Суздальскій и Юрьевскій, да съ нимъ архимариты, и игумны, и протопопы; а пѣли пѣвчіе и подъяки Резанскаго митрополита. За Яузскими вороты у Никиты Христова мученика служилъ Іосифъ, архіепископъ Коломенскій и Коширскій, да съ нимъ игумны да протопопы; а пѣли пѣвчіе Коломенскаго архіепископа.» Такъ торжественны были церковные обряды въ столицѣ! Но тогда въ ней по-преимуществу сосредоточивалась высшая, духовная жизнь Россіи: теперь она разлилась отъ Архангельска до Тифлиса, отъ Вислы до Камчатки. Теперь всѣ города участвуютъ въ торжествахъ нашихъ столицъ.

2. См. описанія Мейерберга, Карлиля, Лизека; также 5-ю гл. сочин. Котошихина.

Царя, постоянно присутствовавшаго при каждомъ замѣчательномъ обрядѣ церковномъ! Онъ являлся тогда въ полномъ блескѣ своего сана [1]. Но если этотъ характеръ носили выходы царскіе въ день Богоявленья и другіе праздники, то *дѣйство* новаго года, происходившее на площади между соборомъ и царскими палатами, представляло еще другой оттѣнокъ. Здѣсь къ великолѣпію торжественнаго обряда присоединялась самая трогательная картина благоговѣйнаго почтенія къ Вѣнценосцу. Такова была, по сознанію даже иностранцевъ [2], минута, когда, послѣ молебствія, рѣчи патріарха, поздравленія духовныхъ властей, бояръ и свѣтскихъ сановниковъ, всѣ стрѣлецкіе полки, находившіеся на *стойкѣ*, и все многое множество народа — весь міръ — ударяли челомъ въ землю и многолѣтствовали Царскому Величеству, а Государь «міру» отвѣтствовалъ поклономъ [3].

Вѣрный исполнитель всѣхъ обрядовъ Святой Церкви, Алексѣй Михайловичъ являлъ примѣръ набожности и воздержанія, доходившихъ до изумительной строгости къ самому себѣ. Никто не наблюдалъ посты строже его. По свидѣтельству Коллинса, Великимъ постомъ онъ обѣдалъ не болѣе трехъ разъ въ недѣлю, а именно: въ четвертокъ, субботу и воскресенье; въ остальные же дни кушалъ только по куску чернаго хлѣба съ солью, по соленому грибу или огурцу, и пилъ по стакану полпива [4]. У Котошихина (стр. 63) читаемъ почти то же самое: «и ѣстъ Царь въ тѣ посты (т. е. Великій и Успеньевъ), въ недѣлю, во вторникъ, въ четвергъ, въ суботу, по одиножды на день, а

1. См. Забѣлина: «Домашній бытъ Русскихъ Царей прежняго времени», IV (въ Отеч. Зап. 1853, Янв.). Если Государь выѣзжалъ зимою на богомолье въ Закремлевскій монастырь или церковь, то у его саней на наклесткахъ стояли знатнѣйшіе бояре, одинъ по правую, другой по лѣвую сторону; на оглобляхъ, у передняго щита, также по обѣ стороны, стояли два ближніе стольника. Около Государя, за саньми, шли бояре, окольничіе и прочіе сановники; далѣе слѣдовалъ отрядъ стрѣльцовъ.

2. Лиз. стр. 350.

3. «Дом. бытъ Царей пр. вр.» ст. IV.

4. Стр. 37. «Можно считать, что онъ постится восемь мѣсяцевъ въ годъ», прибавляетъ иноземецъ, удивляясь такому воздержанію.

пьетъ квасъ, а въ понедѣльникъ и въ среду и въ пятницу во всѣ посты не ѣстъ и не пьетъ ничего развѣ для своихъ и Царицыныхъ и Царевичевыхъ и Царевниныхъ имянинъ.»[1] Онъ не пропускалъ ни одного богослуженія. Когда былъ здоровъ, всегда выходилъ въ церковь; если былъ боленъ, то служба совершалась въ его комнатахъ. Въ постъ, посѣщая всенощныя, стоялъ по пяти или шести часовъ сряду и клалъ много земныхъ поклоновъ; часто, подобно Давиду (говоритъ Мейербергъ), вставалъ ночью и молился до утра. Не менѣе изумительны подвиги благотворительности. Въ день Благовѣщенья кормилъ онъ, въ своихъ «покоевыхъ хоромахъ», нищихъ, и изъ собственныхъ рукъ жаловалъ ихъ милостынею; въ Рождество и другіе большіе праздники не садился за столъ безъ того, чтобъ не накормить прежде тюремныхъ сидѣльцовъ и плѣнныхъ[2]. Наканунѣ праздниковъ, особенно въ сочельникъ предъ Рождествомъ Христовымъ, бывали такъ называемые «тайные выходы» въ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ Царь изъ своихъ рукъ раздавалъ милостыню тюремнымъ сидѣльцамъ, полоняникамъ, богадѣленнымъ, увѣчнымъ и всякимъ бѣднымъ людямъ; разсыпалъ щедроты свои и по улицамъ, чрезъ которыя проходилъ. Между тѣмъ довѣренныя лица изъ стрѣлецкихъ полковниковъ и подъячихъ Тайнаго приказа раздавали царскую милостыню на Земскомъ дворѣ, у Лобнаго мѣста и на Красной площади[3].

Обычаи при Дворѣ, занятія и развлеченія Царя въ свободное отъ государственныхъ дѣлъ время носятъ еще вполнѣ отпечатокъ нашего древняго быта. Поученія отцевъ

---

1. И въ обыкновенные дни, по свидѣтельству иностранцевъ, подавались къ столу царскому самыя простыя блюда, ржаной хлѣбъ, немного вина, овсяная брага или легкое пиво съ коричневымъ масломъ, а иногда только коричневая вода. У Рейтенфельса, стр. 84: «Quin potationis omnis, ac praecipue cremati, ita est abstinentissimus, ut ne accedere quidem ad colloquium ejus, quicunque vinum hoc adustum biberit, possit».

2. «Дом. бытъ Р. Царей», IV, гдѣ приведены и подлинныя расходныя записки по случаю выходовъ.

3. Тамъ же.

Церкви, житія Святыхъ и другія книги духовнаго содержанія, отчасти также отечественныя лѣтописи и сказанія, составляли главный предметъ чтенія. Кромѣ чтенія, Алексѣй Михайловичъ любилъ разсказы бывалыхъ людей о дальныхъ странахъ, иноземныхъ обычаяхъ, о временахъ минувшихъ. При Дворѣ его жили, въ особыхъ отдѣленіяхъ, такъ называемые *верховые богомольцы*, или *верховые нищіе*, уважаемые за благочестивую жизнь и древность лѣтъ [1]. Они, въ длинные зимніе вечера, развлекали Царя и его семейство повѣствованіями о событіяхъ и дѣлахъ, которыхъ были очевидцами; пѣвали Лазаря и другіе старинные духовные стихи, которые донынѣ сохранились въ устахъ странствующихъ слѣпцовъ. Въ числѣ обыкновенныхъ развлеченій при Дворѣ была игра въ шахматы; употреблялись и однородныя съ нею игры тавлеи, саки и бирки [2]. «Потѣшники» забавляли иногда Царское семейство пляскою, танцованьемъ по канату, вообще такъ называемыми *дѣйствами*. Но любимымъ развлеченіемъ самаго Алексѣя Михайловича была охота, доведенная имъ до страсти, особенно соколиная. «Онъ содержитъ болѣе трехъсотъ смотрителей за соколами и имѣетъ лучшихъ кречетовъ въ свѣтѣ, которые привозятся изъ Сибири и бьютъ утокъ и другую дичь» — говоритъ Коллинсъ. Еще болѣе подробное свидѣтельство о значеніи этой забавы находимъ у Мейерберга [3]. «Явился къ намъ—пишетъ онъ — главный царскій сокольничій съ шестью сокольниками, въ великолѣпномъ одѣяніи, взятомъ изъ Царской сокровищницы; каждый изъ нихъ, имѣя на правой рукѣ богатую перчатку съ золотою бахрамою, держалъ ею кречета. Птицы имѣли на головѣ новыя шелковыя накладки и на лѣвой ногѣ золотые снурки. Отличнѣйшая по виду изъ нихъ была пестрая съ бѣлыми и бурыми пятнами; правая нога ея

1. Дом. бытъ Руск. Царей, ст. IV. Коллинсъ говоритъ, что старики, которыхъ Царь держалъ во дворцѣ, имѣли по сту лѣтъ отъ роду. Между ними находились и юродивые. 2. Тамъ же.

3. Пут. Мейерберга, изд. Аделунгомъ, стр. 292 и т. д.

украшена была золотымъ кольцемъ, на коемъ находился карбункулъ». Въ Дворцовыхъ Разрядахъ часто встрѣчаемъ извѣстія: «В. Государь ходилъ на поля тѣшиться, ѣздилъ на утѣху въ село Коломенское (или Покровское, Воробьево, Семеновское, Измайлово); тѣшился въ лугахъ и на водахъ, съ соколами и кречетами и съ ястребами.» Памятникомъ страсти Алексѣя Михайловича къ соколиной охотѣ, кромѣ переписки съ лицами, которыя завѣдывали этою охотою, и другихъ документовъ, касающихся присылки кречетовъ и разныхъ принадлежностей соколинаго дѣла [1], остался, изданный въ 1668 году, «Урядникъ, или новое уложеніе и устроеніе Сокольничаго пути.» Вмѣстѣ съ замѣчаніями: «И зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя, и забавляетъ веселіемъ радостнымъ, и веселитъ охотниковъ сія птичья добыча», или: «Будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою, зѣло потѣшно и угодно и весело, да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія»—находимъ здѣсь и собственноручную припись Царя: «правды же и суда и милостивыя любве и ратнаго строя николи же позабываите; дѣлу время и потѣхѣ часъ» [2]. Самый пріемъ въ сокольники совершался по особому обряду, чаще всего въ селѣ Коломенскомъ, любимомъ мѣстопребываніи Царя, расположенномъ на возвышенномъ берегу Москвы-рѣки съ обширными вокругъ полями, привлекательнымъ видомъ на столицу и нѣкогда великолѣпнымъ дворцемъ [3].

---

1. Таковы: письма Царя къ стольнику Матюшкину въ Акт. А. Э. IV, № 100, Доп. къ акт. ист. III, № 71, и въ сборникѣ Муханова, № 149; переписка его съ стольникомъ В. Я. Голохвастовымъ въ актахъ, отн. до рода дворянъ Голохвастовыхъ (въ Чтен. общ. ист. и др. 1848). Изъ отписки Виленскаго воеводы кн. Шаховскаго (Акты ист. IV, № 124) видно, что воевода этотъ посылалъ даже въ Королевецъ нарочныхъ за колокольчиками для царскихъ соколовъ и кречетовъ.

2. П. С. Зак. № 440.

3. Новопожалованный сокольничій долженъ былъ принимать кречета на руку: «образцово, красиво, бережно, осторожно, смѣло, весело, радостно, надежно, сановито» и т. д.

При всей строгости, съ которою Алексѣй Михайловичъ придерживался прародительскихъ обычаевъ, при самомъ Дворѣ его замѣтно проявленіе нѣкоторыхъ новыхъ потребностей. Онѣ развиваются преимущественно подъ вліяніемъ Ордына-Нащокина и Матвѣева. Такъ для чтенія Царя выписывались и переводились переводчиками посольскаго приказа многіе изъ Европейскихъ журналовъ и газетъ, называвшихся у насъ курантами, по имени главной изъ нихъ («Courante right Italien») [1]. Переведено также нѣсколько сочиненій по разнымъ отраслямъ наукъ [2]. Развлеченія Царскаго семейства становятся разнообразнѣе. Въ потѣшномъ дворцѣ, кромѣ прежде употребительныхъ «дѣйствъ», представляются «комедіи». Подъ 1674 г. читаемъ въ Дворцовыхъ Разрядахъ: «21 Октября было у Великаго Государя вечернее кушанье въ потѣшныхъ хоромахъ; а послѣ кушанья изволилъ Великій Государь себя тѣшить всякими играми. И его Великаго Государя тѣшили и въ арганы играли; а игралъ въ арганы Нѣмчинъ, и въ сурну и въ трубы трубили, и въ суренки играли и по накрамъ и по литаврамъ били же но всѣ. Тогожъ году была въ селѣ Преображенскомъ комедія и тѣшили Великаго Государя иноземцы: какъ Алаѳерну голову отсѣкли, и на арганахъ играли Нѣмцы да люди дворовые боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева. Да за нимъ В. Государемъ были въ комедіи бояре и окольничіе, и думные дворяне, и думные дьяки, и ближніе люди всѣ... а которыхъ не было въ походѣ, и къ нимъ посылано было и указано быть съ Москвы нарочно къ Великому Государю въ походъ въ село Преображенское. Того жъ году была въ селѣ Преображенскомъ другая комедія, и съ Ве-

1. Моск. Вѣд. 1850, № 21 и Дипл. снош. Росс. М. Н. Кап. стр. 76. По свидѣтельству И. М. Снегирева, въ Моск. главн. архивѣ сохранились выписки изъ вѣдомостей Голландскихъ и Нѣмецкихъ (Амстердамскихъ, Гарлемскихъ, Гамбургскихъ и т. д.), также переводы съ печатныхъ и письменныхъ вѣдомостей, присланныхъ изъ Новгорода и Пскова, цесарскихъ курантовъ и т. д.

2. Нѣкоторые переводы были приготовлены къ печати, на пр. двѣ космографіи, риторика, фундаменты или максимы фортификаціи.

ликимъ Государемъ была Государыня Царица, Государи Царевичи и Государыни Царевны. И тѣшили Великаго Государя Нѣмцы жъ да люди боярина А. С. Матвѣева: «какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, по царицыну челобитью и по Мардахеину наученью» [1]. Въ числѣ даровъ, которыми Матвѣевъ въ 1675 г. билъ челомъ Царевичу Ѳеодору Алексѣевичу, находилась и библія Нѣмецкая въ липахъ, да *клевикорты*, да двѣ *охтавки* [2]. Просвѣщенный бояринъ давно умѣлъ цѣнить предметы изящныхъ искусствъ: но онъ хотѣлъ познакомить съ ними и соотечественниковъ своихъ.

Вообще болѣе разнообразныя увеселенія появляются при Дворѣ только подъ конецъ царствованія Алексѣя Михайловича. Представительницею новыхъ потребностей была, нѣкоторымъ образомъ, вторая супруга Царя, Наталія Кирилловна, воспитанная въ домѣ Матвѣева. Она любила развлеченія; и Царь охотно доставлялъ ихъ юной супругѣ, по скольку дозволяли это строгіе обычаи тогдашняго быта [3]. Но и Наталья Кирилловна, по своему воспитанію и характеру, вполнѣ принадлежала древней Руси. Когда наступила эпоха рѣшительнаго преобразованія, мать Петра Великаго, до самой кончины своей, удерживала порывы пылкаго сына.

Первая супруга Алексѣя Михайловича, Марія Ильинична Милославская, скончалась въ 1669 году. Вскорѣ лишился онъ и старшаго сына, 16 лѣтняго царевича Алексія, кото-

1. Дв. Разр. III, стр. 1081, 1131, 1132. Въ представленіяхъ, бывшихъ въ Преображенскомъ, участвовалъ и балансёръ Австрійскихъ посланниковъ Боттонія и Гусмана. «Шутовскими и ловкими дѣйствіями своими—говоритъ Лизекъ—заслужилъ онъ всеобщее удивленіе, особенно Русскихъ, которые единогласно рѣшили, что онъ чародѣй и морочитъ добрыхъ людей бѣсовскою силою (стр. 391).

2. Дв. Разр. III, стр. 1419.

3. Наталія Кирилловна хотѣла, между прочимъ, видѣть аудіенцію Австрійскихъ пословъ; но могла смотрѣть только изъ смежной комнаты, чрезъ отверстіе притворенной двери. Между тѣмъ младшій царевичъ—прибавляетъ Лизекъ—открылъ ее, отворивъ дверь прежде, нежели мы вышли изъ аудіенцъ-зала.

рый, по отличнымъ способностямъ и кротости нрава, подавалъ большія надежды [1]. Въ 1671 году Царь вступилъ во второй бракъ съ дочерью небогатаго дворянина Кирилла Полуехтовича Нарышкина, Наталіею Кирилловною [2], которую видѣлъ у воспитателя ея, думнаго дворянина А. С. Матвѣева [3]. Отъ этого брака родился, 1672 года, Мая въ 30 день, на память Преподобнаго Исаакія Далматскаго, Царевичъ Петръ Алексѣевичъ.

Въ 1676 году « Генваря противъ 30 числа, въ 4 часа нощи, съ субботы на воскресенье, изволеніемъ Всесильнаго Бога, Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, оставя земное царство, отъиде въ вѣчное блаженство небеснаго царствія» [4]. Ему было тогда 48 лѣтъ отъ рожденія. Онъ казался здоровымъ и бодрымъ; самое сложеніе обѣщало долголѣтнюю жизнь — и вдругъ, послѣ осмидневной болѣзни, Царя не стало. На третій день послѣ кончины совершилось, по обычаю, погребеніе въ Архангельскомъ соборѣ. Кремль былъ наполненъ народомъ; и « все несчетное число людей отъ великіе неутѣшные печали зѣло многослезно плакали и рыдали, съ великимъ стенаньемъ и воплемъ». Народъ лишился «Государя милостиваго и добраго, одареннаго высокимъ умомъ и рѣдкими

---

1. Берхъ, прим. 153, заимств. изъ др. Росс. Вивл. XIV.—По свидѣтельству Рейтенфельса, лекаря приписывали преждевременную кончину царевича недостатку дѣятельности и движенія.

2. О чинѣ бракосочетанія Дв. Разр. стр. 872.

3. Обыкновенно разсказываютъ, что Алексѣй Михайловичъ, посѣщая домъ Матвѣева, неожиданно увидѣлъ прекрасную Наталію: но есть другое извѣстіе (см. Ciampi: «Narratio rerum, quae post obitum Alexii Mikalowicz gestae sunt Mosquae» 1682, или въ Русск. пер: «Повѣствованіе о Моск. происшествіяхъ по кончинѣ Ц. Алексѣя Михайловича, посланное изъ Москвы къ Архіепископу Коринѳскому Франциску Мартели, Нунцію Апост. при Іоаннѣ III, королѣ Польскомъ, найденное и изд. Севастіаномъ Чьямпи», въ журн. Мин. Нар. Пр. 1835, Ч. V), по которому самъ Матвѣевъ обратилъ выборъ Царя на дѣвицу Нарышкину. (У Арцыб. VI, пр. 1018 и 1019).

4. Дв. Разр. III, 1635.

душевными качествами», говоритъ свидѣтель событія, Голландскій посолъ фанъ-Кленкъ. Его слова подтверждаютъ единогласно всѣ дошедшія до насъ извѣстія. По свидѣтельству даже иноземныхъ писателей, посѣщавшихъ Россію, Алексѣй Михайловичъ, преисполненный доброжелательства и снисходительности, никогда не употреблялъ во зло власти своей [1]. Если, принуждаемый обстоятельствами и подчиняясь духу времени, прибѣгалъ къ наказаніямъ строгимъ, то и, въ этомъ случаѣ, всегда руководился полною справедливостью [2]. Являя высокій образецъ добродѣтелей Христіанскихъ и семейныхъ, постоянно заботясь о благѣ своего народа, онъ «покорилъ себѣ сердца подданныхъ, которые столько же любили его, сколько благоговѣли предъ нимъ» [3]. Недоставало ему только проницательности и болѣе глубокаго взгляда на государственныя отношенія; измѣняла иногда и твердость, особенно въ молодыхъ лѣтахъ. Чрезмѣрная доброта [4] подавала поводъ къ излишней довѣрчивости, которую, какъ мы видѣли, часто употребляли во зло люди, умѣвшіе чѣмъ нибудь снискать расположеніе Царя. Если Лизекъ, имѣвъ случай ближе познакомиться только съ Матвѣевымъ и другими достойными сановниками, и говоритъ, что бояре и всѣ окружающіе Царя люди умные, образованные, неустрашимые, подобно своему Государю набожны, справедливы [5], — то онъ не засталъ ни Морозова съ его приверженцами, ни Милославскаго; не зналъ и другихъ лицъ, относительно которыхъ

---

1. Мейербергъ: «Quamvis ab ira, ut omnes delicati sensus Heroes, aliquando abripiatur, ultro pugnos tamen et calces nunquam se sinit asportari.»

2. Въ примѣръ справедливости Коллинсъ, между прочимъ, приводитъ отвѣтъ Царя иностранцу, предложившему ему назначить смертную казнь всякому, кто оставитъ его знамена: «Это было бъ жестоко — Богъ не всѣмъ людямъ даровалъ равную храбрость.»

3. Сказаніе Лизека, стр. 381.

4. Доброта и благодушіе Царя особенно рѣзко высказываются въ дошедшихъ до насъ письмахъ его къ Никону и другимъ лицамъ.

5. Лиз. стр. 381.

мы имѣемъ болѣе вѣрныя показанія Мейерберга, Котошихина, Коллинса. Злоупотребленія, особенно корыстолюбіе нѣкоторыхъ вельможъ, были главными причинами смутъ, нарушавшихъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, спокойствіе Московскаго государства. Но тѣнь, набрасываемая временными неустройствами, исчезаетъ предъ свѣтлою стороною царствованія, въ которое присоединилась Малороссія, распространились предѣлы Россіи до береговъ отдаленнаго Амура, вышло Уложеніе, рѣшенъ вѣковой вопросъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ, совершились многія другія замѣчательныя событія. Потомство забыло бѣдствія, отъ которыхъ страдали только современныя поколѣнія. Оно помнитъ лишь дѣянія, посѣявшія плодотворныя сѣмена для будущаго, имѣвшія благодѣтельное вліяніе на судьбу многихъ грядущихъ поколѣній. Дѣянія эти навсегда увѣковѣчили память о царствованіи Алексѣя Михайловича; стяжали ему, не смотря на недостатокъ самостоятельности въ характерѣ, наименованіе «мудраго родителя Петра Великаго».

ГЛАВА XII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Алексѣй Михайловичъ скончался въ то самое время, когда скопились многіе государственные вопросы, требовавшіе рѣшенія; предуготовлены были многія предпріятія, ожидавшія только орудій для приведенія ихъ въ исполненіе. Въ самой Москвѣ шли переговоры съ уполномоченными разныхъ Европейскихъ Державъ объ отношеніяхъ нашихъ къ Швеціи и Польшѣ; завязался запутанный вопросъ о господствѣ въ Заднѣпровской Украйнѣ, которое оспаривали у насъ и Польша, и Турція; не отказалась еще первая окончательно и отъ притязаній своихъ на Малороссію. Не были опредѣлены отношенія къ Китаю, съ которымъ Россія столкнулась въ степяхъ Манчжуріи. Внутри государства не былъ нанесенъ послѣдній ударъ мѣстничеству; не приведено къ окончанію начатое преобразованіе ратныхъ силъ—а между тѣмъ уже всходило сѣмя новыхъ смутъ подъ знаменами распространявшагося раскола; угрожали еще сильнѣйшія отъ возраставшаго своеволія стрѣльцовъ. Въ нѣдрахъ будущаго скрывалось рѣшеніе какъ этихъ, такъ и многихъ иныхъ предметовъ, около которыхъ сосредоточивалась дѣятельность Московскаго правительства. Потому царствованіе Алексѣя

Михайловича находится въ тѣсной связи не только съ правленіемъ его ближайшихъ преемниковъ, но и съ временами послѣдующими. Самъ Великій Преобразователь рѣшалъ вопросы, возникшіе, большею частью, въ предшествовавшіе періоды жизни нашего отечества. Измѣнились только средства, орудія; дано направленіе, болѣе сообразное съ вновь развивавшимися потребностями государства и общества.

1.

Уже вступленіе на престолъ «благоцвѣтущей отрасли благороднаго корени Романовыхъ» было событіемъ, въ которомъ вполнѣ выразилось торжество государственнаго начала надъ всѣми элементами, ему противоборствовавшими. Никогда прежде власть самодержавная не была такъ прочна, какъ при первыхъ Государяхъ изъ новой Династіи. Необходимость строгаго порядка государственнаго, какъ главнаго условія благосостоянія всѣхъ и каждаго, перешла въ народное сознаніе. Не смотря на неудачи въ борьбѣ съ внѣшними врагами, на разстройство финансовъ, на другіе слѣды недавняго разоренья, глубокая тишина водворилась въ Россіи съ тѣхъ поръ, какъ она, разсчитавшись съ сосѣдями, видѣла на престолѣ своемъ желаннаго Царя. Являлись еще, въ половинѣ XVII вѣка, самозванцы: но запоздалые *прелестники* не могли прельстить людей, уже *наказавшихся* въ пережитую ими эпоху, не поколебали спокойствія Россіи. Жалкія орудія послѣднихъ, предсмертныхъ усилій элемента безнарядья, попраннаго восторжествовавшимъ началомъ государственнымъ, должны были искать убѣжища у непріязненныхъ намъ сосѣдей. Въ Московскомъ государствѣ показывались они лишь для того, «чтобъ всѣ люди вѣдали про ихъ воровство», были свидѣтелями ихъ казни. Только въ мятежѣ Разина противогосударственный элементъ, отживавшій свой вѣкъ на отдаленныхъ окрайнахъ Россіи, разыгралъ роль, болѣе пагубную для государства: успѣвъ вовлечь въ свои интересы

безчисленныя толпы сельчанъ, погубилъ множество людей. Но такое явленіе повторилось и во времена позднѣйшія; притомъ театромъ его были Юговосточныя области, въ которыхъ отчасти и донынѣ не изгладились слѣды полукочеваго быта ихъ разноплеменныхъ обитателей. Что касается до волненій, обнаружившихся въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ, то они проистекали изъ инаго источника: поводомъ къ нимъ послужили злоупотребленія или недальновидность нѣкоторыхъ изъ вельможъ, окружавшихъ престолъ юнаго Государя. Проявленіе, при этомъ, въ двухъ послѣднихъ городахъ слабыхъ слѣдовъ прежняго вѣчеваго быта, какъ чистый анахронизмъ, не могло имѣть никакого значенія. Изъ инаго источника проистекали и смуты отъ раскольниковъ, которыя, подъ конецъ царствованія Алексѣя Михайловича, стали колебать спокойствіе нашей Церкви, но только впослѣдствіи коснулись столицы. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ кончины этого Царя, начались и бунты стрѣлецкіе, находившіе, съ одной стороны, опору въ властолюбивыхъ замыслахъ царевны Софіи и ея приверженцевъ, съ другой, питаемые отвращеніемъ самихъ стрѣльцовъ къ нововведеніямъ Петра, угрожавшимъ совершеннымъ измѣненіемъ ихъ полугражданскому быту. Но всѣ подобныя стремленія долженствовали сокрушиться о желѣзную волю великаго Преобразователя, почерпнувшаго среди кровавыхъ сценъ, которыми была окружена его юность, глубокую, безпредѣльную ненависть ко всякому проявленію противогосударственнаго начала. Войско стрѣлецкое, за неоднократно возобновлявшіеся мятежи, поплатилось своимъ бытіемъ. Самые послѣдователи раскола, въ царствованіе Петра, должны были искать убѣжища въ мѣстахъ отдаленныхъ, въ уединенныхъ скитахъ. Возвращеніе Церкви людей, вынесшихъ изъ древней Руси слѣпую ненависть ко всему, что въ глазахъ невѣжества являлось нововведеніемъ, могло, и въ наше время, совершиться только отчасти.

Петру было также суждено уничтожить послѣдніе слѣ-

ды мѣстничества. Постоянными предписаніями: « быть въ походахъ безъ мѣстъ » было оно до того ослаблено, что, уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича, казалось почти безвреднымъ въ государственномъ отношеніи, проявлялось большею частью, только въ службѣ придворной. При преемникѣ его послѣдовало юридическое уничтоженіе права считаться мѣстами. « Ревнуя по Господѣ Богѣ Вседержителѣ и желая во благочестивомъ своемъ царствіи сугубаго добра, лучшаго и пристойнаго въ ратѣхъ строенія », Ѳеодоръ повелѣлъ сжечь Разрядныя книги « въ совершенное гордости и проклятыхъ мѣстъ въ вѣчное искорененіе. » На дѣлѣ мѣстничество существовало однакожь и въ первое время царствованія Петра Великаго. Только собственный примѣръ Преобразователя — прохожденіе имъ службы съ низшихъ чиновъ — и введеніе табели о рангахъ, могли совершенно уничтожить слѣды его.

Внѣшнимъ знакомъ недосягаемой высоты Царскаго сана былъ блестящій Дворъ, отличавшійся, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, изумительною пышностію и великолѣпіемъ. Всему былъ назначенъ урядъ и чинъ. Но съ другой стороны, мелочная обрядность въ древней Руси была доведена до крайности; носила на себѣ отпечатокъ Азіатской неподвижности. Самыя лѣтописи въ Дворцовыхъ Разрядахъ приняли сухой характеръ, представляютъ только перечень придворныхъ церемоній. Обстоятельство это не осталось безъ вліянія на Петра. Его геній, еще въ юности, рвался изъ оковъ, налагаемыхъ на него строгими обычаями прародительскими; искалъ себѣ простора въ иныхъ, болѣе свободныхъ обычаяхъ. Онъ пренебрегъ неподвижною обрядностію современнаго ему быта. Форма, убивающая духъ, была ему ненавистна: онъ стремился за идеею, окрыляющею его.

2.

Юридическая дѣятельность древней Руси завершилась, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, изданіемъ соборна-

го Уложенія, которое, и въ наше время, считается началомъ дѣйствующаго законодательства Россійской имперіи. Рано, правда, обнаружилась потребность дополнить его. Петръ думалъ слить его съ постановленіями, вышедшими впослѣдствіи подъ именемъ новоуказныхъ статей, именныхъ указовъ и приговоровъ боярскихъ, и составить, такимъ образомъ, болѣе полное законоположеніе: но предпріятіе это не скоро удалось привести въ исполненіе. Десять коммиссій, въ числѣ ихъ и извѣстная восьмая, долженствовавшая руководствоваться знаменитымъ наказомъ Императрицы Екатерины II, мало подвинули впередъ важную задачу. Вѣковыя усилія увѣнчались блестящимъ успѣхомъ только въ настоящее благополучное царствованіе изданіемъ Свода Законовъ Россійской имперіи.

Водвореніе строгаго порядка во внутреннемъ управленіи обозначалось у насъ, со времени утвержденія единодержавія, цѣлымъ рядомъ законодательныхъ реформъ. Если, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и не послѣдовало рѣзкихъ перемѣнъ въ нашей администраціи, то тѣмъ не менѣе изданіе уложенія и другихъ постановленій не осталось безъ вліяція на нее. Замѣтно бо̀льшее сосредоточеніе верховной власти. Приказы постепенно принимаютъ характеръ общегосударственный; воеводы, обязанные давать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, поставляются въ бо̀льшую отъ нихъ зависимость. Они являются уже не кормленщиками въ прежнемъ значеніи этого слова, но о̀рганами государства. Историческое раздѣленіе областей по прежнимъ княжествамъ и царствамъ видимо уступаетъ мѣсто системѣ болѣе единообразной, болѣе соотвѣтствующей началу государственнаго единства: распредѣленію по большимъ городамъ, къ которымъ приписывались малые, ихъ окружавшіе [1]. Конечно вся тогдашняя внутренняя администрація

1. К. Д. Кавелина: «Устройство гражд. суд. отъ Улож. Ц. Ал. М. до Петра В.»—О новомъ распорядкѣ городовъ на большіе, средніе и малые часто упоминаетъ Котошихинъ (Гл. VIII, ст. 3).

была еще слишкомъ далека отъ правильности, основанной на строгомъ единообразіи; особенно замѣтно отсутствіе порядка въ распредѣленіи вѣтвей управленія между приказами. Но подобные недостатки не скоро могли исчезнуть. Попытка Θеодора Алексѣевича упростить мѣстное управленіе соединеніемъ, въ отношеніи къ Царю, всей власти въ рукахъ воеводъ оказалась неудобоисполнимою: по кончинѣ его губные старосты были опять возстановлены, и власть воеводъ по дѣламъ уголовнымъ заключена въ прежніе предѣлы [1]. Царствованіе Петра Великаго представляетъ цѣлый рядъ преобразовательныхъ опытовъ до самаго учрежденія, въ 1720 году, коллегій, сообщившихъ новыя формы всему внутреннему управленію. Не смотря на то, оно и при преемникахъ его не имѣло совершенной правильности; заключало въ себѣ существенные недостатки. Только Екатериною Великою окончательно рѣшенъ вопросъ объ органическомъ устройствѣ всѣхъ отраслей областнаго управленія: введено во всей имперіи постановленіе объ *учрежденіи губерній*. Наконецъ въ царствованіе Александра Благословеннаго, учрежденіемъ министерствъ, высшая, центральная администрація получила тѣ формы, которыя она, въ главныхъ чертахъ, сохранила донынѣ.

Болѣе замѣтное измѣненіе послѣдовало, при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ финансовой системѣ. Съ цѣлью удобнѣйшаго уравненія налоговъ, оставили прежнее посошное распредѣленіе, перешли къ переписямъ дворовъ; съ цѣлью доставленія государству средствъ для внѣшнихъ предпріятій, ввели мѣдныя деньги одинаковой величины и цѣны съ серебряными, думая такимъ образомъ не только произвести вынужденный заемъ, но и отчасти замѣнить серебро, необходимое для обращенія цѣнностей въ народѣ. Между тѣмъ подворное распредѣленіе податей было неуравнительно; самые сборы на воинскія потребности тяжки по своей неопредѣленности и случайности. Мѣдныя деньги надѣла-

---

1. П. С. З. II, № 1062.

ли много бѣдъ и побудили правительство вовсе изгнать ихъ изъ обращенія. Но и эта мѣра не могла уничтожить слѣдовъ бывшаго замѣшательства. Только Петръ Великій окончательно водворилъ порядокъ въ разстроенной монетной системѣ нашей; возстановилъ и мѣдную монету. Касательно распредѣленія повинностей, обратился онъ къ переписи лицъ, составлявшихъ податное сословіе: велѣлъ произвести первую ревизію; въ то же время, при недостаткѣ уравнительности во всякомъ поголовномъ налогѣ, сталъ думать о введеніи кадастра. Составленъ проэктъ о сборѣ податей съ городскихъ обывателей соразмѣрно съ промысломъ каждаго изъ нихъ, съ сельскихъ соразмѣрно поземельной собственности. Но подобно многимъ другимъ намѣреніямъ Преобразователя, проэктъ этотъ не былъ приведенъ въ дѣйствительность, а при преемникахъ его почти забытъ. Настоящему славному царствованію суждено было, въ числѣ другихъ замѣчательныхъ внутреннихъ учрежденій, осуществить и введеніе кадастра, столь важнаго относительно уравненія государственныхъ повинностей.

3.

Многозначительною дѣятельностью патріарха Никона окончательно рѣшенъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, важный вопросъ объ исправленіи церковныхъ книгъ и нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядовъ. Самъ Никонъ подвергся нареканіямъ слѣпыхъ приверженцевъ мертвой буквы. Онъ пострадалъ подобно многимъ инымъ дѣятелямъ на томъ же поприщѣ [1], хотя причины его паденія и

1. Какая-то непріязненная судьба преслѣдовала у насъ всѣхъ дѣятелей на поприщѣ исправленія церковныхъ книгъ. Одни изъ нихъ пострадали отъ невѣжества или зависти враговъ нововведеній; другіе отъ стеченія разныхъ враждебныхъ обстоятельствъ. Такъ пострадалъ первый, давшій движеніе этому вопросу—Максимъ Грекъ; пострадали, по смерти митрополита Макарія, первые типографщики въ Москвѣ: съ ними «случилось презѣльное озлобленіе, не отъ Государя, но отъ многихъ начальникъ и учитель, которые на нихъ зависти ради многія ереси умышляли, яко же есть обычай ненаученыхъ и неискусныхъ въ разумѣ человѣкъ, и грамматическія хитрости не

проистекали изъ другаго источника. Но часть труда была совершена; другой дано прочное направленіе. Соборъ, осудившій великаго патріарха за преступленіе имъ предѣловъ духовной власти, оправдалъ мѣры, принятыя для блага Церкви; издалъ, съ своей стороны, многія полезныя постановленія. Исправленіе и печатаніе церковныхъ книгъ продолжалось. Епифаній Славинецкій, занимаясь исправленіемъ перевода Библіи, нашелъ уже для этого дѣла достойныхъ помощниковъ, «чтецовъ Греческихъ и Латинскихъ книгъ, добрѣ знающихъ, по грамматицѣ Славенстѣй правописаніе» [1]. Надъ исправленіемъ трудились также митрополитъ Сарскій Павелъ и, впослѣдствіи, нѣкоторые изъ ученыхъ, выходившихъ изъ вновь основанной Славяно-Греко-Латинской академіи. Наконецъ архіепископъ Өеофилактъ Лопатинскій, пострадавшій во времена бироновщины, дѣятельностію своею какъ бы завершилъ вѣковой трудъ.

Изъ событій предшествовавшей эпохи, личности Никона и его первыхъ отношеній къ Царю возникъ другой вопросъ: вопросъ о поставленіи предѣловъ чрезмѣрному, несообразному съ прежнею исторіею нашей іерархіи возвышенію патріаршей власти. Онъ рѣшенъ отвѣтами Восточныхъ патріарховъ и Соборомъ 1666—1667 года, самымъ

навыкшихъ.» Гоненіямъ подверглись исправители церковныхъ книгъ въ первые годы царствованія Михаила Өеодоровича; братья Лихуды (если и не трудившіеся непосредственно надъ этимъ дѣломъ, то однакожь, своею ученою дѣятельностію, имѣвшіе благодѣтельное вліяніе на ходъ его) 15-ть лѣтъ находились въ заточеніи. Пострадалъ наконецъ Өеофилактъ Лопатинскій: конечно не за исправленіе книгъ, а за изданіе, во времена могущества Бирона, сочиненій, направленныхъ противъ послѣдователей Лютера и Кальвина.—Если вообще древняя Русь противилась нововведеніямъ, то можно ли удивляться слѣпой привязанности къ мертвой буквѣ въ нашихъ раскольникахъ, вынесшихъ изъ до-Петровской эпохи всѣ предразсудки?

1. Между ними были игуменъ Сергій, Чудовской монахъ Евѳимій, іерей Никифоръ, справщикъ книгъ печатнаго дѣла іеродіаконъ Моисей и двое свѣтскихъ Михайло Ростодамовъ и Флоръ Герасимовъ, которые названы книгописцами книгъ печатнаго дѣла (См. кратк. очеркъ исторіи Моск. Сvнодальной Типографіи въ Моск. вѣд. 1853, № 133).

блестящимъ изъ всѣхъ, когда либо бывшихъ въ нашемъ отечествѣ: ибо, кромѣ святителей Русской земли, участвовали въ этомъ Соборѣ два Вселенскіе патріарха и многіе изъ другихъ іерарховъ Православнаго Востока. Но въ царствованіе Петра такое рѣшеніе уже не удовлетворяло новымъ потребностямъ, возникшимъ въ эпоху преобразованія: послѣдовало совершенное уничтоженіе патріаршаго сана въ Россіи и учрежденіе Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода, вступившаго въ права и обязанности прежнихъ патріарховъ.

4.

Касательно уничтоженія остатковъ господства орды Батыевой въ Русской землѣ, царствованіе Алексѣя Михайловича представляетъ только продолженіе тѣхъ мѣръ, какихъ, со времени покоренія царствъ Казанскаго и Астраханскаго, придерживались его вѣнценосные предшественники. Окрѣпнувъ, Россія заперла, для степныхъ варваровъ Азіи, дорогу въ Европу. Появленіе, въ XVII вѣкѣ, Калмыковъ, скопленіе другихъ инородцевъ на Юговосточной окрайнѣ Московскаго государства имѣло мало общаго съ прежними подобными движеніями: кочевники степной Азіи уже не осмѣливались помышлять о враждебныхъ нападеніяхъ, тѣмъ менѣе о завоеваніяхъ въ странахъ, принадлежавшихъ Московскому государству. Они искали мирнаго убѣжища, признавали власть Бѣлаго Царя, и рано или поздно долженствовали подчиниться вліянію Европейской гражданственности. Распространеніе, вмѣстѣ съ Христіанскою вѣрою, этой гражданственности составляло одну изъ главныхъ задачъ Россіи въ отношеніи къ смежной съ нею Азіи. За признаніе власти своихъ Государей надѣляла она присоединявшіяся къ ней страны всѣми благами, которыми сама пользовалась. Распространеніе нашего владычества въ Сѣверной Азіи представляетъ характеръ, совершенно отличный отъ распространенія владычества Англіи въ Южной. Послѣдняя, чтобъ сдѣлать сыновъ Индіи послушны-

ми, слѣпыми орудіями своей ненасытимой алчности къ обогащенію, прибѣгала къ средствамъ жестокости и самаго низкаго коварства; останавливала благороднѣйшія усилія миссіонеровъ, запрещала имъ, въ своихъ колоніяхъ, проповѣдовать Христіанскую вѣру, изъ опасенія, чтобъ не оказался дефицитъ въ ея торговыхъ разсчетахъ. Счастіе туземцевъ было дѣломъ второстепеннымъ тамъ, гдѣ сличались только дебеты съ кредитами, активы съ пассивами, выводились валовые и чистые доходы десятками и сотнями милліоновъ.—Для Россіи, напротивъ того, благосостояніе Сибири было одинаковымъ предметомъ заботливости, какъ и благосостояніе другихъ земель, соединенныхъ подъ высокою рукою Православнаго Царя. Сибирь всегда была нераздѣльною частью его Державы. Если до сихъ поръ не всѣ жители ея озарились свѣтомъ Евангелія, то единственно потому, что Россія, по свойственной ей вѣротерпимости, не прибѣгала къ другимъ мѣрамъ, кромѣ наставленія и примѣра лучшаго.

Предѣлы наши со стороны Востока почти достигли, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, наибольшаго расширенія. Послѣ него присоединены только Киргизскія степи, Сѣверовосточный уголъ Сибири съ полуостровомъ Камчаткою, острова Восточнаго океана и Сѣверозападные берега Америки. Но за то утрачена область р. Амура, которая, по своему плодородію и прямому сообщенію съ Охотскимъ моремъ, имѣетъ несравненно бо̀льшее значеніе, нежели обширнѣйшія тундровыя пространства, занятыя вдоль береговъ Ледовитаго океана. Она могла бъ сдѣлаться житницею для отдаленнаго Сѣверо-Востока и, вмѣстѣ съ тѣмъ, способствовать усиленію промышленной дѣятельности въ Забайкальскомъ краю.

Что касается до Южной границы, то правительство Московское, продолжая усиливать укрѣпленія, болѣе и болѣе стѣсняло степное раздолье кочевниковъ. Но долго еще Крымъ, подъ покровительствомъ Турціи, препятствовалъ успѣхамъ гражданственности въ этой странѣ; долго останавливалъ

движеніе Россіи къ берегамъ Чернаго моря, сдѣлавшееся очевиднымъ вскорѣ по присоединеніи Малороссіи. Только Екатеринѣ Великой суждено было положить конецъ гибельному для насъ самобытному существованію орды Гиреевой и тѣмъ окончательно рѣшить вопросъ о судьбѣ остатковъ царства Батыева и насажденіи гражданственности въ обширныхъ степяхъ полуденной Россіи. При преемникахъ ея, самый Крымъ обратился въ роскошный садъ, гдѣ, подъ вліяніемъ благодатнаго климата, развиваются драгоцѣннѣйшія растенія южныхъ странъ, съ избыткомъ вознаграждаются трудолюбіе и предпріимчивость. Жители древней Тавриды, не знавшіе, подъ владычествомъ варваровъ, инаго промысла, кромѣ промысла грабежа и разбоя, давно сдѣлались мирными, полезными гражданами.

Отношенія къ странамъ Кавказскимъ не измѣнились. Христіанскіе владѣтели Закавказья по-прежнему заботились о поддержаніи связей съ единовѣрною Россіею; искали покровительства единаго подъ солнцемъ могущественнаго Царя Православнаго, признавали себя его подданными. Самыя преграды, поставленныя природою въ громадной, неудобопроходимой стѣнѣ Кавказскихъ горъ, не могли устоять предъ силою связи нравственной. Походъ Петра Великаго къ предѣламъ Персіи не былъ явленіемъ ex abrupto: онъ приготовленъ прежними отношеніями, хотя и опередилъ средства государства. Когда эти средства вполнѣ развились, Россія опять предъявила права, освященныя желаніемъ столькихъ поколѣній. Вѣчная грань Кавказа, испоконъ вѣка отдѣлявшая два міра, другъ другу совершенно чуждые, раздалась предъ ея полками. Длинный, безконечный рядъ богатырей Сѣвера потянулся чрезъ Даріяльскія скалы, откуда нѣкогда только по-временамъ выносились народы безъ имени, оставлявшіе на память южнымъ людямъ лишь груды тѣлъ и кучи развалинъ. Предводимые безстрашными Циціановыми и Котляревскими, Ермоловыми и Паскевичами, они не только распространили предѣлы Россіи до вершинъ Арарата и водъ Аракса, но и

16

водворили наконецъ миръ и благосостояніе въ странахъ, не вѣдавшихъ покоя до появленія въ нихъ Русскихъ знаменъ.

5.

Царствованія Алексѣя Михайловича и Екатерины II представляютъ два замѣчательнѣйшіе момента относительно осуществленія идеи о возсоединеніи съ Россіею ея древняго достоянія на Западѣ. Если Екатериною окончательно рѣшенъ вопросъ, занимавшій наше правительство въ продолженіе столь многихъ вѣковъ, то и при Алексѣѣ Михайловичѣ уже былъ сдѣланъ важный шагъ на этомъ пути. Послѣ крутаго перелома, нарушившаго, въ началѣ XVII вѣка, спокойствіе Московскаго государства и лишившаго его многихъ областей, родитель Петра Великаго является первымъ возобновителемъ собиранія Русской земли. Вмѣстѣ съ Малороссіею, возвратилъ онъ подъ державу свою и древнюю столицу нашу съ тою величественною рѣкою, въ волнахъ которой совершилось торжественное крещеніе Руси, съ священными горами, въ нѣдрахъ которыхъ поселились ея первые праведники. Андрусовскимъ миромъ опредѣлены границы между Россіею и Польшею до самыхъ временъ Екатерины. Хотя онъ и заключенъ только на 13 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, но уже въ 1678 году возобновленъ еще на 13 лѣтъ [1]. Самый договоръ Московскій былъ подтвержденіемъ Андрусовскаго трактата: Польша въ 1686 году отказалась только отъ земель, ей болѣе не принадлежавшихъ [2]. Но послѣдній договоръ имѣетъ великое значеніе потому, что заключенъ не на срокъ, а на вѣчныя времена. «По многимъ трудностямъ—гласитъ царская грамота—учиненъ такой вѣчный миръ Россійскому Нашему Царствію прибыльный и хвальный, котораго напредъ сего при предкахъ нашихъ Государскихъ не бывало» [3]. Вмѣстѣ съ окончательнымъ подтвержденіемъ прежде сдѣланныхъ уступокъ, Поль—

---

1. П. С. З. II, № 730.
2. П. С. З. № 1186. 3. Др. Р. Вивл. XX, стр. 335.

ское правительство, особою статьею Московскаго договора, обязалось не тревожить Православныхъ обитателей Русскихъ областей, еще остававшихся подъ его властію; слѣдовательно предоставило Государямъ Россіи право вступаться за нихъ. Обстоятельство важное. Вопросъ о диссидентахъ сдѣлался, въ XVIII вѣкѣ, роковымъ вопросомъ для Польши, еще допускавшей религіозную нетерпимость. Онъ повелъ къ тремъ раздѣламъ, которыми уничтожилось ея самобытное существованіе. Но дѣло это было явленіемъ, приготовленнымъ предшествовавшею исторіею Польши: по свидѣтельству Пуфендорфа, уже въ XVII вѣкѣ, существовалъ проэктъ о ея раздѣлѣ; самъ Янъ-Казимиръ предсказалъ не только будущую судьбу, но и принадлежность каждой части государства своего, раздираемаго факціями.

При такомъ ходѣ событій, прежній вопросъ о присоединеніи Польши во всемъ составѣ ея къ Московскому государству, посредствомъ избранія Царя Московскаго преемникомъ династій Ягеллоновъ и Вазы, долженъ былъ обнаружить несостоятельность свою. Различіе въ вѣроисповѣданіи, противоположность во всѣхъ проявленіяхъ общественнаго быта, безпрерывныя враждебныя столкновенія провели столь рѣзкія черты между двумя Славянскими народами, что подобное сліяніе, въ XVII вѣкѣ, было еще невозможно. Послѣ царствованія Алексѣя Михайловича вопросъ объ избраніи Монарховъ Россіи на престолъ Польскій не возобновлялся. Россія стала слишкомъ могущественна. Обремененная политическими недугами Польша опасалась, при сліяніи съ нею, исчезнуть, какъ малая струя среди непрестанно возраставшихъ водъ величественной рѣки. Только по уничтоженіи самобытности рѣчи посполитой, послѣ всеобщихъ переворотовъ въ политическомъ мірѣ, значительная часть бывшаго королевства Польскаго примкнула, въ царствованіе Благословеннаго, къ единоплеменной имперіи, и, въ настоящее славное царствованіе, слилась съ нею совершенно. Сблизились два народа, отъ одного корня цѣлые вѣка стремившіеся врозь.

Между тѣмъ Малороссія, соединивъ судьбы свои съ судьбами Великой Россіи, удержала на время свой особный бытъ. Но одно окончательное сліяніе въ административномъ и другихъ отношеніяхъ могло положить прочное основаніе ея благосостоянію: ибо въ этомъ сліяніи выражалось торжество государственнаго начала надъ всѣми элементами, ему противоборствовавшими. Въ церковномъ управленіи послѣдовало оно въ 1686 году: іерархъ Константинопольскій, въ зависимости отъ котораго находился митрополитъ Кіевскій, уступилъ принадлежавшія ему дотолѣ права своему во Христѣ брату, патріарху Московскому [1]. Несравненно больше затрудненій представляло управленіе свѣтское. Гетманы, преслѣдуя личные интересы, стремились къ упроченію своей самостоятельности; опасаясь стѣсненія ея, отлагались. Исторія запятнала ихъ именемъ измѣнниковъ: они нарушали присягу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдаляли счастливую для Малороссіи будущность. Не смотря однако на подобныя стремленія, первое начало тѣснѣйшему соединенію положено уже при Алексѣѣ Михайловичѣ. Московское правительство постоянно имѣло эту цѣль въ виду. Чиновникамъ, ѣздившимъ въ Малороссію, предписывалось «тайно провѣдывать про гетмана и Запорожское войско, ѣдучи дорогою, наединѣ говорить съ мѣщанами и бурмистрами для разныхъ Государевыхъ предложеній» [2] По полученіи извѣстія о смерти Хмельницкаго, велѣно было уже спрашивать Малороссіянъ: «не хотятъ ли о гетманѣ бить челомъ Государю, кого имъ пожалуетъ? нѣтъ ли у Черкасъ на полковниковъ какого ракоша и не похотятъ ли быть у нихъ Государевымъ воеводамъ?» Брюховецкій долженъ былъ уже просить у Царя, какъ милости, пожалованія его въ бояре

---

1. Бант. Кам. II, стр. 222. Посвященіе Гедеона Святополка (князя Четвертинскаго) на Кіевскую митрополію патріархомъ Іоакимомъ послѣдовало уже въ 1685 году, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ; но разрѣшительныя отъ Восточныхъ патріарховъ грамоты получены позднѣе.

2. Синб. Сборникъ: наказы Кикину.

Московскіе, чтобъ, по выраженію Конискаго, «верстаться получше да поглаже съ столбовыми боярами тутошними». [1] Измѣнился и самый тонъ грамотъ, адресованныхъ на имя боярина-гетмана Брюховецкаго въ болѣе рѣзкій и повелительный; была попытка во всѣхъ городахъ водворить Московскихъ воеводъ, ввести однообразный съ другими областями сборъ податей. Многія, правда, изъ этихъ мѣръ не удались: Московское правительство, въ XVII вѣкѣ, было еще принуждено отказаться отъ нѣкоторыхъ распоряженій своихъ. Тѣмъ не менѣе власть гетмановъ болѣе и болѣе ограничивалась. Самойловичъ не имѣлъ уже права сноситься съ иностранными Государями; не могъ никого наказывать безъ совѣта съ старшинами, ни отнимать вотчинъ; во всемъ долженъ былъ руководствоваться не своею волею, а судомъ и правомъ посполитымъ [2]. Но не вдругъ отмѣнено самое достоинство гетмана. Петръ Великій учредилъ, въ 1722 году, для управленія Малороссіею, коллегію, которая, по смерти гетмана Скоропадскаго, вступила въ свои обязанности. При Петрѣ II она опять была уничтожена, и Малороссіянамъ предоставлено избрать гетмана вольными голосами по прежнимъ привилегіямъ. При Аннѣ Іоанновнѣ (по смерти гетмана Дан. Апостола) коллегія возстановлена и существовала до 1750 года: тогда снова было дозволено приступить къ избранію гетмана. Выборъ палъ на графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, которому суждено было заключить собою длинный рядъ Малороссійскихъ гетмановъ. Въ царствованіе Екатерины II (1765 г.) послѣдовало окончательное отмѣненіе этого достоинства. По учрежденіи губерній, Малороссія вошла въ общую административную систему имперіи; уничтоженіемъ сѣчи Запорожской истребленъ послѣдній притонъ противогосударственнаго элемента. Казачество стало учрежденіемъ чисто-гражданскимъ.

Стремленіе къ господству въ областяхъ Прибалтійскихъ,

---

1 Ист. Русс. стр. 162.

2. См. Переяславскій договоръ въ П. С. З. I, № 373.

нѣкогда также признававшихъ надъ собою власть Дома Св. Владиміра, находилось въ тѣсной связи съ вопросомъ о приморскихъ гаваняхъ, необходимость которыхъ для Россіи дѣлалась болѣе и болѣе очевидною. Надлежало искать ихъ со стороны Юга и Сѣверо-Запада. Но путь къ Черному морю былъ отрѣзанъ Крымцами. Предпріятія противъ нихъ долженствовали слиться съ борьбою противъ Турціи, съ которою Россія, въ Заднѣпровской Украйнѣ, пришла въ непосредственное враждебное столкновеніе. Европа радовалась такому столкновенію. Она давно старалась вооружить Государей Московскихъ противъ враговъ Христіанства, не смотря на то, что уже въ XVII столѣтіи носились слухи о предназначеніи Константинополю быть подъ властью Русскихъ Царей [1]. « Вы ли, почитаемые сильнѣйшими ревнителями Христовой паствы, захотите отказаться отъ священнаго союза? » говорили Австрійскіе послы Царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ: « ополчитесь на иновѣрнаго, сразитесь за Христа и имя Ваше съ благоговѣніемъ прочтутъ земные владыки въ скрижаляхъ исторіи. Граньте молніеносными перунами, земля и море узнаютъ васъ » [2]. Россія приняла участіе въ брани, которую, подъ конецъ XVII вѣка, Австрія и союзныя съ нею Державы вели съ Турціею. Не смотря на то, не скоро могла она стать твердою ногою при Черномъ морѣ. Крымскіе походы Голицына были такъ неудачны; самые плоды взятія Петромъ Великимъ Азова уничтожены Прутскимъ договоромъ. Только въ царствованіе Екатерины Великой вошли въ составъ ея страны Припонтійскія. Громкія побѣды героевъ Задунайскихъ и Чесменскихъ заставили Турцію уважать права об-

1. Потемкинъ, ѣздившій посломъ въ Испанію и Францію, говоритъ въ своемъ статейномъ спискѣ (Др. Р. Вивл. IV, 256), что Греки являлись къ нему съ извѣстіемъ: « Турскій де Царь и Паши всѣ съискавъ въ письмахъ своихъ гадательныхъ и говорятъ то, что то время пришло, что Царюграду быти за нимъ же Государемъ ». То же повторяется въ другихъ статейныхъ спискахъ.

2. М. Н. Кап. Дипл. сп. стр. 27.

щенародныя и предоставить Русскимъ кораблямъ свободное плаваніе чрезъ проливы, издревле принадлежавшіе родственному намъ по вѣрѣ и другимъ отношеніямъ племени Эллинскому. Но, въ то же время, утвержденіе господства Сѣвернаго исполина на Черномъ морѣ возбудило опасенія новыхъ поколѣній Западно-Европейскаго человѣчества. Стали вступаться за Турцію Державы, которыя въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ или, правильнѣе, при совершенномъ упадкѣ ихъ, сблизились съ вѣрованіями Магометанъ, можетъ быть, согласились бы и принять ихъ, если бъ не препятствовали этому обряды, неудобосовмѣстимые съ утонченною цивилизаціею.

Мысль о господствѣ при Балтійскомъ морѣ была, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, по-видимому, близка къ осуществленію. Но возобновившаяся борьба за Малороссію отвлекла все вниманіе Московскаго правительства на другое поприще. Недоставало и орудій для выполненія предпріятія, сопряженнаго съ большими затрудненіями. Не всѣ изъ тогдашнихъ сановниковъ нашихъ понимали важность отношеній Прибалтійскихъ земель къ Россіи: Ордыныхъ-Нащокиныхъ было немного. Слишкомъ рѣзкими казались самыя черты, разграничивавшія нашъ бытъ и бытъ страны, давно усвоившей всѣ Западно-Европейскіе элементы. Если въ памяти Ливонцевъ глубоко врѣзались походы Грознаго, то и воины Алексѣя Михайловича не чуждались жестокости; не могли не вызвать сильнаго противодѣйствія стремленіямъ Россіи [1]. Только преобразованія Петра долженствовали сблизить съ нами обитателей прежнихъ Орденскихъ земель. Ему суждено было изгладить слѣдствія договоровъ Столбовскаго и Кардисскаго. Швеція отказала въ уступкѣ одного приморскаго пункта, а битва Полтав-

1. Pufend. III, § 48: «Et jusserant Mosci omnes Finnos, aut qui ex aliis nationibus eas provincias incolunt, trucidari, baptismi ritum Rusco more suscipere et Czari juratam fidem adstringere abnuentes». Въ Доп. къ акт ист. IV, № 28: «людей побивали, и хлѣбъ и лошади и животину всякую емлютъ, и насилство всякое дѣлаютъ».

ская и миръ Ништадтскій заставили ее уступить все Юго-восточное прибрежье. Завоевана была Петромъ и большая часть Финляндіи, но только для того, чтобъ, при мирныхъ переговорахъ, «Шведская шея мягче гнулась» [1]. Окончательное присоединеніе ея послѣдовало не прежде нашего вѣка, когда Россія, съ этой стороны, вошла въ естественные предѣлы свои.

6.

Сношенія Россіи съ Западомъ сдѣлались, во второй половинѣ XVII столѣтія, столь частыми и многозначительными, что она видимо готовилась занять мѣсто, принадлежащее ей въ системѣ государствъ образованнаго міра; готовилась быть живымъ, дѣятельнымъ членомъ Европейскаго общества. Австрія, Голландія, Данія, Бранденбургія успѣли, во время борьбы противъ Карла X, ближе ознакомиться съ тѣмъ вѣсомъ, который она могла имѣть въ дѣлахъ войны и политики. Онѣ сами приглашали ее участвовать въ своихъ союзахъ. Но Россія, по справедливости, чуждалась вмѣшательства въ дѣла, которыя не находились въ тѣсной связи съ ея ближайшими интересами, тѣмъ болѣе въ частные вопросы отдѣльныхъ государствъ между собою. Такъ, въ 1675 году, отказалась она отъ союза противъ Швеціи, не представлявшаго достаточнаго обезпеченія для ея собственныхъ видовъ. Только въ концѣ XVII вѣка—уже по смерти Царя Алексѣя Михайловича—видимъ ее въ числѣ многихъ союзныхъ Державъ, воевавшихъ съ Турціею. Но здѣсь, кромѣ приглашенія со стороны Польши и Австріи, правительство Московское преслѣдовало и собственныя цѣли. Первое проявленіе вмѣшательства въ вопросы обще-Европейскіе, не касавшіеся непосредственно ближайшихъ интересовъ Россіи, относится уже къ царствованію Петра Великаго: въ 1717 году принимаетъ она на себя гарантію Утрехтскаго мира по приглашенію

---

1. Письмо Государя къ адмиралу Апраксину.

Державъ, въ немъ участвовавшихъ. Болѣе дѣятельное вмѣшательство было предоставлено временамъ позднѣйшимъ.

Находясь въ сношеніяхъ съ Европою, правительство наше обращало вниманіе какъ на расширеніе торговли, такъ и на усвоеніе нѣкоторыхъ плодовъ процвѣтанія на Западѣ искусствъ и наукъ.

Стремленіе расширить внѣшнюю торговлю обусловливалось, съ одной стороны, отсутствіемъ въ Россіи мануфактурной промышленности, необходимостью доставить государству то, чего не производила его собственная почва; съ другой, желаніемъ увеличить доходы казны. Но иноземцы успѣли пріобрѣсти привилегіи въ ущербъ интересамъ Русскихъ торговыхъ людей и самымъ финансамъ государства. Такія крайности въ развитіи внѣшней торговли вызвали, при Алексѣѣ Михайловичѣ, существенныя измѣненія: повсемѣстность коммерческой дѣятельности иностранныхъ купцевъ была стѣснена назначеніемъ извѣстныхъ городовъ; обороты подчинены платежу уставной пошлины; дозволено имъ производить одну оптовую торговлю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, важный шагъ впередъ на поприщѣ народной промышленности сдѣланъ уничтоженіемъ значительной части внутреннихъ пошлинъ, учрежденіемъ первыхъ замѣчательныхъ у насъ фабрикъ и заводовъ.—Не смотря на то, Россія, во всѣхъ отрасляхъ ея, далеко отстала отъ другихъ странъ Европы. Только въ царствованіе Петра положены въ основаніе промышленности нашей болѣе прочныя начала: всѣ виды ея, какъ истинный источникъ народнаго благосостоянія, вполнѣ вошли въ число вопросовъ государственныхъ и получили направленіе, сообразное съ самыми свойствами нашего отечества и его обитателей. Державные преемники Великаго Преобразователя продолжали развивать его предначертанія. Въ царствованіе Елисаветы Петровны послѣдовало окончательное уничтоженіе всѣхъ внутреннихъ таможенъ и пошлинъ, начало которому было уже положено при Алексѣѣ Михайловичѣ. Продолжая, огромнымъ избыткомъ своихъ сырыхъ произведеній, снабжать другія

страны Европы, Россія, въ то же время, развивала и мануфактурную дѣятельность свою. Дѣятельность эту поддерживали не одною запретительною системою, но и своевременными измѣненіями въ охранительномъ тарифѣ, допущеніемъ, при измѣнявшихся обстоятельствахъ, большей свободы въ торговлѣ. Доставили ей средства постепенно развиться до той степени, что Россія, и въ промышленномъ отношеніи, достигла полной независимости отъ другихъ странъ, счастливой самостоятельности.

Продолжая вызывать полезныхъ иностранцевъ, Алексѣй Михайловичъ имѣлъ преимущественно въ виду дать лучшее устройство нашимъ ратнымъ силамъ. Многое приготовилъ онъ для своего великаго сына— но совершеннаго преобразованія произвести не успѣлъ. Для этого недостаточно было частныхъ улучшеній: надлежало пересоздать военную систему въ ея основаніяхъ, измѣнить бытъ служилыхъ людей разныхъ разрядовъ. Рейтары, драгуны, солдаты, находившіеся въ полкахъ новаго строя, подобно прочимъ лицамъ, на которыхъ лежала повинность воинской службы, жили въ деревняхъ и занимались сельскимъ хозяйствомъ. Одни чередовые изъ нихъ несли полугодичную службу; остальные только на короткое время сходились на ученье. Иностранцы, отъ которыхъ зависѣли всѣ улучшенія, нерѣдко сами не имѣли надлежащихъ свѣдѣній [1]. Прежняя система осталась преобладающею. Государство продолжало терпѣть отъ ея недостатковъ, не пользуясь выгодами новой. Только нѣкоторые изъ Московскихъ полковъ, называвшіеся выборными, доведены были до болѣе совершеннаго устройства. Но и они, вскорѣ послѣ кончины Алексѣя Михайловича, болѣе или менѣе, сравнялись съ другими войсками, такъ что одинъ Бутырскій полкъ, находившійся подъ командою генерала Гордона, могъ назваться регулярнымъ [2]. Вообще,

1. Мейерб. стр. 94: «Docere illos artem imperandi nequeunt, quam ipsi non didicerunt.»

2. Полк. Карцева: обз. Сѣв. в. стр. 15.

видимъ только начатки преобразованій въ ратномъ дѣлѣ; и тѣ, по выраженію князя Долгорукова, были впослѣдствіи разорены людьми несмысленными. Основаніе будущей силѣ нашихъ войскъ положено не прежде царствованія Петра Великаго. Непосредственное личное участіе въ отправленіи всѣхъ обязанностей военной службы доставило преобразователю средства изучить ее во всѣхъ подробностяхъ и сдѣлаться наставникомъ своихъ подданныхъ. Введеніе рекрутскихъ наборовъ на тѣхъ началахъ, на которыхъ они, въ главныхъ чертахъ, существуютъ донынѣ, произвело совершенное преобразованіе въ бытѣ служилыхъ сословій. Петру преимущественно обязана Россія тѣмъ, что, въ настоящее славное царствованіе, нашла столь твердую опору въ войскахъ своихъ; могла, по мановенію Державной воли Государя, который возвелъ у насъ ратное дѣло на высшую степень совершенства, противопоставить непреоборимый оплотъ нападеніямъ многочисленнѣйшихъ враговъ. Много ли примѣровъ такого величественнаго воинственнаго движенія, какое, предъ взорами Европы, совершается нынѣ въ нашемъ отечествѣ, можетъ представить всемірная исторія?

Медленнѣе всего подвигалась Россія на пути умственнаго образованія. Просвѣщеніе наше по-прежнему сосредоточивалось преимущественно въ сферѣ духовной. Самое сближеніе съ Европою имѣло еще характеръ чисто-оффиціальный, не было чуждо натяжки, недовѣрчивости: потому вліяніе его ограничивалось сферою государственною. Въ отношеніи къ тогдашнему обществу было оно незначительно; по крайней мѣрѣ, мало способствовало успѣхамъ образованія. Представители новыхъ потребностей являлись какъ исключенія даже въ высшемъ сословіи. Если въ царствованіе Алексѣя Михайловича прибылъ къ Архангельску Лефортъ, который, и при отсутствіи вліянія на первоначальное развитіе душевныхъ способностей Петра, былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ преобразователя, то въ то же царствованіе вступилъ въ управленіе Церковію патріархъ Іоакимъ, который, въ своемъ духовномъ завѣщаніи (1690 г.),

просилъ Царей Іоанна и Петра изгнать изъ Россіи, какъ враговъ Божіихъ, всѣхъ иностранцевъ; отринуть ихъ услуги и не вводить ни чужеземныхъ обычаевъ, ни чужеземной одежды. Удивительно ли послѣ этого, что Великій Преобразователь встрѣчалъ столько препятствій въ своемъ подвигѣ; долженъ былъ прибѣгать къ мѣрамъ насильственнымъ, самъ создавать орудія для выполненія своихъ предначертаній? Въ современномъ обществѣ находилъ онъ еще мало людей, которые были вполнѣ способны къ воспріятію идей, такъ свѣтло сознанныхъ его геніемъ. Семнадцатый вѣкъ представлялъ лишь слабыя начала того всесторонняго преобразованія, которое наступило для Россіи съ началомъ восемнадцатаго.

Но, съ другой стороны, въ этотъ вѣкъ, совершенно развились коренныя основы исторической жизни нашего отечества. Онѣ окрѣпли до той степени, что внѣшнія формы, заимствованныя впослѣдствіи отъ Запада, не могли измѣнить этихъ своебытныхъ, отличительныхъ началъ нашей народности. Вѣрная имъ Россія наслаждалась счастливымъ спокойствіемъ въ то время, когда иныя страны его не вѣдали; не страшится и нынѣ ударовъ, противъ нея направленныхъ. Она проникнута убѣжденіемъ, что удары эти должны сокрушиться о крѣпкую броню, которою она облечена — броню непоколебимости въ вѣрѣ, преданности къ престолу и любви ко всему родному.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Царствованіе Алексѣя Михайловича, по своему характеру, принадлежитъ еще вполнѣ древней Руси, хотя и проявляются нѣкоторые признаки скораго наступленія эпохи преобразованія.

2. Восшествіе на престолъ Династіи Романовыхъ было самымъ блестящимъ доказательствомъ торжества государственнаго начала надъ противоборствовавшими ему, въ эпоху смутъ, своекорыстными стремленіями нѣкоторыхъ разрядовъ общества. Если являлись и впослѣдствіи самозванцы, то они были только запоздалыми, глухими отголосками времени, которое уже не могло возвратиться: ибо необходимость порядка государственнаго перешла въ народное сознаніе.

3. Неустройства, нарушавшія спокойствіе Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, проистекали изъ инаго источника. Только въ мятежѣ Разина противогосударственный элементъ еще сыгралъ важную роль: но онъ болѣе примкнулъ извнѣ, нежели развился внутри государства.

4. Изданіемъ соборнаго уложенія 1649 года, нѣкоторымъ образомъ, завершилась законодательная дѣятельность древней Руси.

5. Въ учрежденіи Тайнаго приказа проявляется та же мысль, которою руководился Грозный, поручая важнѣйшія дѣла дьякамъ, людямъ незнатнаго происхожденія. Учрежденіе это, уменьшивъ значеніе боярской Думы съ притязаніями ея членовъ на наслѣдствен-

ность ихъ званія, многое приготовило для будущихъ преобразованій въ сферѣ государственной службы.

6. Эпоха самозванцевъ была послѣднею гранью для открытыхъ попытокъ папъ подчинить своей власти Русскую Церковь: съ того времени Римско-Католическая пропаганда только изрѣдка обнаруживала свою дѣятельность въ тайныхъ, безсильныхъ происках Іезуитовъ.

7. Вопросъ объ исправленіи церковныхъ книгъ окончательно рѣшенъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича: послѣдующіе труды представляютъ, большею частію, исполненіе предначертаній Никона и Собора 1666 — 1667 года.

8. Чрезмѣрное возвышеніе въ Никонѣ патріаршей власти обусловливалось какъ его энергическою личностью и первыми къ нему отношеніями Царя, такъ и событіями въ Россіи съ конца XVI вѣка: но оно противорѣчило прежнимъ у насъ отношеніямъ духовной власти къ свѣтской.

9. Паденіе Никона было прямымъ слѣдствіемъ, съ одной стороны, его іерархическихъ притязаній и крутаго, неуступчиваго характера; съ другой, интригъ многочисленныхъ враговъ между вельможами, отчасти и злобы приверженцевъ раскола.

10. Царствованіе Алексѣя Михайловича представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ нашей исторіи относительно возвращенія древняго достоянія, отторгнутаго отъ Россіи въ періодъ ея униченія.

11. Присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству было результатомъ исторической необходимости: личностью Хмельницкаго только ускорено событіе, которое рано или поздно долженствовало совершиться.

12. Одна изъ причинъ строгости сеймовъ въ отношеніи къ Малороссіи заключалась въ желаніи отнять у бѣглыхъ крестьянъ Польскихъ магнатовъ самую возможность находить безопасное убѣжище подъ знаменами казачества.

13. Неустройства, колебавшія Малороссію и по присоединеніи къ

Москвѣ, были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ столкновенія въ ней государственнаго начала съ противогосударственнымъ: стремленіе Московскаго правительства къ тѣснѣйшему соединенію новопріобрѣтенной страны съ остальными областями государства встрѣтило сильное противодѣйствіе въ стремленіи казацкаго общества удержать свой особный бытъ, дававшій полный просторъ личнымъ интересамъ.

14. Первое начало отмѣненію особнаго быта Малороссіи положено уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича; но окончательное уничтоженіе его послѣдовало не прежде царствованія Императрицы Екатерины Великой.

15. Осуществленіе видовъ Московскаго правительства на Прибалтійскія земли встрѣтило, съ одной стороны, препятствіе въ возобновившейся борьбѣ за Малороссію, которая отвлекала наши силы; съ другой, самый бытъ Россіи представлялъ тогда еще слишкомъ мало точекъ соприкосновенія съ чисто-Европейскимъ бытомъ прежнихъ Орденскихъ земель, потому не могъ пробудить въ нихъ желанія къ соединенію подъ одну державу съ Москвою. Кромѣ Ордына-Нащокина было у насъ мало и людей, понимавшихъ отношенія къ этимъ землямъ.

16. Касательно распространенія владѣній Россіи въ Сибири, подчиненія ея вліянію кочевыхъ ордъ Востока и отношеній къ землямъ Кавказскимъ, Алексѣй Михайловичъ вполнѣ является продолжателемъ дѣятельности своихъ Державныхъ предшественниковъ.

17. Дипломатическія сношенія представляютъ, въ царствованіе его, послѣднюю фазу постепеннаго сближенія съ Европою: Россіи оставалось только окончательно вступить въ систему Европейскихъ государствъ и принять дѣятельное участіе въ рѣшеніи обще-Европейскихъ вопросовъ.

18. Преобразованія подъ вліяніемъ сближенія съ Западною Европою касались, въ XVII вѣкѣ, только немногихъ отраслей въ сферѣ государственной. Проявленіе этого вліянія въ нѣкоторыхъ обычаяхъ высшихъ сословій встрѣтило даже противодѣйствіе со стороны правительства.

19. Улучшенія въ устройствѣ ратныхъ силъ были недостаточны:

нужало произвести перемѣну въ самомъ образѣ жизни служилыхъ людей и пересоздать военную систему нашу въ ея основаніяхъ. Это могъ совершить только Петръ уничтоженіемъ стѣснительныхъ условій нашего древняго быта, личнымъ, непосредственнымъ изученіемъ подробностей и отправленіемъ всѣхъ обязанностей военной службы.

20. Учрежденіе гостинной сотни было не противодѣйствіемъ спекуляціямъ иностранныхъ купцевъ, а чисто-финансовою мѣрою.

21. Пышность и великолѣпіе Двора Московскаго достигли въ XVII вѣкѣ высшей степени; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, внесена какая-то неподвижность въ самые мелочные обряды. Обстоятельство это не осталось безъ вліянія на Петра Великаго. Пылкій духъ его уже въ юности пренебрегалъ мертвою формою; рвался изъ оковъ, налагаемыхъ на него условіями современнаго быта Русскаго; находилъ просторъ только въ свободной простотѣ частной жизни.

22. Неумолимая строгость Петра въ отношеніи къ стрѣльцамъ и другимъ нарушителямъ закона вполнѣ объясняется сценами мятежа и убійства, окружавшими его юность: изъ нихъ вынесъ онъ безпредѣльную ненависть ко всякому проявленію противогосударственнаго начала. Недостатокъ сочувствія, который онъ, при осуществленіи полезнѣйшихъ предпріятій, встрѣтилъ въ столь многихъ изъ своихъ подданныхъ, долженъ былъ еще усилить такое расположеніе.

23. Предъ эпохою преобразованія древняя Русская жизнь исчерпала себя вполнѣ. Коренныя начала ея развились въ той степени, что ихъ уже не могли измѣнить внѣшнія формы, заимствованныя впослѣдствіи отъ Запада: но полное сознаніе важности этихъ своебытныхъ началъ политической и общественной жизни Россіи относится только къ современной намъ эпохѣ, уничтожившей прежнее раздвоеніе между новою и древнею Русью.

TAYLOR INST. • OXFORD •